

БУЛАТ РАХИМЗЯНОВ

МОСКОВСКАЯ РУСЬ И ТАТАРСКИЕ ХАНСТВА В XV—XVI ВВ.

ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Булат Рахимзянов

**Московская Русь и татарские
ханства в XV–XVI вв.**

«Татарское книжное издательство»

2018

УДК 94(47)«14/15»
ББК 63.3(2Рос=Тат)43/44

Рахимзянов Б. Р.

Московская Русь и татарские ханства в XV–XVI вв. /
Б. Р. Рахимзянов — «Татарское книжное издательство», 2018

ISBN 978-5-298-03583-5

В этой книге рассматриваются политические отношения между татарскими государствами, образовавшимися после распада Золотой Орды (Большой Ордой и её преемником Астраханским ханством, Крымским, Казанским, Сибирским, Касимовским ханствами, Ногайской Ордой), и Московским царством в XV–XVI вв. «Своей» или «чужой» была Москва в системе наследников Улуса Джучи? Как менялся её статус в татарском мире в течение изучаемого периода? Насколько обоснованны прежние суждения о взаимоотношениях обитателей Татарской Степи и Московской Руси в позднезолотоордынский период? Прав ли был Лев Гумилёв, утверждавший, что Великую Степь и Русь объединял партнёрский союз, или же предпочтительна концепция российской имперской и советской исторической науки о постоянной борьбе между татарами и русскими? Булат Рахимзянов, профессиональный историк, отвечает на эти вопросы на материале аутентичных источников и с широким привлечением исследовательской литературы.

УДК 94(47)«14/15»
ББК 63.3(2Рос=Тат)43/44

ISBN 978-5-298-03583-5

© Рахимзянов Б. Р., 2018

© Татарское книжное
издательство, 2018

Содержание

Введение	7
Глава 1	9
Глава 2	23
Глава 3	45
Глава 4	79
Глава 5	90
Подводя итоги	114
Список сокращений	119
Приложения	120
Приложение 1. Хронология основных событий	120
Приложение 2. Персоналии	124
Приложение 3. Выдержки из документов[598]	135
Summary	137
Сведения об авторе	138
Резюме	140

Булат Раимович Рахимзянов
Московская Русь и татарские
ханства в XV–XVI вв

© Татарское книжное издательство, 2018

© Рахимзянов Б. Р., 2018

*Посвящаю памяти моего отца
Рахимзянова Раима Абдрахмановича*

Введение

«Поскреби русского – найдёшь татарина», – гласит известная фраза, авторство которой установить трудно. Почему в этой поговорке так тесно переплетены судьбы этих двух, казалось бы, разных народов?

Прародиной всех татар является Улус Джучи, или, как его часто называют в литературе, Золотая Орда. Это государство оставило в мировой истории значительный след. Примерно с середины XV в. эта империя вступила в период своего распада. На месте прежде единого пространства образовались так называемые «наследники Орды» – татарские ханства и орды, связанные между собой как единой династией потомков Чингис-хана, так и традициями государственного устройства и управления, религией и культурой. И если изучение самой «прародительницы» началось ещё в XIX в. и активно продолжилось в XX–XXI вв., то её наследники не могли похвастаться активным вниманием к своей истории вплоть до конца XX в. Особенно это касается их связей с Московским государством.

Действительно, читая учебники и другие обзорные тексты в свои студенческие годы, я не мог избавиться от впечатления, что если Золотая Орда и была представлена в политической истории Восточной Европы (хотя и находилась в неминуемой и долговременной агонии с 1380 по 1480 г.), то после распада её место на политической карте стало абсолютно вакантным. Какие-то изначально обречённые на скорую смерть и забвение «осколки» Орды всё ещё существовали в политическом пространстве Центральной Евразии, однако их дни были сочтены – на сцену во всём её великолепии уже в XV в. выдвигалась Московская Русь. От Великого княжества Литовского, а также от позднезолотоордынских государств – наследников Улуса Джучи – в моей памяти остались только их названия. Согласно прочитанным мной обзорным текстам, все эти политии очень скоро были поглощены Москвой, и рассматривать их историю подробно не имело особого смысла.

Позже, начав углублённо заниматься историей татарских ханств – наследных государств Улуса Джучи, я понял, что источниковая картина зачастую противоречит постулатам учебников. Стало ясно, что рассматривать события с точки зрения человека, который знает ход истории на 500 лет вперёд своих персонажей, непродуктивно. При таком ракурсе многое упускается из виду.

В числе государств, входивших в состав Улуса Джучи на особых условиях зависимости, был и так называемый «Русский улус» – совокупность княжеств Северо-Восточной Руси, покорённых войсками правителя Бату, которую татарские источники обозначали как единое целое. Из числа этих русских княжеств постепенно выделяется сильнейшее – Московское великое княжество. Вопрос о степени участия Москвы в позднезолотоордынской политической жизни специально в литературе не исследовался. Поэтому данная работа рассматривает связи между татарскими государствами, образовавшимися после распада Золотой Орды (Большой Ордой и её преемником Астраханским ханством, Крымским, Казанским, Сибирским, Касимовским ханствами, частично Ногайской Ордой), и Московским царством.

Эти связи имели две направленности – военную, агрессивную, и мирную, условно «дружественную». Если первой посвящено множество работ, то вторая изучена в значительно меньшей степени. Говорить о схожести Москвы с миром Золотой Орды до определённого момента считалось признаком дурного тона – полагалось, что этим принижается значение русского народа в мировой истории и культуре. Именно поэтому мне было интересно сосредоточиться на мирном аспекте сотрудничества Москвы и её правителей с татарским политическим миром. Основной вопрос, на который я отвечаю в этой книге – была ли Москва «своей» или «чужой» в системе наследников Улуса Джучи? Как менялся статус Московской Руси в татарском мире в течение изучаемого периода?

Для ответа на этот вопрос я использовал следующие источники: дипломатическую документацию, летописи, актовый материал, описи архивов, разрядные и писцовые книги, повествовательные тексты. В подавляющем большинстве это материалы русского происхождения – татарские тексты в основном не сохранились.

Важным источником была дипломатическая документация. Этот источник создавался в Москве; однако он содержит в себе русские переводы с грамот татарских правителей и их приближённых, отправленных в Московское княжество-государство. Дипломатическая документация включает в себя грамоты правителей разных государств друг к другу, описания пребывания татарских послов в Московском царстве, записи о переговорах, наказы (инструкции) русским послам и гонцам в татарские государства и их отчёты.

Посольские книги – это подробные отчёты дипломатических лиц, составленные по определённым разделам (статьям). Послы и посланники подробно отчитывались о деятельности посольства в той или иной стране. В основу посольских книг положены ежедневные записи послов о том, что они видели и слышали, сделанные непременно в тот же день. В состав посольских книг входила и программа деятельности посла и его «товарища», пунктуально определённая подробнейшим наказом официальных лиц, где порой были предусмотрены не только вопросы, но и ответы на наиболее вероятные вопросы другой стороны. В состав посольских книг входили и записи о переговорах с иноземными послами и гонцами, происходивших в Московском государстве. Посольские книги содержат информацию по самым разным вопросам – от военных действий до внутреннего положения в зарубежных странах.

Более всего были использованы материалы по связям Москвы с Крымским ханством и Ногайской Ордой. Дополнительные данные были почерпнуты из переписки Московского великого княжества-царства с Османской империей, Великим княжеством Литовским и Коронай Польской. Некоторые временные отрезки за период XV–XVI вв. вообще не покрыты соответствующей посольской документацией – она безвозвратно утеряна.

Для удобства я объясню понимание некоторых принципиальных для книги терминов. В данной монографии под «татарским миром», он же «Степь», я понимаю совокупность всех наследников распавшейся империи – Улуса Джучи, или Золотой Орды, имевших активные внешнеполитические контакты с Москвой. Это так называемые поздnezолотоордынские государства. Под «татарами» имеются в виду представители этих государств, включая и ногаев (их обособление происходит только в XVIII в.).

Под термином «юрт» часто понимается территория, выделяемая в управление тому или иному представителю татарского мира московским правителем. В других случаях под «юртом» имеется в виду независимое государство (Казанский юрт, Крымский юрт). Изначально в древнетюркском языке слово «юрт» означало «дом», «владение», «местожительство», «страна», «земля». Юртом могли называть как независимое государство, так и отдельную часть данного государства.

Джучиды – это потомки Джучи, сына Чингис-хана. Дешт, Дешт-и-Кипчак (с араб. – Кипчакская степь) – территория бывшей половецкой степи, завоёванная монголами в XIII в. В тексте данной книги употребляется для обозначения территории бывшей Золотой Орды в XV–XVI вв.

За идею создать эту книгу я хочу поблагодарить писателя Петра Марковича Алешковского. Прочитав мою вторую книгу «Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв.» (СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2016) и высоко оценив её содержание, он, тем не менее, сказал мне буквально следующее: «Так писать нельзя». Имелся в виду сугубо научный стиль и метод изложения данной книги. Его идея сделать доступный текст для массового читателя мне понравилась. Та книга, которую вы держите сейчас в руках – результат моих трудов в этом направлении.

Глава 1

Первые татары в московском княжестве: от нежданных гостей к постоянным владельцам

В начале XV в. прежде единое государство Улус Джучи стало распадаться. Этот процесс имел глубокие последствия для всех государственных образований данного региона, включая Московское великое княжество. Начало данного процесса можно отнести к концу 1350-х гг., когда политическая элита Степи была вовлечена в серию разрушительных столкновений в борьбе за джучидский трон, и власть начала постепенно переходить из Сарая – столицы Золотой Орды – в руки клановых лидеров, обретавшихся в многочисленных провинциях распадающейся империи. Несмотря на неоднократные попытки воссоздания единого государства, джучидские ханы Сарая потерпели крах в восстановлении своей независимости. К 1450 г. Сарая как единого центра империи более не существовало.

Упадок Сарая не означал конца джучидского правления в целом. Джучиды покидали бывшую столицу и переносили власть на периферию распадающейся державы, теперь уже в новом для бывших имперских структур статусе. Если ранее Джучиды назначались из Центра в провинции как наместники, то теперь они бежали из Центра в провинции как потерпевшие поражение в сарайских политических играх. Оказавшись в отдалённых районах, некоторые из Джучидов преуспели в восстановлении своих полномочий как правителей, хотя и на региональном уровне. При этом, по всей видимости, мыслили они себя всё же правителями единой империи, которые просто временно потеряли некоторые зоны своего прежнего влияния. По крайней мере, в русских летописях не обозначается ханом («царём») какой части бывшей империи является тот или иной Джучид, они обозначаются просто как «царь» (не «царь казанский» или «царь астраханский»). Они образовали наследные Золотой Орде ханства и орды. Однако степень их автономии друг от друга была весьма условна: некоторые факты говорят нам о глубоких связях между этими образованиями в течение всего XV в., а также и первой половины XVI в., которые ставят их независимость друг от друга под вопрос. Однозначно говорить о полном распаде Золотой Орды на отдельные государства в середине XV в. неверно. Полного распада империи не произошло.

С течением времени система престолонаследия в Улусе Джучи стала меняться: лестничная система (от старшего брата к более младшему и так до окончания генеалогической ветви, только после этого к сыну самого старшего брата) постепенно заменяется прямой системой наследования от отца к сыну примерно со времени правления хана Узбека б. Тогрула (1312–1342 гг.). При этом боковые линии Джучидов оказались отрезанными от прав на трон. Когда центр империи ослаб, появилось много «лишних» Джучидов, не желающих превращаться в изгоев. Более того, четырёхклановая система карачибексов (феодалная знать в Золотой Орде и поздnezолотоордынских государствах, занимавшая наиболее видное политическое положение), распространённая в Улусе Джучи, предполагает возможность смены родовых элит. При этом определённые Джучиды были связаны с конкретными кланами. Соответственно в случаях «перетасовки» кланов они «выдавливались» из властной структуры Улуса, вызывая «брожение» и вынуждая их на поиски новых мест для сохранения своего статуса. Примером такого «выдавливания» может служить приход хана Тохтамышса к власти.

Поэтому возникновение джучидских ханств на периферии распадающейся империи было не единственным следствием неурядиц в Сарае. На каждого Джучида, преуспевшего в восстановлении своей верховной власти в провинциях империи, приходилось много других, кому повезло меньше. Они стали изгнанниками, вынужденными искать соглашения с местными властителями бывших регионов империи, среди которых были и московские прави-

тели Северо-Востока Руси, которые после двухвекового подчинения Сараю обнаружили себя в совершенно новой ситуации: они были вынуждены как-то реагировать на потоки хорошо вооружённых татарских беглецов из центральных районов Степи.

Как поведёт себя Москва в этой ситуации, какую тактику изберёт она для контактов с этими беглецами? Чем определялось её поведение – искренними желаниями или вынужденной прагматикой? Каково было соотношение политических статусов двух сторон – московской и татарской – в начале XV в. и его третьей четверти? Вот круг вопросов, на которые я дам свой ответ ниже.

Разгром Тамерланом (Тимур б. Тарагай) Золотой Орды в 1391 и 1395–1396 гг. и усиление междоусобицы увеличили отток татар из Степи в соседние страны. Ибн Арабшах писал, что значительная группа татар ушла к румийцам и русским: «Дела племён Дештских стали ухудшаться да расстраиваться и, вследствие малочисленности убежищ и крепостей, подвергались разъединению и розни... Большая толпа их ушла с Тимуром, которому она стала подвластной и у которого находилась в плену. От них отделилась часть, которая не поддаётся ни счёту, ни исчислению (выделено мной. – Б. Р.) и не может быть определена ни диваном, ни дефтерем; она ушла к румийцам и русским (выделено мной. – Б. Р.) и, по своей злополучной участи и превратной судьбе своей, очутилась между христианами, многобожниками и мусульманскими пленниками... По этим причинам живущие в довольстве обитатели Дешта дошли до оскудения и разорения, до разорения и безлюдства, до нищеты и совершенного извращения»¹.

Турецкий хронист Ибрагим Печеви (1574 – ок. 1649) писал об этом: здесь и далее «Когда пришёл всемогущий Тимур, то часть татар отправил в неволю, других отдал под меч. Некоторые же племена бежали в страны неверных поляков и московитов и там осели»².

Выезды татар, в том числе и Чингисидов, на Русь, в частности в Московское княжество, случались и ранее XV в. Они упоминаются в течение всего времени существования Золотой Орды, т. е. с XIII в. И до этого на эту территорию прибывали отдельные тюркские группы. Однако до описываемых мною событий начала XV в. все татары были крещены или крестились по приезду в Московию. С начала XV в. мы имеем дело с другой ситуацией. Уже не отдельные личности, но целые немалочисленные военные отряды, возглавляемые Джучидами, выходят на Русь «частями» Орды, требуя средств к существованию от московского правителя. Они уже не меняют веру, оставаясь мусульманами (за редкими исключениями, иногда насильственного характера, относящимися к XVI в.). Эти Джучиды, начиная примерно с середины XV в., получают на Руси статус «Джучидов-мусульман Московского княжества», «Джучидов Московии». Они становятся структурным элементом Московского государства, иноконфессиональным включением в православную структуру общества.

Первыми Джучидами, прибывшими в Московское княжество в поисках политического убежища, были сыновья покойного хана Тохтамыш б. Туй-Ходжи, который с 1380 г. до своей смерти в 1404 г. (по другим сведениям, в 1406 г.) был политически активен во всём Дешт-и-Кипчаке. Как известно, постоянным противником Тохтамыш б. Туй-Ходжи был всемогущий эмир – военачальник Эдиге б. Балтычак (Идиге), который пережил Тохтамыш б. Туй-Ходжи, сделав своими главными врагами сыновей хана. Когда «утвердилось дело Дештское за правителем Идику» и Эдиге в конце концов посадил своего «ручного» Джучида на сарайский трон в 1407 г., Тохтамышевичи решили покинуть Степь. Согласно ибн Арабшаху, Джелал ад-Дин и Керим-Берди прибыли на «земли Руси», скорее всего, из территории Булгарского вилайета (административно-территориальная единица) Золотой Орды: «Сыновья Тохтамыш б. Туй-Ходжи разбрелись в стороны: Джелал-ад-дин и Керимберди в Россию, а Кубяк и остальные братья – в Сыгнак»³.

¹ Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. – М., 2003. – Т. 1. – С. 212–213.

² Цит. по: Гришин Я. Я. Польско-литовские татары: взгляд через века. Исторические очерки. – Казань, 2000. – С. 6–7.

³ Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. – М., 2003. – Т. 1. – С. 213.

Трудно понять, что понимал автор арабского текста под «Россией» («земли Руси»). Это могли быть как земли Северо-Восточной Руси (в том числе и Московское великое княжество), так и территория Великого княжества Литовского. Я рассмотрю первую версию.

Вероятно, с целью поимки сыновей Тохтамышша Эдиге двинулся на Русь в 1408 г. Расположившись лагерем около Москвы, он выслал Василию I письмо⁴: «слышание нам учинилося таково, что Тахтамышевы дети у тебя, и того ради пришли есмя ратию».

Русские источники не сохранили никаких следов пребывания султанов в Москве или других княжествах. Однако неупоминание в русских источниках ещё не является поводом для недоверия арабским текстам. Не исключено, что пребывание Тохтамышевичей на Руси держалось в строжайшем секрете (Москва отдавала себе отчёт, что при данном фактическом правителе Орды это для неё большой минус). Так или иначе, сведения о поддержке Москвой оппозиции Эдиге могли послужить одной из причин похода.

В мотивации Василия по предоставлению приюта сыновьям хана инициатива, скорее всего, исходила не от него, а от самих Тохтамышевичей, которые не нуждались в разрешении на въезд на подвластные территории, как легитимные наследники трона. При таком раскладе роль Василия была незавидной, он оказывался как бы между молотом и наковальней – с одной стороны, сыновья хана, за которыми сила традиции исходя из правовых норм той эпохи (и вероятность прихода к власти в ближайшем будущем), с другой – фактический правитель Орды (порождение новой позднезолотоордынской эпохи), который не станет церемониться с ослушником. Однако, как это часто бывало во время ордынских походов (и не только на Русь), возникли проблемы в самой Орде, вынудившие Эдиге возвратиться в Сарай. Эдиге в спешке повернул назад, не успев взять у ослушника обязательство выплатить выход за предыдущие годы.

В данной ситуации имелся интересный нюанс, зачастую игнорируемый историками либо рассматриваемый в отрыве от контекста той эпохи. Подойдя к Москве 1 декабря, Эдиге распустил войска по великокняжеским владениям с целью «грабежа». Были взяты Коломна, Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород, Городец. Два последних города были разорены вторгшимся отдельно от основных сил ордынским отрядом, возглавляемым неким султаном (т. е. Джучидом). Эдиге не спешил при этом атаковать хорошо укреплённый Кремль. Некоторые исследователи пытаются представить причины такого поведения татар (грабёж) их «врождённой» алчностью и дикостью, когда они только и думали, как бы пограбить русские земли. Это не так.

Предпринятый Эдиге «грабёж» в рамках правовых норм XV в. таковым (по крайней мере в глазах татар) не воспринимался. Почему? Ситуация объясняется крайне просто, если вникать в суть ордынско-русских отношений того времени с точки зрения Орды. Василий I задолжал Орде выход за 13 лет – 91 000 руб.⁵ Судя по тому, что эмир не особо рвался атаковать и заранее распустил войска по территории «русского улуса» с целью поживиться, видимо, фактический правитель Орды не особо надеялся на сговорчивость московского князя, который спрятался в Кремле. Он понимал, что, возможно, договориться вновь не удастся, и Василий не «даст ему выхода». В то же время этот выход ему был нужен. И он решил «собрать» его сам, для этого и распустил войска для «грабежа». Таким образом, с точки зрения Эдиге, это был не грабёж, а всего лишь принудительное изъятие недостающего выхода.

Вероятно, сыновья Тохтамышша оставались в Московском княжестве около трёх лет. В 814 г. по х. (1411/1412 гг.), «когда сгущались мраки междоусобиц и перепутывались звёзды между обеими партиями в сумраках Дештских, вдруг, в полном величии власти Джелалиевой, появился (один) из блестящих потомков Токтамышевых» (это был Джелал ад-Дин) и выдвинул

⁴ Текста письма см. в кн.: Горский А. А. Москва и Орда. – М., 2000. – С. 196–197.

⁵ Горский А. А. – Указ. соч. – С. 134.

очередную претензию на трон «из стран Русских»⁶. Источники хранят молчание, где были «расквартированы» Джучиды в течение этих трёх лет, выделялся ли им какой-либо юрт (юрты) или они находились при дворе великого князя (при этом не стоит забывать, что они были не одни, а с семьями (в исламе допускается многожёнство, и как жён, так и сыновей и дочерей у султанов было немало) и военными (в том числе и высшего звена – князьями, которые сами были со своим окружением)). Здесь трудно что-либо предположить, особенно учитывая тот факт, что в то время аристократия Степи ещё не забыла кочевые традиции (как позже выходцы из оседлой Казани, например) и им попросту необходимо было пространство для вылазок на степные просторы. В то же время в более поздние периоды Москва боялась селить выходцев из Степи близко к самой Степи, ожидая, вероятно, их перехода на сторону единоверцев в случае походов последних на Русь.

Я полагаю, в этот период (1400–1445⁷) юрты им не выделялись, так как, скорее всего, сами они воспринимали своё пребывание у русских как кратковременное, мечтая поскорее вернуться в сарайские просторы, и потому они, вероятно, просто перемещались по московской территории со своими людьми, кочуя от пункта к пункту.

В течение 1412 г. Тохтамышевичи преуспели в оттеснении Эдиге от властных позиций в Сарае – зимой 1412 г. Джелал ад-Дин «сяде» в Сарае. Их бывший «покровитель» Василий I совершил в августе 1412 г. поездку в Сарай к «Зелени-Салтану», как к законному наследнику трона Чингис-хана⁸. Однако по приезду он застал на престоле уже другого сына Тохтамышя, Керим-Берди, убившего брата⁹. Тем не менее временно стабильность общеимперских дел была восстановлена. Это было первым путешествием в Сарай для Василия за многие годы неподчинения Орде¹⁰. Василий был, несомненно, лично хорошо знаком с сыновьями Тохтамышя, так как в юности, как и другие русские князья-наследники трона, около трёх лет находился в Орде¹¹.

Политических фигур уровня Джелал ад-Дина и Керим-Берди, являвшихся сыновьями одного из последних могущественных ханов Улуса Джучи, мысливших себя как потенциальных правителей единой ордынской империи, мало интересовала жизнь в «русском улусе». Они обращались к московскому правителю лишь для решения своих кратковременных тактических задач. Для них московская часть Улуса ещё не имела самостоятельного политического значения и ценности, которую она приобретёт для последующих «постояльцев» из Степи. Их мысли были заняты восстановлением единого имперского государства. Невнимание позднейших историков к этим фигурам не говорит об их политической «мелкоте» и никчёмности – это лишь свидетельство перенесения позднейших реалий на события далёкого прошлого.

Москва на данном этапе своего развития была включена в позднезолотоордынскую политику на позициях подчинённой стороны. Мнение её правителей не интересовало представителей татарской стороны. Её влияние на политической сцене Дешт-и-Кипчака едва просматривалось и было минимальным; по масштабам оно было несопоставимым с влиянием Великого княжества Литовского. Возможно, последнее и задавало образцы отношений с Ордой, в дальнейшем заимствованные и видоизменённые Москвой.

К 1425 г. и Эдиге, и Василия не было в живых, и короткий период влияния Тохтамышевичей в Сарае миновал. Наступала эпоха поздней Золотой Орды. Соответственно, на сцену выходили новые политические фигуры. Одним из них был Улуг-Мухаммед, личность, кото-

⁶ Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. – М., 2003. – Т. 1. – С. 214.

⁷ Последняя дата – дата образования Касимовского ханства, согласно версии автора. См.: Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. – Казань, 2009. – С. 47–65.

⁸ ПСРЛ. – Л., 1925. – Т. 4. – Ч. 1. – Вып. 2. – С. 412; СПб., 1913. – Т. 18. – С. 161.

⁹ ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 11. – С. 219.

¹⁰ ПСРЛ. – СПб., 1853. – Т. 6. – С. 139; М., 1965. – Т. 11. – С. 219; М., 2000. – Т. 15. – Стб. 486.

¹¹ Горский А. А. Москва и Орда. – М., 2000. – С. 135.

рая в дальнейшем установит новый вид отношений с московским князем Василием II. Эти отношения приведут к первому длительному поселению Джучидов в Московии и переменам в положении джучидской аристократии Степи и Даниловичей-Рюриковичей относительно друг друга.

Когда Василий I скончался в 1425 г., на территории великого княжества развернулась кровопролитная гражданская война за наследование великокняжеского трона. Смерть Василия I и последующая борьба за престол произошли во время возобновившейся политической неразберихи в Степи. После смерти Эдиге в 1419 г. представители двух противоборствующих ветвей династии Джучи начали многолетнюю борьбу за наследство. К началу 1430-х гг. одному из основных претендентов на власть в Степи, Улуг-Мухаммеду, удалось на время объединить центральные земли империи, включая Крым. Именно в это время (конец 1431 г.) двое основных претендентов на московский великокняжеский трон прибыли к Улуг-Мухаммеду в надежде на поддержку своей кандидатуры верховным сюзереном¹². На тот момент Улуг-Мухаммед являлся верховным правителем западной части империи, полноправным сарайским ханом и, соответственно, сюзереном «русского улуса».

Хан и его администрация не смогли найти понимания со своими же ордынскими оппонентами в данном конфликте. Улуг-Мухаммед (фактически князь Мин-Булат и поддерживавшие его беки-князья) поддержал Василия II, а на сторону его дяди Юрия Дмитриевича встал Ширин, «большой князь» Текина (Тегине) – представитель татарского рода Ширин. Правда фактически Текина не посмел выступить против хана, и таким образом Василий стал легитимным великим князем¹³. Конфликт между Рюриковичами всего лишь затих, но не прекратился, как, видимо, и конфликт между ордынскими силовыми группировками.

Раскол в лагере Улуг-Мухаммеда ярко демонстрирует нам шаткость личных позиций хана во властных реалиях Степи того времени. Примерно к 1435 г. власть Улуг-Мухаммеда была серьёзно оспариваема другим претендентом на единую власть, Кучук-Мухаммедом б. Тимуром. Среди позиций, по которым данный Джучид соперничал с Улуг-Мухаммедом, было и московское наследство. Возможно, Кучук-Мухаммед решил поддержать отпрысков Юрия Дмитриевича (ум. 1434) в конфликте с Василием.

В 1437 г. Кучук-Мухаммеду удалось вытеснить Улуг-Мухаммеда за пределы степной зоны Дешт-и-Кипчака. Князь Айдар, являвшийся представителем клана Кунград (зять Улуг-Мухаммеда), увёл три своих тумена (удела) на левый берег Волги, покинув Улуг-Мухаммеда. Улуг-Мухаммед также вошёл во временный конфликт с кланом Ширин (отголоски ситуации 1432 г. по поводу московского княжения, когда хан отдал приказ в случае неповиновения убить Текину («Тегиня»). Представители клана Мангыт в определённый момент тоже сочли, что Улуг-Мухаммед им более не нужен¹⁴. Таким образом, Улуг-Мухаммед лишился поддержки клановой знати Улуса Джучи, без которой правление было невозможно. Мангыты – родовая знать – выбрали своим ханом Кучук-Мухаммеда, сместив Улуг-Мухаммеда. С 1437 г. (год смещения Улуг-Мухаммеда) и до 1480 г. в Улуг Улусе правили Кучук-Мухаммед и его сын Ахмед.

Это был не первый раз, когда Улуг-Мухаммед вынужден был уйти на периферию. В 1420-х гг. он скрывался в Крыму, а также у князя Витовта в Великом княжестве Литовском. Но к 1437 г. Крым контролировался его противниками, а его давний союзник – великий князь литовский Витовт, был мёртв. Хан и его сторонники решили двинуться на север в верхнеокские земли, имевшие гибкую подчинённость Крымскому улусу, Великому княжеству Литовскому и Москве, к крепости Белев.

¹² ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 12. – С. 15; М.; Л., 1949. – Т. 25. – С. 249.

¹³ ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 12. – С. 15; М.; Л., 1949. – Т. 25. – С. 249; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.; Л., 1950. – С. 416; Псковские летописи. – М.; Л., 1941. – Вып. 1. – С. 39.

¹⁴ Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. – Л., 1971. – С. 140–141.

Судя по Архангелогородскому летописцу, Улуг-Мухаммед «против города (Белева. – Коммент. Р. А. Беспалова) сел в остроже». По Софийской II летописи хан «постави себе город на реце на Белеве, от хвастиа себе исплет, и снегом посыпа и водою поли, и смерзеса крепко, и хоте ту зимовати»¹⁵. Таким образом, он не занял город Белев, а построил крепость отдельно, на другой стороне речки Белевы¹⁶.

Вероятно, в намерение Улуг-Мухаммеда входил сбор сил для дальнейшей борьбы за сарайский престол. При этом именно из рук Улуг-Мухаммеда Василий II получил ярлык на правление в Москве (1432). Поэтому вероятным представляется, что как максимум изгнанный Чингисид вправе был рассчитывать на гостеприимство и союзничество, а как минимум – на нейтралитет Василия II как сюзерена территорий, на которых находилась построенная им ледяная крепость. Василий, видимо, решил продемонстрировать покорность сарайскому хану Кучук-Мухаммеду и попытался восстать против своего прежнего сюзерена. Василий отказал Улуг-Мухаммеду в поддержке и направил в Белев крупное войско во главе с сыновьями своего дяди Юрия Дмитриевича Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным. В поход были посланы также и московские полки¹⁷. Татарское войско намного уступало русскому по численности¹⁸.

По словам «Казанского летописца», татары «болши надеяся на бога, и на правду свою и храбрость, и на злое умение своё ратное»¹⁹. С одной стороны, на отряды Улуг-Мухаммеда наступали русские, с другой – была холодная, продуваемая ветрами, голодная степь – земли, принадлежащие ханам Кучук-Мухаммеду и Сеид-Ахмеду б. Керим-Берди.

4 декабря 1437 г. русские подступили к крепости. Первое столкновение закончилось успехом русских: «...побиша татар много, зятя царева убиша, и князей много и татар, и в город вгониша их»²⁰. Однако дальше их атака захлебнулась.

Наутро 5 декабря из крепости выдвинулись татарские отряды и начался бой. Русское войско бежало с поля сражения. Войско Улуг-Мухаммеда «побиша руси много». Архангелогородский летописец писал: «И убиша руси добре много, а тотарове все целы»²¹. Согласно данным летописцев, потери русских были значительны. Оставшись в безвыходном положении, татарские воины вынуждены были сражаться не просто за свою жизнь, но и за свои семьи, находящиеся в ледяном городе. А. Г. Бахтин полагает, что отчаяние придавало им дополнительные силы²².

Современники долго помнили «Белевщину»; московская сторона воспринимала эту катастрофу как наказание высших сил: «И превозношения ради нашего и за множество сгрешений наших попусти Господь неверным одолети много вьинство православных христиан, яко неправедне бо ходящим нашим и свое христианство преже губящим, и худое малое оное безбожных вьинство бесчисленое христиан воинство съодоле и изби...»²³.

Конечно, мы не должны читать эти повествовательные пассажи как документальные источники. Однако, полагаю, мы всё же можем извлечь из этих текстов тот факт, что хан напра-

¹⁵ ПСРЛ. – Л., 1982. – Т. 37. – С. 87; ПСРЛ. – М., 2001. – Т. 6. Вып. 2. – Стб. 69–70.

¹⁶ Беспалов Р. А. Новосильско-Одоевское княжество и Орда в контексте международных отношений в Восточной Европе XIV – начала XVI века // Средневековая Русь. – М., 2014. – Вып. 11. – С. 294.

¹⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. – М., 1977. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 17.

¹⁸ Подробнее о Белевской битве см.: Беспалов Р. А. Новосильско-Одоевское княжество и Орда в контексте международных отношений в Восточной Европе XIV – начала XVI века // Средневековая Русь. – М., 2014. – Вып. 11. – С. 293–298; Бахтин А. Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 104–109.

¹⁹ Казанская история. – М.; Л., 1954. – С. 52.

²⁰ ПСРЛ. – М.; Л., 1949. – Т. 25. – С. 260.

²¹ ПСРЛ. – Л., 1982. – Т. 37. – С. 87.

²² Бахтин А. Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 104–109.

²³ ПСРЛ. – СПб., 1859. – Т. 8. – С. 107; М., 1965. – Т. 12. – С. 25.

вился в окрестности Белева в поисках безопасного места, однако мирно отсидеться там ему не удалось.

Был ли поход собственной инициативой сыновей Юрия Дмитриевича либо приказом Василия II, мы сейчас прояснить не сможем, доверять летописям (особенно позднейшим) в этом вопросе не стоит. Я думаю, он всё же был санкционирован Василием. Иначе нелогичным выглядит дальнейшее выступление русских против сыновей Улуг-Мухаммеда в июле 1445 г., когда войска возглавлял уже сам Василий II. При этом сыновья хана действовали от его имени и по его приказу. Вряд ли и Улуг-Мухаммед намеревался оказывать в данной ситуации кому-то помощь, его собственное положение было крайне шатким. Скорее, он просто намеревался переждать в округе Белева время для дальнейшей борьбы за Сарай. Но, видимо, он всё же рассчитывал на память Василия относительно того, кому последний был обязан ярлыком. «Однако он (Улуг-Мухаммед. – Б. Р.) не учёл некоторых особенностей характера великого князя московского. Эту особенность подметил один из современников, позже написавший своеобразную эпитафию на смерть великого князя Василия Васильевича: «Июда душегубец рок твой пришед»²⁴. Возможно, в то время молодой князь ещё не постиг всех премудростей «иудо-душегубства», но уже находился на «сем пути»²⁵. По ряду причин (о которых мы можем только догадываться) Василий решил не поддерживать своего прежнего сюзерена, о чём, видимо, вскоре очень пожалел.

Источники не содержат точной информации о передвижениях Улуг-Мухаммеда в последующие годы, так же как и о его местопребывании, хотя есть предположение, что он находился в районе южной периферии будущего Московского государства²⁶. Однако есть свидетельство, позволяющее предположить, что какие-то соглашения между Улуг-Мухаммедом и Василием могли работать к концу 1444 г. (соответственно могли быть заключены после поражения в 1437 г.). Это летописное известие о наступлении, предпринятом Василием против нескольких городов Великого княжества Литовского зимой 1444/1445 г.: «Тоя же зимы князь великий Василей Васильевич послал дву царевичев на Литовския грады ратию, на Вязму, на Брянск и на иныя грады, безвестно»²⁷.

Кто именно имелся в виду под этими султанами, точно сказать нельзя. Имён летопись не указывает, и вообще, это первое летописное упоминание после 1408 г. о каких-либо царевичах, бывших при великом князе. Под 1445 г. имеется упоминание об одном султানে, бывшем на стороне русских, о Бердедате б. Худайдате²⁸. Его отец претендовал на ордынский престол в 1420-е гг.²⁹ Далее царевичи вновь упоминаются летописцами в следующую зиму. В феврале 1446 г. Василий был пленён своими политическими противниками. Это вынудило его сторонников бежать на запад по направлению к литовской границе. Теперь летописцы говорят уже не о двух, а о трёх царевичах, причём они уже названы поимённо: «А Феодор Васильевич Басенок убеже и с приставом из желез, и пристали к нему многи люди от двора великого князя, и поиде к Литве. А князь Василей Ярославич, шурин великого князя, слышав то, еже учинися зло над великим князем, и поиде в Литву же, и со княгинею и з детми, и со всеми людми; а царевичи три, Кайсым да Ягуп Махметовичи да Бердодат Кудудатович, служыли великому князю, и те ступили на Литовские же порубежья»³⁰.

²⁴ Костюхина Л. М. Записи XIII–XVIII вв. на рукописях Воскресенского монастыря // Археографический ежегодник за 1960 год. – М., 1962. – С. 276.

²⁵ Селиверстов Д. А. Белевская битва 1437 года (1) // Золотоордынская цивилизация: сб. ст. – Казань, 2012. – Вып. 5. – С. 310.

²⁶ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 13 и далее.

²⁷ ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 12. – С. 63.

²⁸ Иоасафовская летопись. – М., 1957. – С. 32.

²⁹ ПСРЛ. – СПб., 1859. – Т. 8. – С. 92; Горский А. А. Москва... – С. 148.

³⁰ ПСРЛ. – СПб., 1910. – Т. 23. – С. 152–153.

Из этого можно заключить, что второй султан, посланный против Литвы зимой 1444/1445 г., возможно, был одним из этих двух сыновей Улуг-Мухаммеда. Исходя из того, что Бердедат, являвшийся племянником Улуг-Мухаммеда, и один из сыновей хана к зиме 1444/1445 г., возможно, принимали участие в военных кампаниях под предводительством Василия, можно говорить о том, что великий князь и хан, вероятно, достигли какого-то соглашения уже после Белевской битвы 1437 г., полагает исследователь К. Кеннеди³¹.

Мне трудно согласиться с коллегой. При условии существования такого соглашения труднообъяснимы по крайней мере два комплекса событий. Первый – факты военных столкновений: поход Улуг-Мухаммеда 1439 г. на Москву, военные действия у Нижнего Новгорода и Муром в 1444 г., выступление Василия II против сыновей хана в июле 1445 г. Если Улуг-Мухаммед и Василий II составили какое-то соглашение уже после Белевской битвы и согласно этому соглашению сын хана Касим уже после 1437 г. находился на территориях, принадлежащих московскому правителю, то к чему тогда новый конфликт 7 июля 1445 г., Суздальская битва? Второй – наличие султана Мустафы, упоминаемого летописями под 1443 г. Я полагаю, что Василий II не был «впечатлён» поражением и надеялся отделаться от хана в ближайшем будущем.

Ещё одним Джучидом, оказавшимся на землях Северо-Восточной Руси, был некий султан (царевич) Мустафа, который вместе со своими людьми неожиданно объявился в окрестностях Рязани в конце 1443 г. Кем был Мустафа?

Полагаю, что близкую к реалиям версию выдвинул Д. М. Исхаков, который считает Мустафу сыном Улуг-Мухаммеда³². При таком подходе дальнейшие события получают логическую связку. Улуг-Мухаммед, желавший вернуть сарайский трон, распустил своих сыновей по различным степным районам, для контроля хотя бы над частью территории Орды. Пограничный рязанский край явно входил в зону его интересов, как и Нижний Новгород. Вероятно, Мустафа должен был «собрать» выход, который русские князья не выплачивали хану после его оставления Сарая. Идти на Русь просто с целью банального грабежа Джучиду не позволял статус – этим занимались люди более низкого ранга. Так как Улуг-Мухаммед считал себя лишённым трона (и соответственно выхода) незаконно, то логика в его действиях имеется.

Действительно, Мустафа пришёл на Рязань как хозяин – взял большую часть населения в плен и тут же вернул её тем же рязанцам за выкуп. Далее он решил остановиться на постой. Однако ещё до окончания зимы, Мустафа погиб на берегах реки Листань. Никоновская летопись так рассказывает о его судьбе: «Мустофа царевич прииде на Рязань со множеством Татар ратию, и повоева власти и села Рязанския, и много зла Рязани учинил; и отъиде с полоном многим, и ста на Поле, и посылаше в Рязань, продавая им полон. Рязанци же выкупиша своих плененых у Татар. Мустофа же паки прииде в Рязань на миру, хотя зимовати в Рязани; бе бо ему супротивно на Поли, а Поле все в осень пожаром погоре, а зима люта и велми зла, и снези велици и ветри и вихри силни. И того ради миром прииде в Рязань и хоте зимовати в Рязани нужи ради великия. Услышав же на Москве сия князь великий Василей Васильевич и посла противу его князя Василия Оболенского и Андреа Федоровичя Голтыева, да двор свой с ними, да Мордву на ртах, понеже зима бе люта и снежна, а Татарове конми обмерли, и от мраза и студени великия померзли, и бысть в них скорбь многа; а сено велми дорого. А царевич Мустофа былъ тогда в Рязани в граде Переславле; Рязанци же выслаша его из града, он же вышел из града и ста туто же под градом Переславлем. А с Москвы воеводы великого князя Василья Васильевича приидоша на него и сступишася на речке на Листани. Татары же отнюдь охудеша и померзоша, и без конни быша, и от великаго мраза и студени великия и ветра и вихра луки

³¹ Kennedy C. The Juchids of Muscovy: a study of personal ties between émigré Tatar dynasts and the Muscovite grand princes in the fifteenth and sixteenth centuries / Ph.D. dissertation by Craig Gayen Kennedy. – Harvard, 1994. – L. 33–35.

³² Исхаков Д. М. О родословной хана Улуг-Мухаммеда // Тюркологический сборник. 2001: Золотая Орда и её наследие. – М., 2002. – С. 63–74.

их и стрелы ни во чтоже быша; снези бо бяху велици зело. И приидоша на них Мордва на ртах с сулицами и с рогатинами и с саблями; а казаки Рязанския такоже на ртах с сулицами и с рогатинами и с саблями з друга стороны; а воеводы великого князя Василья Васильевича с своею силою; а пешаа рать многа собрана на них с ослопы и с топоры и с рогатинами. И бысть им бой велик и силён зело на речке на Листани, ни начаша одолевати христианя. Татарове же никакоже давахуся в руки, но резашася крепко; и много Татар избиша, и самого царевича Мустофу убиша, и князей с ним многих Татарских избиша; а князя Ихмут-мирзу яли, да князя Азбердея, Мишереванова сына, яли и иных многих Татар поимали»³³.

Даже в практически безысходной ситуации ордынцы даже не думали сдаваться: «Татарове же никакоже давахуся в руки, но резашася крепко». Мустафа по традиции пытался доминировать, но ситуация повернулась против него. Сын Улуг-Мухаммеда пал в битве с русскими. Данный факт не мог остаться безнаказанным со стороны хана.

Осенью 1444 г., возможно, в сентябре, состоялся поход татарского войска против мордвы, скорее всего – ответное действие за её участие в сражениях против Мустафы зимой 1443/1444 г. Также татары «приходиша на... Рязанския украины», где и произошла расправа над Мустафой. Далее, зимой 1444/1445 г., Улуг-Мухаммед «приходил ратью к Мурому»³⁴. Вероятно, что не только в последнем случае (когда хан назван по имени), но и в предыдущих действовало войско хана Улуг-Мухаммеда, находившееся зимой 1444/1445 г. недалеко от Рязанского княжества – в районе Нижнего Новгорода.

В дальнейшем мы встречаем хана и его людей в юго-восточных границах Московского великого княжества летом 1445 г.³⁵ Отсюда хан Улуг-Мухаммед пригласил черкесов (адыгов) для участия в военной кампании³⁶, возможно, против бека Али (Али Бека), контролировавшего тогда Казань (этот поход состоится позже этим же летом). Казаки откликнулись на призыв и присоединились к хану в юго-восточном приграничном районе Московского княжества. Черкесы пошли на русский город Лух, в поход, который, согласно русским летописцам, не был санкционирован Улуг-Мухаммедом: «Тое же весны царь Махмет и сын его Мамутяк послали в Черкасы по люди, и прииде к ним две тысячи казаков и, шедше, взяша Лух без слова царева (выделено мной. – Б. Р.), и приведоша полону много и богатства»³⁷.

Успех черкесов придал уверенность Улуг-Мухаммеду: «Видев же царь множество корысти, и посла детеи своих, Мамутяка да Ягупа, в отчины князя великого воевати»³⁸. Возможно, что целью похода была сама Москва, для возобновления вассальных связей Улуг-Мухаммед – Василий II и продолжения выплаты дани. Архангелогородский летописец отмечает, что Махмуд и Якуб пришли из Казани³⁹. Василий своевременно узнал о движении татарского войска и по приказу великого князя русские стали стягивать свои отряды к Суздалью.

Василий II вместе с князьями Иваном Андреевичем Вереиским, Василием Ярославичем и другими воеводами 6 июля 1445 г. вышли к реке Калинке и остановились у Спасо-Евфимиева монастыря, в непосредственной близости от Суздаля. Ожидалось прибытие подкрепления. В тот же день поступило ложное известие о приближении неприятеля. Когда ситуация прояснилась, был дан отбой. Как отмечают многие летописи, вечером этого дня у великого князя была продолжительная пирушка: Василий «ужинал у себя со всею братьею и з бояры, и пища долго ноши (выделено мной. – Б. Р.)».

³³ ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 12. – С. 61–62. См. также: Разрядная книга 1475–1605 гг. – М., 1977. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 17–18.

³⁴ ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 12. – С. 62.

³⁵ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 6–10.

³⁶ ПСРЛ. – СПб., 1910. – Т. 23. – С. 151.

³⁷ ПСРЛ. – СПб., 1910. – Т. 23. – С. 151.

³⁸ ПСРЛ. – М.; Л., 1949. – Т. 25. – С. 395; СПб., 1910. – Т. 23. – С. 151.

³⁹ ПСРЛ. – Л., 1982. – Т. 37. – С. 87.

По всей видимости, после такого веселья физическое состояние русских на следующий день, 7 июля, оставляло желать лучшего. Вскоре пришло известие, что татары переходят реку Нерль. Василий II разослал всем воеводам приказ о выступлении и сам пошёл навстречу татарскому войску. Не успели подойти султан Бердедат б. Худайдат, находившийся в Юрьеве, и некоторые русские князья. Дмитрий Шемяка не откликнулся на 14 обращений великого князя.

Начало сражения складывалось для русских благоприятно, они выдержали атаку татарской конницы. Не добившись существенного успеха, ордынцы применили имитацию бегства. Такая тактика оказалась роковой для русских. Они попали в ловушку. Сражение под Суздалем свелось к сражениям отдельных полков⁴⁰. В битве с сыновьями хана Улуг-Мухаммеда русские были полностью разгромлены, а сам Василий II, верейский князь и другие попали в плен⁴¹. Как отмечают летописи, великого князя «руками яша». Все они были увезены в Нижний Новгород к хану. Это был первый случай в истории Руси-России, когда верховный правитель оказался в плену.

Сам Василий, по трактовке русских летописцев, сражался мужественно, скакал во главе преследующего татарского войска передового отряда и получил многочисленные ранения⁴². Однако именно данная тактика и являлась ущербной, так как при таком подходе главный стратег рисковал личной безопасностью, а соответственно и всем командованием. Данной практики в татарской тактике военных сражений никогда не присутствовало. Полководец всегда руководил военными действиями на удалении от поля битвы, не вступая в бой лично. В результате управление войсками осуществлялось оперативно.

Успех татар был впечатляющим и получил известность далеко за пределами Руси. О поражении Василия II и его пленении узнали в Литве и Польше⁴³. Разгром русских под Суздалем, известная как «Мамотьяковщина», ещё долгие годы (1470–1490-е) вспоминалась на Руси⁴⁴. Помнили о ней и татары. Даже в 1538 г. крымский хан Сахиб-Гирей I б. Менгли-Гирей предупредил малолетнего Ивана IV, угрожая ему походом на Москву: «С великим царём с Магмедом (хан Улуг-Мухаммед б. Ичкеле-Хасан. – Б. Р.) с упокоиником, з дедом нашим из Суздаля прадед твой Василей бился с ним да и в руки ему попал жив. И в те времена мочно было нашему деду твоего прадеда убить, а Московское государство с сею землею взяти, ино такова ему сила была и мочь. А он его простил, и горсти крови пощадел, и все то презрел и Москву ему опять отдал»⁴⁵.

Неудивительно, что такое неординарное событие привело и к столь же неординарным последствиям.

В начале октября Василий был отпущен в Москву с большим татарским эскортом, после обещания выплатить хану большой выкуп⁴⁶. Как результат этого выкупа было образовано Касимовское ханство⁴⁷. Как мы видим из летописных текстов, летом 1445 г. Якуб находился со своим отцом. Поэтому, чтобы оказаться среди султанов, которые двинулись в литовском направлении в феврале 1446 г., он, согласно логике, должен был бы прибыть в Московское княжество после лета 1445 г. Очень вероятно, что он являлся одним из татар, сопроводивших

⁴⁰ См.: Бахтин А. Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 104–109.

⁴¹ ПСРЛ. – М., 2000. – Т. 15. – Стб. 492; М., 1965. – Т. 30. – С. 134; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.; Л., 1950. – С. 426; Разрядная книга 1475–1605 гг. – М., 1977. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 18.

⁴² Бахтин А. Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 117.

⁴³ Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). – М., 1966. – С. 208, 225.

⁴⁴ Бахтин А. Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 117.

⁴⁵ РГАДА. – Ф. 123. – Оп. 1. – Кн. 8. – Л. 492–492 об. (Цит. по: Флоря Б. Н. Две грамоты хана Сахиб-Гирея // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. – М., 2001. – Вып. 10. – С. 239).

⁴⁶ Иоасафовская летопись. – М., 1957. – С. 34 и далее.

⁴⁷ См.: Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. – Казань, 2009. – С. 47–65.

Василия в Москву осенью этого года из лагеря Улуг-Мухаммеда. Брат Якуба, султан Касим, согласно данным русских летописей, отсутствует в лагере хана летом 1445 г., что может служить основой для предположения, что он мог являться вторым султаном, посланным зимой 1444/1445 г. против литовцев, и что после этого он находился на территории Московского княжества, пока Василий находился в плену у Улуг-Мухаммеда.

Казалось бы, источники вполне недвусмысленны: с 1446 г. и далее Касим и Якуб остаются союзниками Василия, участвуя в кампаниях на его стороне, причём как против русских, так и татар. Как мы уже видели выше, два брата покинули Московское княжество в феврале того же года, вместе с другими сторонниками Василия, когда тот оказался в плену у своих русских противников. На тот момент они решили двинуться в южном направлении, в сторону черкасского анклава казаков, видимо, чтобы обдумать свои дальнейшие шаги. К концу года, по-видимому, им стало известно, что Василий вновь на свободе и предпринимает шаги по возвращению великокняжеского престола. Помня о своём прошлом альянсе с ним, а также, по-видимому, по причине отсутствия перспектив каких-либо других многообещающих кампаний, Касим и Якуб вместе со своими военными отрядами отправились на территорию Московского княжества в поисках своего старого союзника и данника Улуг-Мухаммеда, Василия⁴⁸.

Согласно летописной реконструкции событий, по пути они наткнулись на другую группу сторонников Василия II во главе с князем Василием Ярославичем, базировавшемся в Литве, которые, приняв татарский отряд за врагов, начали стрелять в них из луков. Во время недолгого затишья, по русским летописям, татары постарались выяснить, кем являются их противники: «По сем же Татарове начаша Руси кликати: «Вы кто есте?» Они же отвешаша: «Москвичи. А идем с князем Васильем Ярославичем искати своего государя великого князя Василья Васильевича, сказывают уже его выпущена. А вы кто есте?» Татарове же рекоша: «А мы пришли из Черкас с двема царевичема Махметевыми детми, с Касымом да с Ягупом; слышали бо про великого князя, что братиа над ним израду учинили, и они пошли искати великого князя за преднее его добро, и за его хлеб, много бо добра его до нас было. И тако спешесе и укрепившесе меж себя, поидоша вкупе, ищущи великого князя, како бы помочи ему»⁴⁹.

В Ярославле объединённые татарско-русские силы нагнали Василия, и с этого момента чаша весов в гражданской войне решительно качнулась в сторону Василия II⁵⁰. К февралю 1447 г. Василий захватил Москву, и к следующему лету его враги уже просили о мире. Условия мира содержали много уступок Василию. Один из пунктов специально касается татар, которые упомянуты рядом с самим великим князем и двумя другими московскими князьями: «А в сем нам перемирие на князя великого Василья Васильевича, и на князя Михаила Андреевича, и на князя Василья Ярославича, и на царевичев, и на князей на ордынских, и на их татар не ити, и не изгонити их, не пастися им от нас никоторого лиха»⁵¹.

Тот факт, что султаны стоят в грамоте сразу за русским князем и двумя его ближайшими родственниками-союзниками Даниловичами-Рюриковичами, говорит нам о высоком статусе джучидской аристократии в политической структуре Московского княжества, а также о значительности их военного вклада в победу Василия в гражданской войне. Сам факт упоминания того, что противники Василия были обязаны отказаться от любых посягательств на царевичей, их князей и людей, указывает нам на то, что московские власти рассматривали пребывание данных Джучидов на своей территории не как кратковременное.

Действительно, это пребывание стало долговременным. Когда весной 1449 г. противник Василия Дмитрий Шемяка нарушил договор и двинулся к Коломне, «царевичи со всей их

⁴⁸ Kennedy C. The Juchids of Muscovy. – L. 36.

⁴⁹ Иоасафовская летопись. – М., 1957. – С. 40–41.

⁵⁰ Иоасафовская летопись. – М., 1957. – С. 41.

⁵¹ ДДГ. – М.; Л., 1950. – С. 141. Приблизительно датирована июлем 1447 г.

силою» вновь присоединились к великому князю для того, чтобы вновь отбить атаку конкурента на их союзника⁵². Чуть позже, в этом же году, люди хана Сеид-Ахмеда («скорые Татарове Седихматовы») произвели набег на московские территории в бассейне реки Пахры. Когда Касим, базировавшийся на тот момент в Звенигороде, прослышал про это, он выдвинулся против людей хана⁵³. Вскоре после этого, в январе 1450 г., два султана вновь появляются на политической сцене в рядах сторонников Василия, выступая против Шемяки⁵⁴. Осенью этого же года планировался ещё один рейд из Степи на московские территории – «Малыи Бердеи улан и иные с ним князи с многими Татары». Василий, который находился в это время в Коломне (очевидно, с Касимом), вновь выслал против татар царевича Касима с его людьми, вместе с которым были местные во главе с Константином Беззубцовым⁵⁵.

Вероятно, изначально хан Улуг-Мухаммед не собирался надолго обосновываться в московских пределах: он предполагал использовать бывшие имперские территории только для того, чтобы набраться сил и продолжить борьбу за Сарай. Однако судьба рассудила его планы иначе. Успешно использовав благоприятно сложившуюся для него политическую конъюнктуру, хан образовал прямо на территории Руси административную единицу, на которую имел немалое влияние.

Итак, распад Улуса Джучи выразился в числе прочего и в появлении на территории формирующегося Русского государства особого татарского владения: субъективным результатом гражданской войны 2-й четверти XV в. на территории Московского великого княжества оказалось образование в 1445 г. на смежных землях Рязанского и Московского княжеств Касимовского ханства, созданного на невыгодных для Москвы условиях. Его образование не было добровольной мерой со стороны Московского княжества: Касимовское ханство возникло в силу условий выкупа, который был обещан московским великим князем Василием II хану Улуг-Мухаммеду в 1445 г. после поражения русских под Суздаlem.

Анализ событий 1-й половины XV в. позволяет сделать вывод о том, что вплоть до середины XV в. у правителей Северо-Востока Руси попросту не было военной мощи, чтобы постоянно противостоять ханам. Они прекрасно понимали, что отдельные эпизоды неповиновения с их стороны повлекут за собой ответные акты, и что в целом они проигрывают в военном отношении представителям Орды и кочевому миру Степи. Это не означало, что каких-то актов неповиновения с их стороны не было вообще – пример султана Мустафы, который пал жертвой политических метаний Василия II, очень хорошо подтверждает это.

Однако факты открытого и жёсткого противостояния Орде не встречаются нам более на протяжении всего XV в. Смерть султана Мустафы – единственный зафиксированный в источниках не только за XV в., но и за XVI в. случай, когда представитель династии Чингис-хана был умерщвлён русскими. Битва на реке Листань показывает, что при наличии других политических реалий, нежели реалии XV–XVI вв., московские правители могли бы воспротивиться притоку Джучидов на свою территорию.

В ситуации XV–XVI вв. московские правители попросту не имели возможностей противиться притоку сарайской эмиграции. Великие князья при всём желании не могли освободиться от вовлечённости в перипетии степной политики. Напротив, в течение всего XV в. московские правители принимали постоянный поток Джучидов-беглецов из нестабильного мира Степи, причём вместе с их конницами и окружением. Любой Чингисид, въезжавший на Русь для поселения, уже в силу своей принадлежности к правящей династии Джучи, т. е. к высшей

⁵² Иоасафовская летопись. – М., 1957. – С. 42.

⁵³ Иоасафовская летопись. – М., 1957. – С. 43.

⁵⁴ Иоасафовская летопись. – М., 1957. – С. 43; Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 22–23.

⁵⁵ Иоасафовская летопись. – М., 1957. – С. 44; Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 23–24.

категории татарской знати, имел право требовать – и получал соответствующую часть дани, а иногда и территорию, с которой собиралась эта часть в его пользу⁵⁶.

Характерно, что в «Повести о нашествии Едигея» взаимоотношения Орды и Руси выступают не в форме отношений государства-завоевателя и государства-побеждённого, а в форме союзно-договорных связей между двумя самостоятельными политическими образованиями, причём главенствующую роль среди них, естественно, занимает Орда. Очевидно, что «к подобной международной системе стремилась Русь после Куликовской битвы, и этот политический идеал временами, казалось, был близок к осуществлению»⁵⁷.

Два крупных военных поражения Василия II – Белев 1437 г. и Суздаль 1445 г. – вынудили его принять татар на свою территорию. Однако московские великие князья совладали и с этой проблемной ситуацией, в дальнейшем превратив минусы в плюсы. Договорные грамоты сына и преемника Василия II Ивана III с его братьями – удельными князьями Борисом Васильевичем Вологодским (13 февраля 1473 г.)⁵⁸ и Андреем Васильевичем Углическим (14 сентября 1473 г.)⁵⁹ говорят следующее: «А царевича нам Даньяра⁶⁰, или хто по нем на том месте иныи царевич будет (выделено мной. – Б. Р.), и тебе его держати с нами с одного. А будет, брате, мне, великому князю, и моему сыну, великому князю, иного царевича отколе приняти в свою землю, своего дела дела, и хрестьянского для дела, и тебе и того держати с нами с одного»⁶¹.

Эта цитата позволяет говорить о том, что к 1473 г. Иван III уже ожидал новых выездов татарской знати в Московское княжество. И это неудивительно – именно началом 1473 г. датируется изменение в формулировке пункта об отношениях с Ордой в договорных грамотах, когда термин «орда» (в единственном числе)⁶² заменяется термином во множественном числе – «орды»⁶³. Видимо, это свидетельствовало об окончательном осознании Москвой того, что «Бог Орду переменял» – единого государства в прежнем виде уже не существует, начался новый период поздней Золотой Орды – союза из нескольких орд-ханств. Большая Орда, признававшаяся до этого года сюзереном Москвы, была согласно формулировкам грамот приравнена к статусу других ханств⁶⁴, в неё перестал регулярно выплачиваться «выход» (хотя не следует исключать того, что периодически он всё же выплачивался). Естественно, в Москве смекнули, что эти изменения были ей выгодны.

Московская сторона осознала, что прибытие Касима, Бердедата, Якуба не было исключительным событием. «Орда изменилась». Столкнувшись с такого рода переменами, московские правители изменили тактику агрессивного противостояния Джучидам. Начиная примерно с 1470-х гг., они отвечали на продолжающиеся политические неурядицы в Степи по-иному – предложением своей территории как безопасного и спокойного убежища.

Основная часть ордынской эмиграции первой половины XV в. в Московское великое княжество была связана с именем бывшего сарайского хана Улуг-Мухаммеда. Данный период

⁵⁶ Трепавлов В. В. Россия и кочевые степи: проблема восточных заимствований в российской государственности // Восток. – 1994. – № 2. – С. 55.

⁵⁷ Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. – М., 1960. – С. 724.

⁵⁸ ДДГ. – М.; Л., 1950. – № 69. – С. 226, 231–232; 228.

⁵⁹ ДДГ. – М.; Л., 1950. – № 70. – С. 234, 238, 244, 249; 236, 240–241, 246.

⁶⁰ Сын Касима, второй правитель Мещерского городка (Касимова).

⁶¹ ДДГ. – М.; Л., 1950. – № 69. – С. 226.

⁶² См., в частности, грамоты, относящиеся к первому десятилетию правления Ивана III (1462–1472 гг.): ДДГ. – М.; Л., 1950. – № 63. – С. 202–203, 205; № 64. – С. 209, 211; № 65. – С. 214; № 66. – С. 215; № 67. – С. 218, 220; Горский А. А. Москва... – С. 165. Самые поздние из них датируются временем до 12 сентября 1472 г.

⁶³ Впервые появляется в той же грамоте Ивана III с его братом Иваном Васильевичем Вологодским, заключённой 13 февраля 1473 г.

⁶⁴ Горский А. А. Москва... – С. 167.

(приблизительно 1400–1473 гг.) можно обозначить как первый этап «сотрудничества» Москвы и Джучидов. Его характерной особенностью было то, что приезды и оседания Чингисидов были инициированы Ордой и юрты им либо не выделялись (как Тохтамышевичам), либо выделялись по требованию ордынского сюзерена как результат каких-либо «провинностей» московской стороны (как Касиму).

Образованное в 1445 г. Касимовское ханство – первый московский татарский юрт – в это время, видимо, являлось зоной «двойной» юрисдикции (казанской и московской) с превалированием первой. Находясь на границе с территорией Казанского ханства, оно, вероятно, занимало достаточно обширную «буферную» территорию между этими двумя государственными образованиями и имело весьма специфическое устройство, присущее пограничным зонам⁶⁵. Недобровольность создания со стороны Москвы и нахождение на пограничной территории, а не непосредственно в Московском княжестве, вносило в его политическое существование ряд черт, нехарактерных для последующих внутренних юртов Московии. Однако, видимо, именно на его примере Москва «обкатывала» свою стратегию по «встраиванию» ордынской эмиграции в структуру создававшегося Московского государства и общества.

Место и роль Москвы в структуре позднезолотоордынского мира в период 1400–1473 гг. начали медленно претерпевать изменения. В начале века её положение было однозначно подчинённым, и в силу этого никакой осознанной внешней политики она не имела. Решались конкретные задачи «здесь и сейчас», о глобальных перспективных целях речь не шла. Однако к середине XV в. и особенно к его 70-м гг. Москва уже стала играть свою роль на внешнеполитической сцене наследников Улуса Джучи, не без успеха пытаясь использовать внутренние неурядицы распавшейся империи в своих собственных интересах. Иногда это ей удавалось. Москва стала активно развивать этот успех, начиная с 1470-х гг., о чём пойдёт речь ниже.

---

⁶⁵ Подробнее о Касимовском ханстве см.: Исаков Д. М. От средневековых татар к татарам нового времени. – Казань, 1998; Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. – Казань, 2009; Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII вв.: Просопографическое исследование. – Рязань, 2011.

Глава 2

Куда исчезла золотая орда? «Престольное владение» и Крымское ханство в контактах с Москвой

В середине XV в. татарский мир поразила политическая нестабильность, вызванная стремлением некоторых лидеров решать вопросы наследования открытым военным противостоянием. Практически во всех наследных государствах борьба за трон, зачастую дополняемая внешним вмешательством, продолжала оставаться скорее правилом, чем исключением. Как результат этого, Степь была переполнена Джучидами-беглецами, которые перемещались из одного ханства в другое. Некоторые из них являлись изгнанными правителями, которые намеревались мобилизовать силы для ответного удара по своим противникам. Другие, напротив, были неудачливыми претендентами на трон, мечтавшими уже о спокойном убежище в каком-либо соседнем государстве. Третьей группой были рядовые татары, которых что-либо не устраивало в политике их предводителей, ставшие вследствие этого «казаками», которые передвигались по Степи в поисках новых лидеров и лучших перспектив⁶⁶. Все они находили жизнь в открытой Степи трудной и опасной.

Русская сторона была хорошо осведомлена о продолжающихся неурядицах в татарском мире. Начиная с 1470-х гг. официальные лица, курирующие татарские дела в Москве, зачастую уже сами выходили на степных династов, испытывавших проблемы, склоняя последних на переезды к себе.

2-я половина XV в. была временем, когда государства, ранее на разных условиях входившие в Улус Джучи, боролись друг с другом за доминирование в Степи. Иногда для достижения превосходства им были необходимы временные объединения. Это время коалиции Московского великого княжества (позже Московского государства) с Крымским, а затем и с Казанским ханствами против Большой Орды, поддерживаемой Великим княжеством Литовским⁶⁷. В течение двух последних десятилетий XV в. в эту борьбу была включена и Ногайская Орда.

Борьба с Большой Ордой – «Престольным владением», в которой с татарской стороны участвовали как Крымское, так и Казанское и Касимовское ханства, а также Ногайская Орда, была делом принципа, вопросом идеологии: необходимо было лишить традиционную сарайскую линию потомков Джучи, помнившую о едином имперском прошлом с непосредственным участием их предков, стержневой опоры, базы в виде большеордынской кочевой ставки и шедших за ней татарских улусов (кочевого объединения людей). Отделившиеся от имперского центра части бывшей Золотой Орды намеревались закрепить этот уже фактически сложившийся новый политический порядок *de jure*. Этим и было вызвано активное участие в ликвидации Большой Орды коалиции почти всех татарских государств. Москва также активно участвовала в этом процессе – как бывший данник, активно стремившийся отдалиться от своего «неприглядного» прошлого.

Как только Большая Орда была политически уничтожена в 1502 г., её место тут же заняло Крымское ханство, как государство, правитель которого «взял» ставку большеордынского хана и принял его татарские улусы под своё подданство. Неудивительно, что весь шлейф, тянувшийся на внешнеполитической сцене за Большой Ордой, тут же принял на себя Бахчисарай. В этом шлейфе были и отношения с Москвой. Она сразу же это почувствовала – отношение Крыма к ней изменилось. Москва как союзник больше не нужна была крымскому хану,

⁶⁶ Kennedy C. The Juchids of Muscovy. – L. 47.

⁶⁷ Исхаков Д. М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. – Казань, 2009. – С. 123.

а вновь приобретённые амбиции «Великой Орды великого царя» не позволяли ему уже даже формально равнять себя с московским правителем.

Именно поэтому на внешнеполитической сцене представители этих двух государств – Большой Орды и, после её упразднения, Крымского ханства – выступают как проводники относительно единой линии в отношениях с Москвой. Это наглядно продемонстрирует нижеследующий анализ событий.

Схожим было и отношение Москвы к ним. Государства, имевшие в разное время статус основного наследника Улуса Джучи, выступали для Москвы как бы современной реинкарнацией его самого, с сохранением реликтов отношения к этому политическому «праотцу».

В 1474 г. положение Менгли-Гирея б. Хаджи-Гирея, долгое время занимавшего ханский престол в Крыму, было крайне шатким. Ему угрожали с разных сторон. Постоянным противником был хан Большой Орды Ахмед б. Кучук-Мухаммед и его сыновья. Более близкими оппонентами были братья Менгли-Гирея – Айдар б. Хаджи-Гирей и Нур-Даулет б. Хаджи-Гирей, которые после смерти их отца Хаджи-Гирея вступили с Менгли-Гиреем в продолжительную схватку за трон. Одним из наиболее опасных противников Менгли-Гирея и его конкурентом за власть в Крыму являлся султан Джанибек б. Махмуд⁶⁸, ставший впоследствии астраханским ханом (правил в Астраханском ханстве в 1514–1521 гг.)⁶⁹. Осенью 1474 г. он проживал в Большой Орде⁷⁰. Вероятно, он тяготился своим зависимым положением там.

Вскоре после установления связей «братства»⁷¹ с московским великим князем, Менгли-Гирей попросил последнего об услуге для себя. Мы узнаем об этом из письма Ивана III Менгли-Гирею, датированному мартом 1475 г.: «А говорил ми от тебя Довлетек о том, чтобы яз звал к себе Зенебека царевича твоего для дела»⁷².

На тот момент Джанибек, очевидно, находился на просторах Степи севернее Крымского полуострова, угрожая вторжением в Крым и занятием крымского престола. Его поддерживал хан Большой Орды Ахмед. Призывая Ивана «вызвать» Джанибека к себе в Москву, Менгли-Гирей пытался таким образом обезопасить себя, удалив султана из соседнего степного района. При этом он играл на том, что Джанибек якобы найдёт в московской земле пристанище, необходимое ему от всех опасностей Степи.

Судя по всему, подход Менгли-Гирея оказался весьма продуманным. Пока письмо шло через степные просторы, Джанибек сам попросился в Москву: «Ино о том прислал ко мне царевич Зенебек оного лета, чтобы яз (Иван III. – Б. Р.) его к себе взял. И яз его к себе не взял тебя для, что недруг твой; а нынеча ко мне приказываешь, чтобы у меня был, и яз нынеча, тебя деля, послал в Орду про него отведети; а как даст Бог весна придет, и яз нарочком шлю его искати, и к себе его хочу звати тебя деля»⁷³.

Однако хан Большой Орды Ахмед имел на Джанибека другие планы. В следующем 1476 г. он предпримет мощную военную кампанию против Крыма, свергнет находившихся на тот момент в Крыму ханов Нур-Даулета и Айдара с трона, вынудив их удалиться в Великое княжество Литовское⁷⁴. На крымском престоле утвердится Джанибек. Вероятно, он пробыл в Крыму

⁶⁸ По всей видимости, он приходился хану «Престольного владения» (Большой Орды) Ахмеду племянником, т. е. был сыном хана Махмуда и внуком хана Кучук-Мухаммеда соответственно.

⁶⁹ Зайцев И. В. Астраханское ханство. – М., 2004. – С. 249.

⁷⁰ Григорьев А. П. Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. – Л., 1987. – Вып. 10. – С. 61.

⁷¹ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 1, 7.

⁷² Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 9.

⁷³ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 9.

⁷⁴ Fisher A. The Crimean Tatars. – Stanford, 1978. – P. 7–13; Inalcik H. Yeni Vesikalara Gore Kirim Hanliginin Osmanli Tabiligine Girmesi ve Ahidname Meselesi // Belleten 8. – 1944. – № 31. – P. 185–229.

ханом с конца 1476 г. до осени 1477 г.⁷⁵ Не исключено, что событийная канва была немного иной: Нур-Даулет и Джанибек какое-то время правили одновременно в разных частях ханства⁷⁶.

По-видимому, Джанибек чувствовал неустойчивость своего положения в Крыму, так как вскоре (весной или летом 1477 г.) возобновил переговоры с Иваном III о пристанище в Московском княжестве. Ответ на его обращения прибыл в Крым в виде секретного устного послания, которое московский посол должен был сообщить Джанибеку тайно: «А говорил ми от тебя твой человек Яфар Бердей о том, что по грехом коли придет на тебя истома, и мне бы тебе дати опочив в своей земле. Ино яз и первее того твоего добра сматривал; коли еси был казаком, и ты ко мне такжо приказывал, коли будет конь твой потен, и мне бы тебе в своей земле опочив дати. И яз тебе и тогды опочив в своей земли давал, а и нынеча есми добру твоему рад везде. А каково придет твое дело, а похочешь у меня опочива, и яз тебе опочив в своей земли дам и истому твою подойму»⁷⁷.

Эти заверения Ивана III оказались весьма своевременными для Джанибека. Вскоре после этих тайных переговоров Менгли-Гирей, возвратив себе трон в конце 1478 г., вновь вернулся на полуостров⁷⁸. Джанибек и Нур-Даулет были высланы из Крыма. При этом Джанибек воспользовался приглашением московского правителя и получил пристанище в Москве⁷⁹. Весной 1480 г. Иван III сообщал в Крым о том, что Джанибек взят им к себе, как о уже свершившемся факте⁸⁰. По всей видимости, после пребывания на «опочиве» (примерный перевод – «отдыхе») в Московском княжестве Джанибек стал астраханским ханом (правил в Астраханском ханстве в 1514–1521 гг.⁸¹). Перемещения в рамках позднезолотоордынского пространства не вызывали затруднений у Джанибека, как и у других представителей династии Чингис-хана. В этом контексте Москва оставалась плотно включённой в систему наследников Улуса Джучи. Великий князь не посмел удерживать Джанибека у себя из-за его высокого положения.

Как мы видим, Москва приглашает и заполучает Джучида к себе на «опочив». Здесь, на мой взгляд, обоснованно заострить внимание на том, кем являлся Джанибек – на его политическом статусе в Степи. «Царевич» (султан) – Джучид высшей категории, он приходился ближайшим родственником, реально правившим на территории Дешт-и-Кипчака ханам; на него делал ставку хан Ахмед, заявлявший последние грозные претензии на политическое господство в позднезолотоордынском пространстве; в финале своей политической карьеры он сам стал ханом сначала в Крыму, впоследствии в Астрахани – двух важнейших наследниках Улуса Джучи (первый являлся наследником Золотой Орды по военной силе и по праву завоевания (Крым), второй – по династической традиции (Астрахань)). Политическая карьера Джанибека, как и происхождение, явно дают нам понять, что его статус в Степи был очень высоким. Москва на данном этапе своего сотрудничества с поздней Золотой Ордой старалась заполучить к себе фигуры политических «тяжеловесов». Её амбиции и претензии были уже в 1470–1480-х гг. весьма значительны.

Возвращение Менгли-Гирея «во власть» на полуострове повлекло за собой два интересных последствия. Первое касалось самого Менгли-Гирея. Следуя примеру своего противника

⁷⁵ Зайцев И. В. Между Стамбулом и Москвой: джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI в.). – М., 2004. – С. 86.

⁷⁶ Некрасов А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа: последняя четверть XV – первая половина XVI в. – М., 1990. – С. 47.

⁷⁷ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 14.

⁷⁸ Некрасов А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа: последняя четверть XV – первая половина XVI в. – М., 1990. – С. 50–51.

⁷⁹ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 15, 17.

⁸⁰ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 17.

⁸¹ Зайцев И. В. Астраханское ханство. – М., 2004. – С. 249.

Джанибека, Менгли-Гирей призвал Ивана пообещать ему, что в случае его изгнания с полуострова тот предоставил бы ему политическое убежище на территории своего государства. Ответ Ивана Менгли-Гирею был аналогичен его ответу Джанибеку: «Писал еси ко мне в ярлыке в своем и словом ми от тебя Сырпак говорил о том: каково по грехом придет твое неверемя, и мне бы твоя истома поднять. Ино яз добру твоему везде рад, чтобы дал Бог ты здоров был на отца своего месте на своем юрте. А коли по грехом придет каково твое неверемя, и яз истому твою подойму на своей голове»⁸².

Несмотря на то, что фактически Менгли-Гирею не пришлось воспользоваться московским политическим приютом, предложение московского князя во всё время его правления оставалось в силе. После смерти Ивана, его сын и преемник Василий III повторил его обещание. Документация, исходящая по этому вопросу от Василия III, намного более детальна в вопросе условий этого прибежища, нежели процитированное выше письмо; однако, по всей вероятности, это всего лишь повторение условий, заключённых ранее между Иваном III и Менгли-Гиреем. Среди прочего интересен один момент – хан и его окружение вольны в своём праве покинуть Московию и прибывать обратно: «добровольно приедешь, добровольно куды хочешь пойти, пойдешь; а нам тебя не держати»⁸³. Как известно, данным правом свободного отъезда и приезда обладала и высшая властная прослойка Касимова⁸⁴. На данном этапе своего сотрудничества с татарскими государствами московский правитель попросту не мог удерживать у себя этих персон против их воли – в силу своего подчинённого положения в позднезолотордынском мире. Позже, как показывает шертъ Абд ал-Латифа 1508 г., право свободного отъезда (без согласования с великим князем) будет отнято у Джучидов.

Второе последствие воцарения Менгли-Гирея в Крыму касалось его родных братьев, изгнанных им, его политических противников – бывших крымских ханов Нур-Даулета б. Хаджи-Гирея и Айдара б. Хаджи-Гирея. После возвращения Менгли-Гирея в Крым они оба бежали в Киев, где получили приют от его врага, правителя Польско-Литовского государства короля Казимира IV⁸⁵. Поэтому весной 1479 г. Менгли-Гирей попросил ещё об одном одолжении у великого князя, похожем на обращение относительно хана Джанибека несколькими годами ранее. Иван III должен был сделать попытку «достать» бывших ханов из Великого княжества Литовского и «переместить» их в Московское. Иван информировал хана: «Нынеча еси ко мне ярлык свой прислал да и с своими послы еси приказал и с моим человеком с Иванчею о своей братье о царех о Нурдовлате да о Айдаре, что недруг твой король взял их к себе и держал их в своей земли на Киеве, а на твое лихо; и мне бы твоего для дела оттоле их к себе взяти. И яз их к себе взял твоего для дела, а держу их у себя и истому своей земле и своим людям чиню тебя для»⁸⁶.

Осенью, сообщают нам русские летописи, Айдар и Нур-Даулет вместе с сыном последнего Бир-Даулетом прибыли в Московское княжество⁸⁷. Непонятно, чем именно сооблазил их Иван III на смену патрона.

Русские источники постоянно обозначают Айдара как «царя» (хана). И. В. Зайцев отметил, что «в результате переворота летом 1456 г. к власти на полуострове (Крым). – Б. Р.) пришел сын Хаджи-Гирея Айдар (Хайдар), но уже после ноября он бежит в Литву, а на престол возвращается его отец»⁸⁸. А. Беннигсен заметил, что, возможно, Айдар кратковременно пра-

⁸² Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 15.

⁸³ Малиновский А. Историческое и Дипломатическое собрание дел, происходивших между Российскими великими князьями и бывшими в Крыму Татарскими царями, с 1462 по 1533 год // Записки ООИД. – Одесса, 1863. – Т. 5. – С. 402.

⁸⁴ Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. – Казань, 2009. – С. 73–74.

⁸⁵ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 17–18.

⁸⁶ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 17–18.

⁸⁷ Иоасафовская летопись. – М., 1957. – С. 119.

⁸⁸ Зайцев И. В. Между Стамбулом и Москвой: джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер.

вил в Крыму вскоре после смерти его отца Хаджи-Гирея в 1466 г., до воцарения там Нур-Даулета. Если это так, то это вполне объясняет ханский титул⁸⁹.

Политическая судьба Нур-Даулета в Московии достаточно подробно рассмотрена мной в работе, касающейся истории Касимовского ханства⁹⁰. Поэтому здесь я не буду останавливаться на ней, скажу лишь, что Нур-Даулет, так же как и Джанибек, являлся «тяжеловесом» политической жизни позднезолотоордынского Дешт-и-Кипчака, чем активно пользовался великий князь, шантажируя Менгли-Гирея присутствием Нур-Даулета в Московском княжестве. Вскоре после предоставления Нур-Даулету Касимовского ханства, также ему была предоставлена Кашира⁹¹. Предоставление Касимовского ханства (как известно, в его территорию входил не только сам город Касимов, но и другие города⁹²) в совокупности с Каширой также явно говорит нам о высоком политическом статусе людей, которых предпочитала Москва для заманивания на «опочив».

Не исключено, что в данной ситуации инициатива исходила не от московского правителя, а от самих царей – бывших крымских ханов. Учитывая рассматриваемый период (1470–1480-е гг.), когда зависимость от Орды (того, во что она постепенно превращалась – конгломерат ханств) у Московии ещё не была преодолена, это, на мой взгляд, более чем вероятно. Московские дипломатические источники не акцентировали на этом внимание по причине невыгодного положения Москвы, которое проступало через эту ситуацию. А. Л. Хорошкевич отмечала: «На заре русско-крымских отношений инициативной стороной в переезде на Русь выступали сами крымцы»⁹³.

Вскоре, весной 1480 г., Иван посадил Айдара в заточение, с местом дислокации – Вологда⁹⁴ (позднее Вологда использовалась как место ссылки для ещё одного «ослушника» великого князя – бывшего казанского хана Али б. Ибрагима (Алегам), который с семьёй был сослан в этот город после пленения его в Казани русскими в 1487 г.⁹⁵).

О причинах опалы источники молчат. Скорее всего, это были политические контакты бывшего хана, неудовлетворённого своим положением, со своими татарскими (а возможно, и не только татарскими) соседями с вынашиванием планов каких-либо коалиций с целью своего политического «возрождения» в Степи. Мало что известно о последующей судьбе Айдара; возможно, он томился в русском плену до конца своих дней. Последнее прямое упоминание источников о нём относится к 1487 г., в связи с планом короля Казимира IV вернуть Айдара в свои владения. До Менгли-Гирея дошли слухи об этом, и он был озабочен возможностью претензий Айдара на крымский трон при поддержке его врага – польского короля. Иван III поспешил заверить своего крымского союзника в том, что волноваться нечего: Айдар был заблокирован в московской крепости, и «твоего (Менгли-Гирея. – Б. Р.) для дела» Москва будет удерживать его там⁹⁶.

Как видим, политика Москвы по отношению к выезжим Чингисидам была всё же весьма гибкой – она принимала и поддерживала высокий статус приезжих гостей только до тех пор, пока их собственные амбиции не выходили из фарватера московской политики. Как только это происходило, её меры в отношении Джучидов становились крайне жёсткими.

пол. XVI в.). – М., 2004. – С. 83.

⁸⁹ Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı. – Paris, 1978. – P. 321.

⁹⁰ Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. – Казань, 2009. – С. 118–138.

⁹¹ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 151.

⁹² Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. – Казань, 2009. – С. 66–67.

⁹³ Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI в. – М., 2001. – С. 275.

⁹⁴ Иоасафовская летопись. – М., 1957. – С. 119–120.

⁹⁵ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 164–168.

⁹⁶ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 64.

Интересы Ивана III, естественно, не ограничивались только помощью крымскому союзнику. Когда Айдар покинул Крым в 1478 г., он оставил там жену и сына; Москва пыталась «достати» также и их. В 1483 г., после трёх лет пребывания Айдара в заточении, русский посол в Крыму доставил туда письмо от хана жене. В нём он просил её прибыть к нему в Московское княжество, прибавляя, что она должна была бы взять с собой и сына: «Бог на роду на челе написал тебе мне женою быти, а яз тебе муж был. От тебя ссел, далеч зашел есми. А нынеча последнем веце. В пяти днех кто будет, кто не будет. «С своим ди мужем в одном месте хочю быти», так мола, и ты братье своей гораздо добив челом, сюда приеди навсяко, безпереводно, как ся грамота дойдет; еще меня похочешь, и ты приеди. Молвя, с коневою тамгою грамоту послал есми. А еще одно слово есть: сама приедешь, и ты и Данияла с собой ж взем привези»⁹⁷.

Печальный тон письма позволяет предположить, что оно было написано самим Айдаром. Однако не стоит возлагать всю инициативу только на него. Письмо вряд ли могло бы появиться без одобрения и, возможно, даже санкции Москвы. Если бы жена Айдара последовала совету мужа (чего, судя по всему, она не сделала), это бы означало не только облегчение участи мужа, но и прибытие ещё одного Джучида в Московию. Здесь мы, несомненно, можем наблюдать политическую руку Москвы. Необходимо прибавить, что юный Даниял мог рассматриваться как наилучший кандидат для претензий на крымский трон, так как его отец ранее сам занимал его⁹⁸.

То, что Иван III имел намерение заполучить Данияла к себе в Москву, становится ясно из дипломатической инструкции послу, выданной несколько позже. В мае 1495 г. московский правитель выслал в Крым двух служилых татар со специальным заданием. Их маршрут пролегал через Киев. При достижении Киева им следовало, согласно наказу, выяснить следующее: «Им пытати вежливо, как бы незнакомисто: где ныне царев сын Ойдаров? И будет на Киеве, а нелзе будет им к нему ити, и им ити к нему тайно, чтобы того не ведал никто. Да молвити им Айдарову сыну: похочешь ехати ко государю к нашему к великому князю, и государь наш князь велики хочет тебя жаловати, да и твоего отца хочет жаловати; и ты бы к нему поехал»⁹⁹.

Это сообщение свидетельствует о том, что Айдар в 1495 г. ещё был жив. Что же касается того, что случилось с ним позже и чем окончились усилия Ивана по «рекрутированию» его сына, источники по этому поводу хранят молчание.

Около 1490 г. Москва проявила инициативу в поиске и приглашении к себе ещё двух Джучидов-Гиреев, Уз-Тимура (Издемир) б. Хаджи-Гирея и Девлеша б. Даулет-Яра б. Хаджи-Гирея. Уз-Тимур был младшим братом Менгли-Гирея, в то время как султан Девлеш являлся племянником Менгли-Гирея по другому его брату, Даулет-Яру. Ранее они находились под опекой Порты – Османской империи, позже покинули османов в поисках альянса с Большой Ордой («Вышли они от Турков да на поле были и в Орде были»¹⁰⁰), а именно с сыновьями Ахмеда¹⁰¹.

При таком альянсе они представляли бы существенную угрозу как для Менгли-Гирея, так и для Ивана III. В первую очередь их судьбой был озабочен именно крымский хан – видимо, они вызывали сильное опасение у него. В дальнейшем он не исключал даже, по всей видимости, и их физического устранения как варианта решения их проблемы («ты брат мой одно дело добудешь, как бы сех наших недругов не было, мысль тому ты добудешь»¹⁰², – писал он Ивану в 1491 г.). Интересно отметить, что согласно посланиям Менгли-Гирея, он опасался Уз-Тимура намного больше Девлеша – он чаще фигурирует в дипломатической переписке как фигура

⁹⁷ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 37.

⁹⁸ Kennedy C. The Juchids of Muscovy. – L. 64.

⁹⁹ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 216.

¹⁰⁰ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 158.

¹⁰¹ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 99.

¹⁰² Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 123.

потенциальной опасности¹⁰³. Это неудивительно – он, так же как и сам Менгли-Гирей, являлся сыном Хаджи-Гирея. Это имело значение при претензиях на трон.

В октябре 1490 г. в Крым прибыл московский посол с секретным посланием хану, касающимся Уз-Тимура и Девлеша. Посланник должен был встретиться с ханом наедине и предложить следующее: «И будет тебе надобе, чтобы те царевичи у твоих недругов у Ахматовых детей не были, и яз твоего для дела пошлю их звати к собе, чтобы поехали ко мне»¹⁰⁴.

Ожидая одобрения своих планов ханом, Иван III послал два письма персонально Уз-Тимуру и Девлешу, которые, как планировалось, хан должен был помочь доставить им. Эти два письма содержали приглашение двум султанам прибыть в Московию. Исключая имена, письма идентичны; процитирую одно из них, к султану Девлешу: «Дед твой Ази-Гирей царь с нами был в дружбе, а дяди твои Нурдовлат царь и Менли-Гирей царь с нами в дружбе и в братстве. Нынеча слышели есмя, что в чюжом юрте стоишь, а конь твой потен; и мы, поминая к собе деда твоего дружбу и дядь твоих, Нурдовлатову цареву да Менли-Гирееву цареву дружбу и братство, тебе хотим свою дружбу чинити: похочешь у нас опочива, и ты к нам поеди, а мы тебе в своей земле опочив учиним и добро свое, как даст Бог, хотим тебе чинити. А которые твои люди с тобою приедут, и мы тебя деля тех твоих людей хотим жаловати»¹⁰⁵.

Письмо содержит языковые сходства в нескольких пассажах. Из этого становится ясно, что, по всей видимости, в переписке между Джучидами Степи и Москвой русская сторона пользовалась неким шаблоном, специально подготовленным для обсуждения нюансов переселения и размещения Джучидов в Московию¹⁰⁶. Этот формуляр был весьма важен, так как он сообщал, каких перспектив в отношениях с московским правителем они могли бы ждать в случае, если решатся на переезд в Московию. Также формуляр показывал союзникам великого князя намерения последнего по отношению к потенциальным иммигрантам из Степи, а также и отношения с уже пребывающими в Московском княжестве Джучидами. Конечно же, не стоит всецело полагаться на официальный документ – он далеко не всегда показывает нам истинные мотивы действующих лиц.

Термины, обозначавшие природу пребывания Джучидов в вотчине великого князя, а именно обозначавшие то, что они фактически делали в Московии, были абсолютно нейтральными с политической точки зрения¹⁰⁷. Джучидов «звали»¹⁰⁸ или «брали» («взяти»)¹⁰⁹ в Московское государство, Джучиды «ехали»¹¹⁰ к великому князю, приходили вне своего желания ради «опочива»¹¹¹, или Джучид «содержался с» великим князем («к собе взял и держал есми его у собя», «к тебе послал»)¹¹². В переводах с татарских грамот приезд царевичей – это добровольный акт независимых политических деятелей; характер их пребывания на Руси вообще не определяется¹¹³. Представителей верхов крымского общества заверяли: «добровольно приедешь, добровольно куды восхочешь пойти – пойдешь, а нам тебе не держати».

Таким образом, можно сказать, что в последней трети XV в. великий князь предлагал пристанище. Он обещал не быть враждебным, обеспечивать безопасность и материальную под-

¹⁰³ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 216, 218.

¹⁰⁴ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 99.

¹⁰⁵ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 100.

¹⁰⁶ Kennedy C. The Juchids of Muscovy. – L. 66.

¹⁰⁷ Kennedy C. The Juchids of Muscovy. – L. 67.

¹⁰⁸ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 99.

¹⁰⁹ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 17–18.

¹¹⁰ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 216–217.

¹¹¹ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 100.

¹¹² Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 17–18, 126.

¹¹³ Хорощкевич А. Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI в. – М., 2001. – С. 278.

держку, и, как в случае с Менгли-Гиреем, разрешал хану право отъезда в случае его желания. Мы нигде не находим какого-либо обсуждения того, для чего же Джучид прибывает в Московию: для службы местному правителю? для управления своим улусом? или ни для того, ни для другого, а для «опочива»? В последней трети XV в. мы можем констатировать только заверения московской стороны в том, что Джучид получит в Московском великом княжестве кров и материальную поддержку¹¹⁴.

Первым, кто воспользовался приглашением Ивана III, был султан Девлеш. В течение 1491 г. было заявлено, что он отправился в Московию («Довлеш царевич к тебе пошел»)¹¹⁵. Правда, более поздний документ сообщает, что альтернативное предложение от рода Ширин – главнейшей династии правящей элиты в Крыму – притормозило его решение об отъезде¹¹⁶. Тем временем дядя Девлеша – Уз-Тимур, решил принять третье предложение от польского короля Казимира IV и прибыл в Киев («корм ему дают тут») ¹¹⁷.

Вскоре Менгли-Гирей установил контакт с Девлешем и, сообщая последнему о гарантиях от Ивана, советовал ему поехать в Московию (письмо от 1491 г.): «Ино мы Девлеша царевича гораздо уверив, брата своего Девлеша к тебе послал, гораздо юрт давши, да добром бы еси держал»¹¹⁸.

Султан действительно покинул Степь, однако вместо Москвы он выбрал Киев, где уже находился его дядя Уз-Тимур. В посольстве от хана Менгли-Гирея к Ивану от ноября 1491 г. послы говорили от имени хана: «Да говорил Кутуш от царя же о Уздемире да о Девлеше о царевичех, что деи король царю недружбу учинил, его дву братьов, Уздемира да Девлеша, к собе взял да у себя установитил. И будет деи то мочно князю великому, брату моему, Уздемира да Девлеша достати, и он бы их доставал; а будет деи не мочно, и он бы деи отказал на сей зиме с Кутушом, и царь их хочет сам доставати»¹¹⁹.

Великий князь послал хану письмо, где заверял его, что сделает всё, что в его силах, чтобы переманить их в Московию¹²⁰. Весной 1492 г. Иван III вновь выслал каждому по письму, которые были практически идентичны тем, что он посылал им двумя годами ранее¹²¹. В грамотах султанам Иван III счёл возможным опустить пункт о добровольности пребывания в Московском княжестве и свободе отъезда. Вероятно, этим отчасти и объясняется, почему царевичи предпочли остаться в Великом княжестве Литовском, нежели переехать в Москву¹²².

Усилия великого князя пропали даром. В конце 1492 г. московский посол, возвращавшийся из Крыма, принесёт следующие вести об Уз-Тимуре и Девлеше: «И те, государь, царевичи, сказывают, поженилися в Литве, а отведены с украины далече вглубь»¹²³.

Это означало удаление с политического горизонта Степи. Судя по всему, царевичи давно и достаточно плотно оказались включёнными в русскую культуру в Литве – в 1491 г. Менгли-Гирей констатировал (видимо, не без сожаления) Ивану, что они «и пьют и едят с русаки»¹²⁴. Их браки – особенно, если они были женаты не на мусульманках, и брак предполагал обращение в другую веру, дистанцировали их от татарского мира ещё больше. В таком случае, веро-

¹¹⁴ Kennedy С. The Juchids of Muscovy. – L. 67–68.

¹¹⁵ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 111.

¹¹⁶ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 113.

¹¹⁷ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 113.

¹¹⁸ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 126.

¹¹⁹ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 121.

¹²⁰ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 137–138.

¹²¹ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 145–146.

¹²² Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI в. – М., 2001. – С. 281.

¹²³ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 167.

¹²⁴ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 123.

ятно, именно подтверждением их удаления с политического небосклона Степи служит загадочная фраза Менгли-Гирея: «А те, государь, царевичи, как тебе, так царю не люди, – отвечал мне про них царь»¹²⁵.

В 1470-х – начале 1490-х гг. Москва начала уже преднамеренно завлекать к себе потомков Чингис-хана, переживавших не лучшие времена в Степи. В это время действия Москвы уже были вполне независимыми и осознанными в своей политике заманивания к себе тех персон Степи, положение которых можно описать как «истому» – состояние усталости, утомления, иначе говоря, как «неверемя» – временную неудачу, фиаско. На данном этапе Иван III смекнул, что из «истомы» своих недавних противников вполне можно извлечь политическую выгоду. По всей видимости, в это время курирующие татарские дела уже пришли к мысли о возможности добровольного (со стороны Москвы) пожалования данным лицам русских городов, выдаваемых как средства содержания Чингисидов. Однако в отношениях с представителями Большой Орды и Крымского ханства данная практика не получила широкого распространения.

Москва старалась заполучить к себе лиц, политический статус которых в Степи был очень высок. Это были Джучиды, которые либо реально правили в определённом позднесолотоордынском юрте (причём в важнейших – Большой Орде и Крымском ханстве), либо приходились ближайшими родственниками правителям ханств. Очевидно, высокий политический статус приводил к тому, что практически мало кто пользовался приглашением московского правителя. Положение и статус высшего общества позднесолотоордынских государств, которые помнили о безусловном господстве над «русским улусом», очевидно, не позволяли им рассматривать предложения от своего бывшего данника всерьёз, либо они рассматривали их только тогда, когда их «истома» была особенно сильна. Спокойное пребывание на «политической пенсии» в Московии, так же как и положение марионетки московского правителя, их явно не устраивало.

Единственным исключением из этой тенденции является старший брат Менгли-Гирея Нур-Даулет б. Хаджи-Гирей, бывший ханом в Крыму, затем потерявший этот престол и переехавший в Московское княжество, где он получил трон Касимовского ханства. Он единственный (если не считать его брата Айдара) в этот период принял приглашение великого князя и согласился на постоянное пребывание под его опекой. Однако, во-первых, он всё же получил наиболее престижный татарский юрт Москвы – Касимовское ханство, имевшее особое положение среди других «мест», выделявшихся татарской элите в Московском княжестве (по выражению А. В. Белякова, остальные московские юрты выдавались ему, видимо, как своеобразный «довесок» к статусному владению). Во-вторых, выбор у него был крайне невелик – оставаться в Крыму он не мог по причине опасения за свою жизнь; он мог выбирать между Великим княжеством Литовским, Стамбулом и Москвой. Стамбул отпадал по причине тесной связи между османами и Менгли-Гиреем: Нур-Даулет опасался своей выдачи в Крым. Почему он выбрал не Великое княжество Литовское, а Москву, сказать трудно; возможно, он каким-то образом просчитал, что причин выдавать его Менгли-Гирею у Ивана меньше, чем у короля Казимира. Не исключено, что сыграло свою роль и то, что его «испомещали» именно в Касимове – месте, имевшем давние татарские традиции, в том числе и династические.

Выгода, которую пыталась извлечь Москва, предлагая свою территорию как пристанище для знатных лиц позднесолотоордынских государств, испытывавших проблемы у себя на родине, просматривается достаточно чётко – шантажируя имевшимися в её распоряжении потомками Чингис-хана, она собиралась (и реально делала это) воздействовать на политику соседних государств, особенно Крыма¹²⁶ (влияние на Большую Орду было, видимо, затруднено в силу особой нестабильности политической ситуации в ней). Мотивация Джучидов к переез-

¹²⁵ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 167.

¹²⁶ Подробнее см.: Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. – Казань, 2009. – С. 124–128.

дам состояла, по всей видимости, в необходимости временного пристанища для накопления сил.

Последнее десятилетие XV в. для Большой Орды (или Тахт Иле – «Престольное владение») – татарского ханства, считавшегося до 1502 г. основным наследником Улуса Джучи, стало роковым: она переживала далеко не лучшие времена. Во 2-й половине XV в. Большая Орда играла важную роль в политической жизни Восточной Европы. Однако, как и прежний Улус Джучи, её раздирали внутренние противоречия, вызванные в основном амбициями властной элиты и экологическими условиями.

В 1494 г. в Большой Орде разразилась очередная династическая распря. Шейх-Ахмед б. Ахмед¹²⁷, тогдашний хан «Престольного владения», женился на дочери ногайского бия (правителя) Мусы. Ордынская знать свергла с престола зятя нелюбимого ею ногайского лидера. На его место был посажен другой сын Ахмеда, Муртаза. Беклербеком (главным военачальником) продолжал оставаться Хаджике (Хаджи-Ахмед б. Дин-Суфи)¹²⁸. Через некоторое время Муртазу отстранили от власти и вернули на престол Шейх-Ахмеда. Муртаза при этом уехал подальше от братьев Ахмедовичей – на Терек. За ним двинулся и Хаджике.

Что важно для нас, так это то, что Хаджике вместе с другим своим соратником – Сеид-Ахмедом б. Ахмедом (родным братом Шейх-Ахмеда б. Ахмеда) – добивался от Ивана III дозволения поселиться на Руси. Московский правитель писал хану Менгли-Гирею: «Присылал ко мне (Ивану III. – Б. Р.) Азика князь¹²⁹ братанича своего (племянника. – Б. Р.) Камбара Мамалаева сына с тем, чтобы яз Азику и Камбара к себе взял, а Азике бы моим жалованьем своего юрта доставати. Да и о Сеит-Махмуте царе Камбар от Азики мне говорил, чтобы яз и Сеит-Махмута царя к себе взял. И яз Камбара отпустил, а приказал есми с Камбаром к Сеит-Махмуту да и к Азике, чтобы ко мне пошли; а емлю яз Сеит-Махмута царя да и Азику князя твоего для дела брата своего (Менгли-Гирея. – Б. Р.) да и своего, на твоих и на своих недругов на Шиг-Ахметя царя и на Тевекеля князя, чтобы как дал Бог нам своим недругом Шиг-Ахметю и Тевекелю князю гораздо недружба довести»¹³⁰.

Иван, как следует из сообщения, намеревался заполучить («емлю») Сеид-Ахмеда и Хаджике в своё распоряжение, для противодействия хану Шейх-Ахмеду и его главному эмиру Таваккулу б. Тимуру. Ордынскими правителями, как видим из обращения об «опочиве» со стороны Сеид-Ахмеда и Хаджике, Московское княжество уже прочно позиционировалось в последнем десятилетии XV в. как место, где можно переждать «истому». Источники содержат мало информации о реализации этого плана. Всё, что нам известно, это то, что к 1505 г. мирза (знатный представитель элиты) Канбар б. Мамалай из рода Мангыт возвратился в Московское княжество и начал активно участвовать в военных мероприятиях московского правителя¹³¹. У него были сын и внук, которые также участвовали в военных кампаниях великих князей¹³².

Контакты велись и с самим ханом Большой Орды Шейх-Ахмедом б. Ахмедом и его окружением. В неблагоприятных для Большой Орды политических и экологических условиях конца XV в. Крымское ханство решило покончить с ней и стать единственным наследником Улуса Джучи. Этому способствовали и личные амбиции представителей боковой ветви Джучидов – Гиреев, которые, как и потомки Улуг-Мухаммеда, когда-то потерпели неудачу в овладении тронном «Престольного владения» (Большой Орды) и вынуждены были обустроить своё

¹²⁷ Хан Шейх-Ахмед б. Ахмед – хан Большой Орды (примерно 1488–1502 гг., с перерывами; до 1500 г. – в соправительстве с братьями), сын хана Ахмеда.

¹²⁸ Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. – М., 2001. – С. 125.

¹²⁹ Хаджике (т. е. Хаджи-Ахмед б. Дин-Суфи) – ордынский, а затем и крымский «князь» (беклербек).

¹³⁰ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 385; Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. – М., 2001. – С. 125.

¹³¹ Разрядная книга 1475–1598 гг. – М., 1966. – С. 37.

¹³² Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 414, 429–430; Разрядная книга 1475–1598 гг. – М., 1966. – С. 86–87; Там же, под 1507 г. Его сына звали Ак-Мухаммед, внука Ураз-Али.

жизненное пространство на окраинах распадающейся империи. Те же Джучиды, которые оказались более удачливыми (потомки Кучук-Мухаммеда), стали их врагами. Стамбул и Москва поддерживали устремления Крымского ханства, так как это ослабляло их общего врага – Польско-Литовское государство¹³³.

Особого ожесточения борьба крымских ханов с большеордынскими достигла при последнем хане «Престольного владения» Шейх-Ахмеде б. Ахмеде. В Крыму в это время престол занимал Менгли-Гирей б. Хаджи-Гирей, получивший его с помощью оттоманов. Конец XV в. оказался для Большой Орды неблагоприятным. Менгли-Гирей писал в Москву в июле 1498 г., что «Ахматовы дети истомны учинилися»¹³⁴. Примерно так же описывалось состояние дел московским посланником в Крым в 1501 г., который говорил о ссорах между Шейх-Ахмедом и его братом Сеид-Мухаммедом («а между себя деи царь не мирен с братьею»¹³⁵), а также о надеждах Менгли-Гирея на то, что их люди покинут их и присоединятся к нему: «людей к себе от них чают»¹³⁶. Это и произошло: в 1500–1502 гг. большеордынцы начали мелкими и более крупными группами переходить во владения крымского хана.

Как природные, так и политические нюансы были не на стороне Шейх-Ахмеда: согласно информации крымского хана и русских послов, в начале XVI в. большеордынцы были «худы... добре, и пеши, и наги» или «безконы добре... и охудали и кочуют на рознь». Противостояние закончилось тем, что весной 1502 г. сильно ослабевшая Большая Орда была полностью разгромлена крымскими войсками. Видимо, для Ивана III не было сюрпризом посольство от Шейх-Ахмеда, пришедшее к нему до октября 1502 г., с которым пришло и его обращение о братстве и дружбе между ханом Большой Орды (которым Шейх-Ахмед продолжал себя считать) и московским великим князем, а также и призыв «взять» Астрахань и отдать её Шейх-Ахмеду (Иван передал слова Шейх-Ахмеда Менгли-Гирею: «И Азторокань бы мне достав, ему дати»)¹³⁷. По-видимому, Шейх-Ахмед не доверял великому князю, и переговоры вскоре прекратились¹³⁸.

Султан Хаджи-Ахмед б. Ахмед (Коджак, «Хозяк»), брат и калга Шейх-Ахмеда, его сподвижник в последних попытках вернуть себе Орду, вроде бы планировал отъехать к великому князю: в сообщениях неких русских, вернувшихся из Астрахани зимой 1502/1503 г., сообщалось, что «Шиг-Ахмет царь и Хозяк царевич у Азторокани, тут де им и зимовати; а у них деи их людей мало, толко с пять сот человек; а болшие деи люди у Хозяка у царевича, и Хозяк царевич хочет к нам ехати»¹³⁹. Как видно из сообщения, с планировавшим приехать в Московию Хаджи-Ахмедом находились значительные военные силы – по сути, это была одна из «частей» распавшейся Большой Орды.

Вскоре Шейх-Ахмед начал вынашивать идею покинуть Степь. Первым делом он и двое его людей попросили об убежище Стамбул, однако им было отказано по причине давнего союза Порты с Крымом. Отвергнутый хан в итоге в конце 1504 г. направился к своим давним союзникам в Великом княжестве Литовском, которые, однако, взяли его под стражу¹⁴⁰.

¹³³ Исхаков Д. М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. – Казань, 2009. – С. 131.

¹³⁴ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 263.

¹³⁵ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 322–323.

¹³⁶ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 358.

¹³⁷ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 435–436, 456, 489; СПб., 1882. – Т. 35. – С. 432; Иоасафовская летопись. – М., 1957. – С. 145.

¹³⁸ Базилевич К. В. Внешняя политика русского централизованного государства: вторая половина XV в. – М., 1952. – С. 532.

¹³⁹ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 456.

¹⁴⁰ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 459–460, 462, 467, 471, 474, 477–478, 482, 486, 489–490, 492–493, 503, 509–510, 516, 521–523, 527–528, 532–539, 556–557; СПб., 1882. – Т. 35. – С. 464–465; Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI в.). – М., 2004. – С. 99–120; Базилевич К. В. Внешняя политика русского централизованного государства: вторая половина XV в. – М., 1952. – С. 505–508, 532–533.

Иван не оставлял желания заполучить себе Шейх-Ахмеда и тогда, когда он уже находился в литовском плену в Вильно: он мог бы стать эффективным средством устрашения Крыма, как когда-то Нур-Даулет. В наказе сыну боярскому Константину Замытскому, посланному в марте 1504 г. с разными поручениями к королеве Елене Ивановне, поручалось войти в сношения с Шейх-Ахмедом и передать ему приглашение от Ивана перейти под его покровительство: «...будет конь твой истомен, и ты бы пошел к нам, и яз истому твою подыму, и людей твоих пожалую, и место тебе в своих землях городы дам».

Хану предлагалось самому найти способ побега из Литвы: «...ино и ныне похочешь к себе нашего прямого братства и дружбы, и ты бы домышлялся сам, как ти выехать из Литовские земли»¹⁴¹.

Неизвестно, удалось ли Замытскому выполнить это задание. Точно известно, что Шейх-Ахмед остался в Великом княжестве Литовском.

Здесь можно вновь акцентировать внимание на личности политика, которого завлекла Москва. По-моему, широко смотрящему историку очевидно, что история вполне могла получить другой вектор развития при несколько ином напряжении воли характеров исторических персонажей. В противном случае при принятии заданности исторического развития (как предлагала «марксистская» советская школа), мы должны отказаться от такого фундаментального космического понятия, как диалектика, т. е. развитие и эволюция всего живого. Если некоторые персонажи не вошли в учебники и широко известные тексты в силу того, что в финале своей политической карьеры потерпели неудачу, это ещё не значит, что они в принципе не могли войти в историю как победители. Именно такой личностью, по-моему, и был Шейх-Ахмед.

На мой взгляд, не стоит представлять его как «ничтожного наследника прежнего величия». В 1488 г. Шейх-Ахмед был провозглашён ханом Улуса Джучи (фактически – Большой Орды) и являлся им до 1502 г.¹⁴² Формально он был последним правителем Улуса Джучи, в политической зависимости от которого находились московские правители¹⁴³. После пленения хана польские короли Александр Казимирович и Сигизмунд I использовали Шейх-Ахмеда как «средство сдерживания» крымских ханов, шантажируя Менгли-Гирея и его сыновей Мухаммед-Гирея I и Саадет-Гирея I в случае враждебных действий отпустить бывшего ордынского правителя обратно в Степь¹⁴⁴. Причём цена содержания хана и его людей в Великом княжестве Литовском была достаточно высокой – об этом жаловались паны Рады королю Сигизмунду I, да и он сам писал об этом хану Мухаммед-Гирею I в Крым¹⁴⁵.

Потенциальная опасность Шейх-Ахмеда для своих степных соседей (прежде всего для крымских ханов) и, соответственно, его масштаб как политика виден и из того, что на протяжении более чем 20-летнего заключения Шейх-Ахмеда Ногайская Орда неоднократно обращалась к королевским властям с просьбой выпустить хана. И не только Ногайская Орда: его судьбой интересовались и в Крыму, и в Москве. К примеру, в грамоте, посланной с послом

¹⁴¹ Сборник РИО. – СПб., 1882. – Т. 35. – С. 464–465.

¹⁴² С перерывами; до 1500 г. – с братьями-соправителями (Варонін В. А. З гісторыі ўзаемаадносін Вялікага Княства Літоўскага з татарамі ў канцы XV – першай трэці XVI стст.: Хан Шыг-Ахмат // *Studia historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. – Минск, 2011. – Вып. 4. – С. 128).

¹⁴³ Зависимость Москвы от Шейх-Ахмеда проявилась, в частности, в факте выплаты «выхода» (дани) в промежутке 1500–1502 гг. См.: Горский А. А. Москва и Орда. – М., 2000. – С. 181–183, особенно ссылка 157. Хотя этот факт, возможно, являлся единичным актом, а не признаком системы, «формальное признание зависимости от хана» (А. А. Горский) можно признать.

¹⁴⁴ См. мирные договора между Короной Польской, Великим княжеством Литовским и Крымским ханством 1507–1527 гг., опубликованные Д. Колодзейчиком: *Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the european periphery (15th–18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents.* – Leiden-Boston, 2011. – P. 571, 581, 613, 626, 644, 653–54, 667.

¹⁴⁵ Варонін В. А. З гісторыі ўзаемаадносін Вялікага Княства Літоўскага з татарамі ў канцы XV – першай трэці XVI стст.: Хан Шыг-Ахмат // *Studia historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. – Минск, 2011. – Вып. 4. – С. 143.

Иваном Мамоновым беку (князю) Аппаку в 1515 г., говорится о Шейх-Ахмеди: «А что наш недруг Шиг Ахмет у нашего же недруга у литовского в руках, и мы (Москва. – Б. Р.) ся того довели до полно, сколько к нему брат наш Магмед Кирей царь о нем не приказывай, а ему Шиг Ахметя царя ни брату нашему Магмед Кирею царю не отдати, ни у себя ему конца никакова не учинити. И похочет брат наш Магмед Кирей царь достати своего недруга Шиг Ахметя царя, и он станет с нами свое и наше дело делати с нашим недругом с литовским. И мы чаем, что Шиг Ахметя царя у своего недруга у литовского достанем (выделено мной. – Б. Р.)»¹⁴⁶.

Когда весной 1527 г. престарелый Шейх-Ахмед был выпущен из заключения, возвращение хана на Волгу вызвало большой резонанс в Крыму. Сам хан Саадет-Гирей б. Менгли-Гирей так описывал события, связанные с его отпуском в Степь: «А ты (польский король Сигизмунд (1506–1548 гг.). – Б. Р.), брат наш, з Нагаицы хотячы с одного быти, мене, брата своего за ништо себе видячы (курсив мой. – Б. Р.), и теж хотячы заволского царя Шыгахмата выпустити, нам непрязнь чынячи, нагаискому послу на имя Смендияру в руки подавши, непрятелем нашим Нагаицом хотячы его царем усадити, и мы тое вслысавшы, мовили есьмо: «от правды корол нам непрятелем (выделено мной. – Б. Р.)». Ино мы для того у другое послали з войском своим великим брата своего меньшого Сап Кирей Солтана, панство твое воевати»¹⁴⁷.

В 1528 г. в памяти московскому гонцу в Крым казаку Байкулу говорилось: «А вспросят про Шиг-Ахметя царя, кто бывал ли, и им молвити: «человек, господине, есть у государя нашего от Шиг-Ахметя царя». И слушати, что в Крыме молва про Ши-Ахметя царя, где он ныне, и боят ли от него в Крыме на себя прихода, и кого с ним людей чают на Крым, и о какове поры, и что их мысль, как против его стояти хотят»¹⁴⁸.

В крымских грамотах, отправленных в Москву в апреле 1528 г., отпуск хана из Великого княжества Литовского – одна из основных тем. Жена крымского хана Саадет-Гирейя Ширинбек (т. е. ширинская княжна) в грамоте, датированной февралём 1528 г., писала: «А недруг наш корол Ши-Ахметя царя выпустил нам да и тебе недружбу чинити»¹⁴⁹. Сын Саадет-Гирейя султан Бучка-Гирей повторял информацию: «Корол недруг наш, что Шиахметя царя выпустил...»¹⁵⁰. Даже в 1529–1530 гг., уже после смерти хана (о чём в Москве ещё не было известно), московскому послу в Великом княжестве Литовском необходимо было «пытати... что слух про Шых-Ахметя царя, кто от него у короля бывал ли?»¹⁵¹.

Как видим, само имя большеордынского правителя порождало обеспокоенность у крымских ханов, так же как и у Москвы вызывало опасения возрождение представителей рода Кучук-Мухаммеда в коалиции с какими-либо другими кочевниками. И неспроста: по некоторым сведениям, Шейх-Ахмед в 1527–1528 гг. являлся астраханским ханом¹⁵².

Шейх-Ахмед вполне мог бы в период между 1502 г. (разгром Большой Орды) и 1504 г. (начало литовского плена хана), уговорив Ногайскую Орду, разгромить Крым и «взять Орду» его отца, Ахмеда, в свои руки вновь. Ногайская Орда, которая обладала едва ли не самой большой конницей (и, соответственно, военной силой в целом) среди позднезолотоордынских государств, являлась на тот момент главным фактическим «вершителем судеб» Степи, и от того,

¹⁴⁶ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 216.

¹⁴⁷ «Ярлык присяжный» (1527 г.), посланный крымским ханом Саадет-Гиреем б. Менгли-Гиреем польскому королю Сигизмунду // Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. – P. 667.

¹⁴⁸ РГАДА. – Ф. 123. – Оп. 1. – Ед. хр. 6. – Л. 163. Цит. по: Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI в.). – М., 2004. – С. 112.

¹⁴⁹ РГАДА. – Ф. 123. – Оп. 1. – Ед. хр. 6. – Л. 173–173 об. Цит. по: Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI в.). – М., 2004. – С. 112.

¹⁵⁰ РГАДА. – Ф. 123. – Оп. 1. – Ед. хр. 6. – Л. 174 об. – 175. Цит. по: Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI в.). – М., 2004. – С. 112.

¹⁵¹ Сборник РИО. – СПб., 1882. – Т. 35. – С. 807.

¹⁵² Зайцев И. В. Астраханское ханство. – М., 2004. – С. 107, 108.

на чьей стороне окажутся её лидеры, зависело очень многое, если не всё, в позднезолотоордынской политике.

Дополнительным аргументом в пользу того, что такой вариант событий мог быть реализован, служит и то, что в подданстве крымского хана находилось много бывших улусов Шейх-Ахмеда, перешедших под крымское управление во времена политического кризиса Большой Орды начала XV в.; при изменении условий они могли вновь перейти к своему бывшему патрону. Ногаям же Шейх-Ахмед был нужен как хан, при котором ногайский бий (предводитель) становился легитимным беклербеком (второе лицо после хана, главный военачальник) при своём правителе. При этом, если личность хана как политика имела крупный масштаб (что смело можно сказать про Шейх-Ахмеда), он мог влиять на ногайских лидеров. Данный вариант (разгром Крыма и восстановление Улуса Джучи под верховенством ордынской династии) мог быть реализован и после освобождения Шейх-Ахмеда из литовского почётного пленения в 1527 г., учитывая династическую нестабильность в Крымском ханстве в этот период, хотя это уже менее вероятно.

Как видим, Москва заигрывала с весьма масштабным и неоднозначным политиком той эпохи, надеясь, в случае принятия Шейх-Ахмедом предложения великого князя об «опочиве», в дальнейшем (после его отъезда обратно в Степь) воздействовать через него на события в татарском мире. Однако не исключено, что при положительном (для ордынского хана) развитии событий он мог бы «забыть» все «заботы» о нём московского правителя, и усилия Москвы могли бы окончиться ничем. Здесь важно отметить то обстоятельство, что Москва вела себя как бывший данник, коварно вынашивающий планы фатальной мести своим прежним «начальникам»; она пыталась использовать все возможные способы своего «внедрения» в степную политику, даже самые маловероятные, не боясь провала.

Неизвестно, как сами татарские династии воспринимали предложения московского правителя и его самого как потенциального партнёра. Если такие политические фигуры, как последний хан «Престольного владения» Шейх-Ахмед, видимо, не рассматривали московского великого князя и его «русский улус» как приемлемое для себя место, то фигуры «помельче» – те, кто правил в Тахт Иле недолго или как соправитель (и, видимо, прочно не ассоциировал себя с этим тронном), не исключали выездов к столь «гостеприимному» соседу: хан Саид-Ахмед и его беклербек Хаджике просились к великому князю «на постой». Думаю, общее восприятие татарской элитой московского правителя можно свести к образу временного тактического союзника, которого в случае своего успеха можно не принимать более в расчёт.

Как уже говорилось, весной 1502 г. сильно ослабевшая Большая Орда была полностью разгромлена крымскими войсками во главе с Менгли-Гиреем. В крымском послании в Москву от имени хана Менгли-Гирея было сказано: «Слава Богу, Ших-Ахметя, недруга нашего, розогонив, орду его и все его улусы Бог в наши руки дал»¹⁵³. После присоединения улусов Большой Орды Крымское ханство резко усилилось, а хан Менгли-Гирей начал именоваться «Великие Орды великим царём».

Ликвидация Большой Орды в 1502–1504 гг. (иногда этот процесс растягивают до 1515 г.), переход её регалий и функций в позднезолотоордынском пространстве к Крымскому ханству, усиление Московии привели к серьёзному изменению конфигурации политических союзов в Степи. Если в XV – начале XVI в. фактор борьбы с Большой Ордой был решающим для других наследников Улуса Джучи (включая и Москву), то начиная со времени её гибели на первое место вышло соперничество Крымского ханства с Московским государством за обладание всем золотоордынским наследством. Другие татарские государства, за исключением территориально отдалённого и относительно малонаселённого Сибирского ханства, оказались вовле-

¹⁵³ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 420.

чёнными то с одной, то с другой стороны в это противоборство, длившееся с 1520 г. до русского захвата Поволжья¹⁵⁴.

Методы и тактики, используемые Москвой в этом противостоянии, были не только военными, но и дипломатическими. Им и посвящён нижеследующий текст.

В 1516 г. в Крыму началась междоусобная война. Против действующего хана Мухаммед-Гирея б. Менгли-Гирея выступил его родной брат Ахмед¹⁵⁵. Будучи, как и Мухаммед-Гирей, сыном Менгли-Гирея, Ахмед являлся калгой – наследником крымского престола. Отношения между братьями были несколько натянутыми, и Ахмед держался в стороне от двора хана. Для Москвы, по-видимому, сложившаяся ситуация служила сигналом к действиям.

Кем был Ахмед? К его личности стоит присмотреться повнимательнее. Думаю, крымского султана Ахмеда вполне можно отнести к тем, кто мог бы стать во главе Крыма, и в дальнейшем, при реализации данного варианта, играть значительную роль в позднезолотордынской политике в целом и во взаимоотношениях с Москвой в частности. Его амбиции, вполне отчётливо прослеживаемые по источникам, служат тому доказательством.

Сделаю небольшое источниковое отступление. Думаю, особого доверия среди дипломатических документов заслуживают донесения русских послов о состоянии дел в Крыму (а не грамоты крымских вельмож, к примеру – они вполне могли приукрашивать события и просто дезинформировать противоположную сторону, т. е. Москву) – их задачей, гарантом качественного исполнения которой служила жизнь посла, было сообщение адекватной, наиболее приближённой к реалиям информации своему государю. В случае же предоставления недостоверной информации послов попросту могли «на кол всадить» у себя же на родине. Прodelать же подобное с крымской стороной (ханом, его князьями и т. д.) Москве не представлялось возможным (хотя желание, я думаю, было большое).

Занимавший пост калги при своём брате-хане Мухаммед-Гирее I (1515–1523 гг.), Ахмед, судя по всему, трезво смотрел на политику и личность брата. Тот же крепко дружил с алко-голем: дипломатические документы не оставляют в этом никакого сомнения. Данные об этом содержатся не только в речах крымских официальных лиц, но и в отчётах русских вельмож своим патронам. Неудивительно, что при таком отношении к своей миссии правителя Мухаммед-Гирей периодически заводил дела ханства в тупик: «ты своею мыслью не умеешь» делать дела, упрекал Ахмед хана¹⁵⁶. А эти дела, судя по данным тех же источников, действительно часто нуждались в корректировке.

Периодическое пьянство с «любимыми женами»¹⁵⁷ и не только с ними, состояние аффекта на следующий день и, соответственно, невозможность принимать адекватные решения приводили к тому, что, как сетовал Ахмед русскому представителю, «нынеца брат наш (Мухаммед-Гирей I. – Б. Р.) царь, а сын у него царь же, а князи у него цари же, водят им куды хотят (курсив мой. – Б. Р.)», т. е. хан не имеет своего мнения и слушает и сына – султана Бахадур-Гирея, и своих карачи-беков (князей), и, видимо, других представителей политической элиты ханства. Судя по всему, Ахмед в определённый момент решил взять бразды правления в свои руки, рассудив, что нынешний хан к делам управления не способен. Он стал предпринимать усилия в этом направлении.

Ахмед покинул Крымский полуостров и удалился в свой юрт на Нижнем Днепре у крепости Ак-Чакум (Очаков). Калга решил самостоятельно заняться внешней политикой – поискать себе союзников за пределами Крыма (он ссылаясь с «волошским» правителем, который

¹⁵⁴ Исхаков Д. М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. – Казань, 2009. – С. 123.

¹⁵⁵ Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI в. – М., 2001. – С. 179.

¹⁵⁶ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 365.

¹⁵⁷ См.: Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 364.

был «со царем не в миру»¹⁵⁸), в том числе и в Москве. Он послал своего старшего сына Геммета воевать с Литвой, несмотря на мир между ней и Крымом.

При этом он говорил Василию III о своей «дружбе» и «братстве», давая рекомендации, как действовать в случае радикального ухудшения отношений с ханом: в числе прочего Ахмед рекомендовал послу от имени Василия сказать хану, что в крайнем случае «яз (Василий III. – Б. Р.) себе друзей поищу в Нагаех и в Азторокани»¹⁵⁹. Русский посол при этом отметил: «а то, государь, Ахмат молвил имянно Ногаи и Азтороканью», демонстрируя прекрасное владение нюансами татарской позднезолотордынской политики – Ногайская Орда и Астраханское ханство были на тот момент главными противниками Крыма.

Калга строил далеко идущие планы совместного с Василием завоевания Киева, Вильно и Трок: в «грамоте потаеной (тайной. – Б. Р.)» Ахмед писал Василию: «Пошли свою рать, чтоб взяли Киев... а сее бы зимы Киев взяв, ты да мне брату своему дал, ино бы в нем яз (Ахмед. – Б. Р.) сидел; а после того Вилну и Троки, королевской стол, яз взяв да тебе дам»¹⁶⁰.

В определённый момент калга Ахмед вышел на первые роли в плане контактов с Московским правителем – традиционный «друг» Москвы князь Аппак высказывал свою озабоченность, жаловался московскому представителю: «без моего ведома хитро есте учинили со царевичем с Ахматом, послали к великому князю весть»¹⁶¹. Причём Ахмед был уверен в своей политической и военной мощи – он заявлял московскому послу, что «без меня царю ничего не учинити», «царя яз ся не блюду, не мочи ему мне ничего учинити», в случае обострения отношений с братом он станет создавать военные проблемы польскому королю – «другу» хана, «поемлет» города у Черкасов, в случае проволочек с отправкой московского посла на Русь он лично обеспечит его беспрепятственный проезд до границ Московии¹⁶². В числе прочего Ахмед просил у Василия какой-либо городок «на своей украине от Новагородка от Северского, где бы мне (Ахмеду. – Б. Р.) стояти, а оттоле бы мне Литовская земля воевати», указывая на подобный литовский опыт: «коли король наводил меня на великого князя украину, и король дал мне место в своей земле на украине, ино мне как князь великий велит?», – спрашивал султан московского посланника¹⁶³.

Чтобы продемонстрировать свою приверженность великому князю, Ахмед предлагал Василию взять в аманаты (заложники) своего младшего сына, чего прежде никогда не бывало в отношениях между Москвой и Крымом (т. к. ранее, во времена единого Улуса Джучи, как раз русские правители, как вассалы хана, отправляли своих сыновей в залог «дружественно»-зависимых отношений в Орду). Ахмед привёл младшего из своих сыновей к посланнику великого князя в Крыму и спросил мальчика: «Чей ты сын?» Юный султан отвечал: «Яз великого князя сын»¹⁶⁴. Этим сыном Ахмеда, видимо, был Юсуф. И другие сыновья Ахмеда были не прочь назваться «сыновьями» Василия III, когда того требовали обстоятельства – например, Бучкак б. Ахмед¹⁶⁵.

Однако Василий, судя по всему, не особо верил султану – московский посланец писал своему патрону: «...что, государь, говорит Ахмат слова о твоём государском жалованье, как

¹⁵⁸ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 293.

¹⁵⁹ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 366.

¹⁶⁰ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 394.

¹⁶¹ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 373.

¹⁶² Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 366.

¹⁶³ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 368.

¹⁶⁴ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 368.

¹⁶⁵ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 397.

тебе хочет служить, нам ся кажат, что лутче бы ему того нелзе быти, а сердце, государь, кому ведати?»¹⁶⁶.

Для неверия в «дружбу» Ахмеда у московского правителя были веские доказательства – к примеру, ещё в 1509 г. Ахмед, в числе других крымских вельмож, «силу учинили... боярину Костянтину Заболотцкому», московскому послу в Крыму¹⁶⁷. Чуть позже, перед смертью хана Менгли-Гирея, Ахмед приходил на «украинные (приграничные. – Б. Р.) места» великого князя, причём, по русским летописям, его людей «побили», но сам он «в малых людех утек (убежал. – Б. Р.)»¹⁶⁸.

Уже во времена «дружбы» с Василием III, в 1517 г., после смерти в Крыму русского посла Ивана Мамонова калга «взял с Иванова двора силою аргмак сер; а Иван тот аргмак купил на великого князя имя (выделено мной. – Б. Р.), дали на нем в Кафе сто и тритцать рублей (сумма немалая. – Б. Р.). Да того же дни царевич Ахмат посылал в Иваново стадо коней смотрити, да взял из Иванова стада Ивановых коней конь да мерин»¹⁶⁹. С татарской точки зрения, Ахмед не совершал ничего противоправного – как он сам заявил заменявшему посла Мите Иванову по поводу последнего случая с лошадьми, «...наша пошлина Иванов живот (имущество. – Б. Р.) пересмотрити и запечатати... а мне взяти своя пошлина кумартка»¹⁷⁰.

Другое дело, что Москва не особо вдавалась в нюансы татарских традиций налогообложения, видимо, считая, что к этому времени (начало XVI в.) она уже не является холопом ордынского (т. е. в этот период – крымского) хана, и, соответственно, не является «субъектом права» татарского мира, и не должна ничего платить, рассматривая подобные ситуации как чистый грабёж.

Татарская же сторона традиционно воспринимала московского князя как своего «холопа» (употребляя данный термин по отношению к московскому правителю в письмах польскому королю, но не в переписке с Москвой), обязанного ей данью: к примеру, в «ярлыке присяжном», посланным крымским ханом Саадет-Гиреем б. Менгли-Гиреем польскому королю Сигизмунду (1506–1548 гг.) от 1527 г., «князь Иван московский» называется «ваших (польских королей. – Б. Р.) и наших (крымских ханов. – Б. Р.) предков холоп, и теж непрятель наш и ваш, с поколенья смердии сын ест»¹⁷¹. Здесь, скорее всего, для дополнительного колорита крымский хан «сгустил краски», назвав московского князя не только «холопом» крымских ханов, что формально соответствовало реалиям указанного времени, но и польских королей, подтверждения чему в других источниках не имеется.

Здесь мы наблюдаем традиционный конфликт политических культур переходного периода, когда московского правителя уже не устраивали даннические отношения ордынского прошлого и он начинает претендовать на равные роли с татарскими ханами, но пока не осмеливается открыто заявить об этом, постепенно накапливая военную мощь, а татарская сторона всё ещё и фактически, и в рамках традиций, восходящих к завоеванию Бату русских княжеств в 1237–1241 гг., занимает вышестоящие позиции.

Калга «дружил» с Василием, чтобы тот поддержал его в борьбе с ханом. Ахмед явно вёл свою политическую игру, видимо, рассматривая московского правителя только как тактического временного союзника. Вскоре калга помирился с ханом – правда, ненадолго¹⁷². Ахмед пытался выстраивать отношения и с османским султаном, пытаясь играть против брата. В начале 1519 г. Ахмед отправил в Османскую империю своего сына Геммета за военной помо-

¹⁶⁶ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 368.

¹⁶⁷ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 56–57.

¹⁶⁸ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 108.

¹⁶⁹ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 370.

¹⁷⁰ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 370.

¹⁷¹ Опубликован в книге: Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. – P. 665–669.

¹⁷² Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 513.

щью против хана¹⁷³. Видимо, калга рассчитывал свергнуть брата с помощью янычар и занять ханский трон¹⁷⁴.

При этом калга Ахмед был трезвым политиком и рассматривал, судя по всему, в числе прочих и ситуацию, когда все его далеко идущие планы терпят полный крах. Видимо, чтобы подготовить «тылы» для такого случая, уже к 1515 г. он стал рассматривать возможность своего переезда в Московию. Посольская речь к султану от 1515 г. содержит некоторые подробности переписки с Москвой: «Да и грамота бы нам (Москве. – Б. Р.) тебе своя опасная на то дати¹⁷⁵, что тебе и твоим детем и всем твоим людем, которые с тобою придут, приехати к нам доброволно без всякие зацепки.

...а сын твой и все твои люди, которые с тобою к нам приедут, и мы их пожалуем. А приехати тебе к нам и твоему сыну и всем твоим людем и отъехати от нас доброволно без всякие зацепки, а лиха бы еси от нас не блюл никоторого»¹⁷⁶.

Как видим, Ахмед традиционно для этого периода собирался выезжать «частью орды» – с достаточным количеством своих людей. Калге обещали свободный отъезд из Москвы в случае его желания.

К 1517 г. Ахмед уже явно довёл свои мысли о переезде до московского посла в Крыму: «Да часто, государь, говорит со мною царевич Ахмат: «Как вы, государи великие князи, держите у себя царей и царевичев на Мещерском городке (в Касимовском ханстве. – Б. Р.)»¹⁷⁷.

Заметим, запросы Ахмеда были не ниже Касимовского ханства – менее значимые московские юрты его не интересовали. Ахмед написал Василию письмо, в котором указал, что хочет уехать в Московию, но прежде он желает услышать заверения последнего в том, что получит именно Мещерский Городок¹⁷⁸. Василий согласился: «Толко будет тебе там немочно быти, и ты б к нам поехал, и мы тебе городок Мещеру дадим»¹⁷⁹.

В этом же письме Василий III сообщал, что хан Мухаммед-Гирей намеревался «зарезервировать» Мещерский Городок для одного из своих сыновей. Однако великий князь заверял калгу в том, что в случае его приезда в Московское государство Мещеру получит он.

Собираясь уехать в Москву, Ахмед учитывал, что большая часть его окружения оставит его, и писал о своём приезде только с теми, которые его «похотят»¹⁸⁰. Видимо, в Московию приезжала только меньшая часть окружения Джучидов. Большинство его людей – уланов, князей, мирз и другие – оставались на своей родине. Возможно, московские юрты попросту не смогли бы принять всех людей татарских династов, пожелай они все выехать вслед за своим сюзереном.

Согласно детальным инструкциям русским переговорщикам в Крыму¹⁸¹, Москва была уверена, что союз с ханом, столь нужный Василию в это время, был бы невозможен, узнай крымская сторона о переговорах с Ахмедом. В то же время русские понимали, что позиции Ахмеда в Крыму весьма шаткие, и не исключено, что он будет вынужден бежать в Москву в любую минуту, спасая свою жизнь. Но если это произойдёт до подписания договора с Крым-

¹⁷³ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 607.

¹⁷⁴ Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. 1: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. – Киев-Бахчисарай, 2007. – С. 128.

¹⁷⁵ В 1518 г. «опасная грамота» Ахмеду была дана (Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 600–601).

¹⁷⁶ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 212.

¹⁷⁷ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 368.

¹⁷⁸ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 419.

¹⁷⁹ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 419.

¹⁸⁰ Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Учёные записки Моск. гос. ун-та. – Вып. 61: История. – 1940. – Т. 2. – С. 48.

¹⁸¹ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 557–559, 568–571.

ским ханством (а именно на это были направлены основные усилия Москвы в это время), это могло бы означать серьёзный откат назад в переговорном процессе.

В итоге всё окончилось трагически, хотя и достаточно обычно для Средневековья: в обстановке секретности султан Ахмед был убит зимой 1518/1519 г. другим Гиреем – султаном Алп-Гиреем б. Мухаммед-Гиреем. Опасаясь за свои жизни, сыновья Ахмеда бежали в Стамбул¹⁸².

Двойная игра Москвы увенчалась для неё успехом – договор с Крымом был заключён, но был потерян потенциальный союзник – султан Ахмед, для которого эта игра закончилась фатально. В случае же его отъезда в Московское государство, вариант которого рассматривал как сам Ахмед, так и Василий, последний приобретал бы эффективное средство давления на политику Крымского ханства, каковым когда-то являлся для Ивана III Нур-Даулет. Учитывая как амбиции Ахмеда, рассмотренные выше, так и его фактическое положение и политику в Крыму, это средство могло оказаться весьма эффективным.

История султана Ахмеда переходит в историю его сына – султана Геммета б. Ахмеда. После смерти отца Геммет находился в Османской империи. Причём османский султан «жаловал» его и Саадет-Гирея б. Менгли-Гирея¹⁸³. Через два года мы видим Геммета и Саадет-Гирея во главе экспедиции к Белгороду и Добричу¹⁸⁴. Хан Мухаммед-Гирей хотел связаться с султанами и отправил к ним посла с грамотами, но напрасно. Султаны разорвали грамоты хана: «не надобет нам твой посол, ни твои грамоты». Василий III при этом получил грамоты от прикнувшего к Геммету князя Бурнаша и от слуг царевича Адар-Газы и Алакума. «Государю нашему Гемметь салтану Бог счасток даст, в Перекопи государем будет», – писал Бурнаш и слуги царевича. Таковы были надежды. А в случае неудачи, прибавлял князь Бурнаш, «опричь нам твоей земли инде места не искати»¹⁸⁵.

Московские послы в течение последующих нескольких лет прилагали неоднократные усилия, пытаясь выйти на контакт с сыновьями Ахмеда, в надежде убедить их приехать в Московское государство¹⁸⁶. Василий III ещё в 1519 г. поручил ехавшему в Кафу послу Голохвастову разузнать, где дети султана Ахмеда, и звать в Москву младших царевичей – Юсуфа и Бучкака и их аталыка (воспитателя). Московский правитель поручил Голохвастову пригласить и Геммета.

В 1521 г. послу снова были поручены переговоры как с Саадет-Гиреем, так и с царевичем Гемметем; при этом Саадет-Гирея поручалось звать в Москву, только если он сам поднимет вопрос об этом, и обещать ему от имени великого князя Каширу (но не Мещерский городок; на этом «правду давати» послу не разрешалось). Геммета же, памятуя о дружбе Ахмеда и услугах самого Геммета, Василий поручал звать усиленно, говорить и с людьми царевича, чтобы и они уговаривали его ехать в Москву, и обещать ему и Мещеру, и Каширу. Если же Геммет спросит о Казани, следовало ответить: «а и Казани, господине, государь наш тебе не боронит же»¹⁸⁷. Обоим султанам обещался свободный отъезд из Московии в случае их желания – «без всякия зацепки». Тем не менее московские усилия ничем не окончились.

Москва приглашала тех лиц Крымского ханства, у которых в принципе могли возникать политические проблемы на родине; в их числе были и сами действовавшие ханы. Для них «на всякий случай» заготавливались резервные копии пригласительных документов, в случае если

¹⁸² Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 631.

¹⁸³ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 670.

¹⁸⁴ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 678.

¹⁸⁵ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 619, 674, 678.

¹⁸⁶ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 624–628, 670, 690–694.

¹⁸⁷ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 624–626, 691–694, 705.

они сами «похотят» занять их¹⁸⁸. Москва использовала все средства для внедрения в степную политику, невзирая на лица и статусы.

И позже Москва неоднократно пыталась переманивать к себе именно высшую прослойку элиты Крымского ханства – ближайшее окружение и прямых родственников хана, да и самих ханов. Для нас представляет интерес один из сыновей хана Мухаммед-Гирей I – Ислам-Гирей б. Мухаммед-Гирей. В 1520-х гг. вопрос наследования крымского престола оставался весьма болезненным. В этой борьбе активно участвовал Ислам-Гирей. В течение 1520-х гг., а также в начале 1530-х гг. он неоднократно выезжал в степные просторы Степи. Здесь он выходил на контакт с московскими официальными лицами, которые оказывали ему услуги, например, когда он прибывал в «Самару»¹⁸⁹. Между султаном и великим князем были установлены политические отношения, причём отношения схемы «отец-сын»¹⁹⁰ («сыном» был Ислам-Гирей, а «отцом» – Василий)¹⁹¹.

В начале октября 1524 г. крымский хан Саадет-Гирей б. Менгли-Гирей задумал устранить своего конкурента за ханский трон Ислам-Гирей. Предупреждённый о замысле хана Ислам-Гирей бежит «на поле». Вскоре крымские «улары, мырзы и князья», ведомые родом Ширин, объявили его ханом¹⁹². Однако после вступления в игру Сахиб-Гирей б. Менгли-Гирей ситуация изменилась: Ислам-Гирей вновь был вынужден удалиться «на поле»¹⁹³. В дальнейшем он ещё не раз выезжал из Крыма (март 1528 г.)¹⁹⁴.

Примерно в 1530 г. (февраль-июнь) Василий приглашал Ислам-Гирей в Русь¹⁹⁵. Никоновская летопись сохранила известие о переговорах между Ислам-Гиреем и Василием III в 1531–1533 гг., в которых речь шла об установлении вассальных (зависимых) отношений Ислам-Гирей к Василию: «Князь бы великий пожаловал, учинил его себе сыном, а Ислам бы великого князя назвал себе отцем, и нечто какова невзгода будет, и великий бы государь пожаловал, дал в своей земли место (выделено мной. – Б. Р.), а он неотступен хочет быти от великого князя и до своего живота»¹⁹⁶.

Хотя переговоры закончились дачей Ислам-Гиреем шертной грамоты, но, по-видимому, практического значения она не имела. В 1531 (не позднее мая) – 1532 (не позднее января) гг. хан Ислам-Гирей правил в Астрахани¹⁹⁷.

Примерно в апреле 1532 г. в Москву прибыл посланник Ислам-Гирей Кудояр с сообщением, что «ис Крыма сам идёт Кирей царь (Ислам-Гирей. – Б. Р.), и крымские люди выслали его, и он ходит на поле за Доном, и князь бы великий пожаловал, учинил его себе сыном» и «дал в своей земле место». Василий III сразу же принял это предложение и отправил к Ислам-Гирею князя М. И. Кубенского. Тот и привёл Ислам-Гирей к присяге¹⁹⁸. Василий III «...сыном его назвал»: из-за астраханской неудачи Ислам вынужден был искать защиты в Москве¹⁹⁹.

Переговоры с Ислам-Гиреем вызвали неудовольствие в Крыму. В мае Василий получил сообщение от Ислама, что «крымский царь... хочет идти на великого князя украину». Раз-

¹⁸⁸ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 220.

¹⁸⁹ РГАДА. – Ф. 123. – Оп. 1. – Кн. 6. – Л. 149.

¹⁹⁰ РГАДА. – Ф. 123. – Оп. 1. – Кн. 7. – Л. 2.

¹⁹¹ РГАДА. – Ф. 123. – Оп. 1. – Кн. 7. – Л. 3об.

¹⁹² Зайцев И. В. Астраханское ханство. – М., 2004. – С. 105.

¹⁹³ Зайцев И. В. Астраханское ханство. – М., 2004. – С. 105.

¹⁹⁴ Зайцев И. В. Астраханское ханство. – М., 2004. – С. 106.

¹⁹⁵ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: очерки политической истории России первой трети XVI в. – М., 1972. – С. 370.

¹⁹⁶ ПСРЛ. – СПб., 1904. – Т. 13 (1 пол.). – С. 60–61.

¹⁹⁷ Зайцев И. В. Астраханское ханство. – М., 2004. – С. 114, 249.

¹⁹⁸ ПСРЛ. – СПб., 1859. – Т. 8. – С. 278–279; СПб., 1904. – Т. 13 (1 пол.). – С. 60–61, 70.

¹⁹⁹ Зайцев И. В. Астраханское ханство. – М., 2004. – С. 114.

гневанный крымский хан Саадет-Гирей потребовал вернуть своих послов, находившихся при дворе великого князя, и разорвал всякие отношения с Василием²⁰⁰. Вскоре Саадет-Гирей вновь потерял престол и ханом провозгласили Ислам-Гирея. Это же подтвердил и присланный самим Исламом его «человек»²⁰¹.

Итак в конце концов Ислам-Гирею удалось захватить власть в Крыму. Это произошло в 1532 г. Узнав об этом, Василий послал своему бывшему протезе письмо с поздравлениями, в котором называл его «братом и сыном»: «Великие Орды великому царю брату и сыну нашему Ислам-Гирею царю»²⁰². Естественно, в Москве приветствовали избрание ханом лица, которое формально признало себя подчинённым великого князя. Однако вскоре (примерно в конце 1532 – начале 1533 г.; в январе 1533 г. ханом был уже Сахиб-Гирей) Ислам-Гирей уступает престол Сахиб-Гирею, а сам становится калгой (в Крыму наследник престола, второе лицо после хана) при хане²⁰³.

Отношение Ислам-Гирея к Василию изменилось: 14 августа 1533 г. вернувшийся в Москву из Крыма Небольса Кобяков сообщил, что он встретил на пути султанов Сафа-Гирея и Ислам-Гирея, направлявшихся с большим войском к Рязани²⁰⁴. У Ислам-Гирея, по слухам, было 40 тысяч «крымских людей». При этом Ислам прислал вест, что идёт на Русь «неволею»: «Идет на тебя (Василия III. – Б. Р.) крымской царь да казаньской, и яз-деи неволею иду, царь меня послал турской, а отдал мне вотчину мою да 2 града придал мне свои. Иду яз, а тебе дружу»²⁰⁵.

Последняя фраза, на мой взгляд, весьма колоритно характеризует саму суть позднесолотоордынско-московских связей: да, «дружу», но «иду» (войною), при этом – я – «друг и брат», или «сын», как удобнее.

Характерно, что ногаи – представители Ногайской Орды – называли Ислам-Гирея в своей переписке с Василием более приближённо к политическим реалиям: «и твой (Василия. – Б. Р.) и наш недруг»²⁰⁶.

15 августа Ислам-Гирей выжиг рязанские посады, но, узнав о выступлении великого князя, предпочёл 18 августа повернуть назад. За ним была выслана погоня, переправившаяся через Оку, однако с основными силами Ислама она так и не встретилась.

Ислам-Гирей был убит летом 1537 г. беклербеком («князем») из рода Мангыт Баки б. Хасаном б. Мансуром б. Тимуром²⁰⁷.

Как мы можем видеть из примера взаимоотношений с Ислам-Гиреем б. Мухаммед-Гиреем, опять-таки Москва пытается заманить к себе политических «тяжеловесов». Сын хана Мухаммед-Гирея, правивший в важнейших позднесолотоордынских юртах – Крыму и Астрахани (хотя и непродолжительное время), он мог быть очень полезным московскому правителю в политических играх с Крымским и Астраханским ханствами. Такому человеку Москве не жалко было обещать «место» на своей земле. Однако в данном конкретном случае приглашение не было реализовано.

²⁰⁰ ПСРЛ. – СПб., 1853. – Т. 6. – С. 265–266; СПб., 1904. – Т. 13 (1 пол.). – С. 62, 64–65; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: очерки политической истории России первой трети XVI в. – М., 1972. – С. 380.

²⁰¹ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: очерки политической истории России первой трети XVI в. – М., 1972. – С. 380.

²⁰² РГАДА. – Ф. 123. – Оп. 1. – Кн. 7. – Л. 2.

²⁰³ Зайцев И. В. Астраханское ханство. – М., 2004. – С. 106.

²⁰⁴ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: очерки политической истории России первой трети XVI в. – М., 1972. – С. 388.

²⁰⁵ ПСРЛ. – СПб., 1904. – Т. 13 (1 пол.). – С. 70; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: очерки политической истории России первой трети XVI в. – М., 1972. – С. 388.

²⁰⁶ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – Махачкала, 1995. – С. 210.

²⁰⁷ Зайцев И. В. Астраханское ханство. – М., 2004. – С. 123; Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. – М., 2001. – С. 226–227.

Как к такого рода предложениям относились сами участвовавшие в процессе стороны? Видимо, каждая старалась использовать другую, не особо заботясь о выполнении договорённостей, при удобном случае просто «забывая» о них. Единственный нюанс – Москва, пока ещё более слабое звено в московско-позднелотоордынском тандеме, опасалась откровенно нарушать свои обязательства перед татарской элитой; ордынцы же не особо заботились об этом, видимо, воспринимая свою роль в этих связях как роль сюзеренов (по происхождению), временно оказавшихся в затруднительном положении.

С их точки зрения, в таком положении не грешно было обратиться за помощью и к правителю «русского улуса», покорённого когда-то их предком Бату (о чём они никогда не забывали). Когда же ситуация менялась в их пользу, зачастую они «забывали» озвученные обязательства и поступали так, как им удобнее: сразу после избрания Ислам-Гирея ханом он прислал в Москву грамоту с «непригожими словами». Когда же у него были проблемы в Степи, он «нам (Москве. – Б. Р.) перед князем Михаилом правду учинил, что тебе (Ислам-Гирею. – Б. Р.) нас (Василия III. – Б. Р.) держати себе отцом, а нам тебя себе сыном держати, а лихих речей тогда некоторых не было (выделено мной. – Б. Р.)»²⁰⁸. Поступки, имеющие в своей основе мотивацию силой, есть норма для политики – как для современной, так и для политики XV–XVI вв.

Характерно, что после кардинального изменения политических конфигураций позднелотоордынского мира, вызванных московским захватом Казани и Астрахани в середине XVI в., и неудачного опыта с выездом Мурад-Гирея б. Мухаммед-Гирея II²⁰⁹, высшие официальные лица Крымского ханства более не воспринимали Москву как место для «опочива». В начале 1591 г. на вопрос Москвы, куда, в случае смещения его с престола Портой, отправится крымский хан Гази-Гирей II, «к турецкому или к московскому», крымский представитель в Москве раздражённо ответил, что, естественно, «к турецкому»²¹⁰. Это неудивительно – Крым и Москва после событий 1552 и 1556 гг. стали уже не «заключёнными друзьями», как в 1-й половине XVI в., но откровенно злейшими врагами.

Хотя в книге рассматривается роль Москвы в позднелотоордынских отношениях («Московская Русь и татарские ханства»), а не наоборот, я намеренно поставил Большую Орду («Престольное владение») и Крымское ханство в названии главы на первое место. Исходя из поведения даже не самых удачливых игроков, представлявших эти государства, в их контактах с Москвой, можно сделать вывод о том, что время доминирования Орды в её современных (Большая Орда и Крым) реинкарнациях ещё не прошло. Именно татарская сторона в это время являлась превосходящей как в плане политического статуса, так и в плане военной мощи. Зачастую её представители сами являлись инициаторами в вопросах потенциального переезда в Москву, именно они, скорее всего, в немалой степени определяли и условия, на которых они согласны выезжать в «русский улус». И именно благодаря их воле и желаниям очень часто эти выезды так и оставались только нереализованной возможностью.

²⁰⁸ Грамота Василия III крымскому хану Ислам-Гирею от 27 января 1533 г. // Martin R. E. Royal weddings and Crimean diplomacy: new sources on Muscovite chancellery practice during the reign of Vasili III // Harvard Ukrainian Studies. – 1995. – Vol. 19. – P. 412.

²⁰⁹ Мурад-Гирей б. Мухаммед-Гирей II, после того как в 1580-х гг. Москва пыталась использовать его в своих политических играх, умер в Московском государстве при неясных обстоятельствах.

²¹⁰ Виноградов А. В. Русско-крымские отношения в первые годы правления хана Гази-Гирея II (1588–1591 гг.) в контексте консолидации Крымского ханства по завершении династического кризиса Гиреев // Средневековые тюрко-татарские государства: сб. ст. – Казань, 2012. – Вып. 4. – С. 38.

Глава 3

Касимов, Казань, Астрахань и Сибирь во внешней политике Москвы

Постепенно происходили изменения в положении Москвы и татарского мира. Сам ход истории подготавливал их, двигаясь плавно и как будто ненамеренно, неявно. Как будто бы случайно было образовано Касимовское ханство; казалось бы, в традиционном для XIII–XIV вв. ключе развиваются отношения между Москвой и основными наследниками Улуса Джучи в XV в. В то же время некоторые маркеры стали показывать сдвиги в до того неизменно работавшей системе. Подстраиваясь под сложившуюся модель взаимоотношений с наследниками Золотой Орды, московская сторона стала вносить в неё свои коррективы. Решив использовать свои минусы в качестве плюсов, она сама стала приглашать татарскую аристократию для сотрудничества. Соответственно возникал вопрос, каким именно образом включить данный иноконфессиональный, иноэтничный элемент в структуру московского общества и государства. Подчинённая сторона нашла неординарный способ превратиться в доминирующую: она использовала против своих бывших сюзеренов их же методы и приёмы. Рассмотрим, как это происходило.

В 1471 г. московский великий князь Иван III готовился к походу на Новгород. Это предполагало достаточно длительное его отсутствие в столице. Поэтому он предпринял меры по укреплению её безопасности: «А на Москве оставил князь великий сына своего великого князя Ивана да брата своего князя Андрея Меншого»²¹¹. Кроме того, Иван отправил в Степь своего посланца, чтобы тот отыскал там султана Муртазу (скорее всего, он был из рода Улуг-Мухаммеда, а именно его внуком): «И того же лета князь великий, идя к Новгороду, послал в поле Микиту Беклемишова искати царевичя Муртозу, Мустофина сына, звати его к себе служить. Никита же, нашед его в поле, и перезва его к великому князю, поиде с ним к сыну великого князя на Москву...»²¹².

Итак, в 1471 г. «с поля» в Москву выехал султан Муртаза, сын султана Мустафы, убитого в битве на Листани в 1443 г. Причина выезда, судя по всему, кроется в борьбе за казанский престол конца 1460-х гг. Вероятно, к русским он попал из ногайских степей²¹³.

Союз, возникший между московским правителем и султаном-Джучидом, похоже, удовлетворил обе стороны – не позднее конца 1473 г. Муртаза вновь прибыл в Москву, и, как сообщают летописи, и он, и Иван III пришли к соглашению, что султан и его улус (улус – люди, данные во владение) обоснуются в Московии на постоянной основе. Местом дислокации был выбран «Новый Городок» (на Оке) и его окрестные территории²¹⁴. Скорее всего, этим «Новым городком» была Елатьма, входившая в состав территории Мещеры-Касимовского ханства²¹⁵.

Видимо, «Новый Городок» – Елатьма входила в состав Мещеры-Касимовского ханства на правах составного юрта-княжества, а его правитель Муртаза был в своеобразных вассальных отношениях с Данияром б. Касимом – вторым правителем Мещерского юрта²¹⁶. Косвен-

²¹¹ Иоасафовская летопись. – М., 1957. – С. 68.

²¹² Иоасафовская летопись. – М., 1957. – С. 73.

²¹³ Беляков А. В. Казанские Чингизиды в России XV–XVI вв. // Ислам в центрально-европейской части России: энциклопедический словарь. – М., 2009. – С. 115–116.

²¹⁴ ПСРЛ. – СПб., 1859. – Т. 8. – С. 178; Иоасафовская летопись. – М., 1957. – С. 86; Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 82, ссылка 38.

²¹⁵ Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. – Казань, 2009. – С. 66; Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам нового времени. – Казань, 1998. – С. 185.

²¹⁶ Про Данияра см.: Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. – Казань, 2009. – С. 111–118.

ным подтверждением данного предположения может служить тот факт, что Муртаза упоминается вместе с султаном Данияром как возможные претенденты для посылки на Большую Орду хана Ахмеда (при обсуждении этого вопроса крымским ханом Менгли-Гиреем с Иваном III) в 1475 г. – Муртаза назван после Данияра: «а коли мой недруг Ахмат царь пойдет на меня на Менли-Гирея царя, и тебе моему брату великому князю царевичев своих Данияра и Муртазу (выделено мной. – Б. Р.) на Орду отпускаю»²¹⁷. Муртаза не был «тяжеловесом» позднесолоторынской политики последней четверти XV в., т. к. никогда не правил ни в одном независимом татарском государстве, как, судя по всему, и его отец. Видимо, поэтому он без особых условий и претензий согласился на предложение московского правителя поселиться в Московии. Возможно, этой сговорчивости способствовали и персональные особенности его характера.

Источники не информируют нас, какова была мотивация султана – возможно, его подготавливали оппоненты из Степи; не исключено, что его влекли обещанные Иваном доходы с «Нового Городка». В любом случае неясно, чем был вызван его выбор на выезд – вынужденной необходимостью или предпочтениями более выгодных условий существования.

Приглашение Муртазы, его выезд и добровольное поселение его Москвой на своей территории стало одним из видимых знаков тех изменений, о которых я говорил. Знаменательно, что его «испоместили» именно на территории Мещеры, имевшей двойную юрисдикцию и фронтальное положение между Москвой и татарским миром (см. главу 4). Она являлась тем полигоном, на котором русские обкатывали новые методы работы с татарами: постепенно на своей территории Москва трансформировала свои неудачи в будущие успехи. Как далеко зайдёт эта трансформация, на тот момент не знала ни одна из сторон. Одним из звеньев этой трансформации стало использование московским правителем такого традиционного института позднесолоторынского татарского мира, как юрт.

«Новый Городок» царевича Муртазы стал ещё одним населённым пунктом в цепочке мест, которые Москва стала предоставлять выезжим знатым лицам. Действительно, если до 1490-х гг. представители династии Чингис-хана прибывали в Московское государство в поисках убежища, в надежде облегчить свою финансовую участь и жизнь своих людей, то к последнему десятилетию века мусульманские династии Степи стали воспринимать русскую территорию как источник материальных благ. Как в просьбах со стороны Степи, так и в приглашениях со стороны Москвы теперь речь стала вестись о территориальных пожалованиях, которые ожидали татарскую элиту по приезде в Московию²¹⁸.

Это не означает, что такие территориальные пожалования до указанного периода не встречаются в истории взаимоотношений Москвы и Степи. Юрт в Мещере (Касимовское ханство) получил Касим ещё в 1445 г., как «связанный» с татарами постоянно фигурирует Звенигород, местом дислокации для султана Муртазы в 1473 г. был выбран «Новый Городок» (Елатьма на Оке). Однако, по-видимому, до 1490-х гг. наделения татарской аристократии русскими городами не были системными – это были либо вынужденные меры со стороны Москвы (как в случае с Касимовом)²¹⁹, либо города, куда «назначались» татары, издавна были каким-либо образом интегрированы в сложную систему ордынской периферии. Важно то, что к 1490-м гг. как Москва, так и татарские государства уже осознанно стали воспринимать некоторые русские города как «точки взаимосвязи» Руси и Степи, как то, что одни намеренно предлагают как элемент «заманивания» к себе и как в некотором роде «способ оплаты» предоставляемых услуг, а другие – как трансформировавшуюся разновидность дани, которую им до сих пор должны выплачивать. К 1490-м гг. некоторые города стали предметом осознанного торга между Москвой и татарским миром, некоей «валютой» для средневекового мира Степи.

²¹⁷ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 12.

²¹⁸ Kennedy С. The Juchids of Muscovy. – L. 98.

²¹⁹ См. подробнее: Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. – Казань, 2009.

В дипломатических источниках эти выделяемые эмигрантам из Степи территории обычно обозначались двумя терминами: «юрт» (тат. «йорт») и «место» (тюрк. «орун», тат. «урын»). Обычно эти термины применялись для обозначения территорий, которыми владели в Степи члены элиты монгольского мира, прежде всего Джучиды. Традиционно обозначаемые данным термином владения предоставлялись влиятельным членам правящей династии, или, в исключительных случаях, бекам (князьям), управлявшим той частью Степи, на которой данные юрты были расположены. Также термин «юрт» употреблялся в значении государства, державы, как, например, «Казанский юрт».

Татарские тексты изучаемого периода используют различные термины для обозначения таких территорий. Один из них – «вилайят» («территория, область») ²²⁰. Более распространённым являлся «йорт» («дом») ²²¹, который вошёл в русский язык того периода. Также использовался термин «орун» («место») ²²². Термином «йорт» (русифицированное «юрт») обозначали территорию, как независимую, так и находящуюся в подчинении, которая контролировалась членом степной элиты. Этот термин широко применялся в русских документах. Юртом могли называть как независимое государство, так и отдельную часть данного государства. Русские документы часто попеременно использовали термины «место» и «юрт», что может служить свидетельством схожести татарских терминов «орун» и «юрт» ²²³.

К первым десятилетиям XVI в. Московское великое княжество стало широко известно среди элиты позднезолотоордынского мира как источник таких «удельных» юртов, а великий князь московский как лицо, уполномоченное выделять их. К середине XVI в. царь и великий князь вполне вжился в роль «юртодателя» и очень ясно представлял себе ту целевую группу татарского мира, которой предназначались данные города ²²⁴.

Первое документально зафиксированное обращение к великому князю как к распределителю юртов мы находим за 1491 г. Оно было сделано крымским ханом Менгли-Гиреем в связи с его усилиями подстегнуть султана Девлеша покинуть Степь и поселиться под опекой московского правителя. В этом документе крымский хан писал своему московскому союзнику о том, что: «Ино мы Девлеша царевича гораздо уверив, брата своего Девлеша к тебе послал, гораздо юрт давши, да добром бы еси держал» ²²⁵.

В течение последующего десятилетия племянник Менгли-Гирея, султан Япанчи писал в Москву с запросом юрта. В отличие от своего дяди, султан желал получить юрт для себя: «Нам то ведомо, что Нур-Довлат царь на брата своего розгневался, да прочь пошел. И князь великой, отец твой, Нур-Довлату царю Рязанской юрт (Касимовское ханство. – Б. Р.) давши, да на Мещере его царем учинил; а и мне в сей земле гнев некавов есть. И толко мне тот же юрт дать, и ты меня на том юрту увидишь» ²²⁶.

Заявление Япанчи также отличалось от запроса Менгли-Гирея тем, что он конкретно указал ту территорию, которую хотел бы получить во владение.

Ещё одно конкретное указание на место мы можем найти в письме Менгли-Гирея 1492 г. В этом письме хан писал от имени султана Магамеда (Мухаммед б. Мустафа, Маамед), которого предполагалось направить в Московское княжество в обмен на «отпуск» в Крым его старшего брата, султана Мамишека (Мухаммед-Шейх б. Муртоза) (последний попал в московский

²²⁰ Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. – Алма-Ата, 1992. – С. 93, 122 (396).

²²¹ Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. – Алма-Ата, 1992. – С. 92, 121 (386).

²²² Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. – Алма-Ата, 1992. – С. 117, 143–144 (576–58а).

²²³ Например, см. переговоры Василия III с султаном Аккуртом в 1508 г. (Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой, 1489–1508 гг. – М., 1984. – С. 79, 83).

²²⁴ Kennedy С. The Juchids of Muscovy. – L. 99.

²²⁵ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 126.

²²⁶ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 37 (1508/1509 г.).

плен, оказавшись в руках казаков в 1489 г.): «Коширу, что за братом за моим за Нурдовлатом за царем было, и которые села были дашь ему, ехавши бы у тебя жил»²²⁷.

Другой пример можно привести из переговоров об условиях освобождения Абд ал-Латифа в 1508 г., когда крымцы вновь требовали Каширу, которую они находили почему-то весьма привлекательной²²⁸. Это говорит о том, что крымцы были не только хорошо осведомлены о московских владениях, распределяемых московским правителем, но и об относительной полезности данных территорий.

Не только крымцы воспринимали Московию как источник юртов, которые можно попросить для себя и своих людей, а великого князя – как их распределителя. Начиная с первого десятилетия XVI в. Чингисиды других ветвей начали адресовать московскому правителю подобные запросы²²⁹.

Одно из таких обращений исходило от султана Аккурта б. Сайидека²³⁰, Джучида шибанидской линии Западной Сибири. В 1508 г. сын султана, Ак-Даулет, прибыл в Москву с посланием от отца. Оно начиналось с запроса, чтобы Василий III признал Аккурта «другом и братом», и поручительством, что последний (в случае удовлетворения запроса) будет сечь недругов Василия «саблею»²³¹. В ходе переговоров выяснилось, что Аккурт заинтересован в переезде в Московское государство. Но перед этим он хотел конкретных гарантий. Его послы просили, чтобы Василий предоставил ему один из двух юртов – Казань или Мещерский Городок (Касимов). Эти территории были уже заняты, Казань – «другом» Василия Мухаммед-Амином, а Касимов – Джанаем б. Нур-Даулетом (касимовский султан), о чём и проинформировала татарских представителей Москва. Шибанские посланники попросили взамен «Андреев Городок каменный». Эта территория уже также принадлежала Джанаю вместе с Касимовом, сообщили русские. Послы отбыли с дарами, но без каких-либо конкретных обязательств со стороны Москвы²³². Тем не менее сын султана Ак-Даулет, просивший для него юрт, вскоре всё же прибывает в Москву для поселения и будет участвовать в сражениях на стороне московского правителя в течение 1530-х гг.²³³ Некоторое время он распоряжался волостью Сурожином Московского уезда, выдавая жалованные грамоты как владелец (1529/1530 г.)²³⁴. Сурожик находился рядом со Звенигородом.

Что можно сказать про города, которые выезжающие из Степи династы запрашивали для себя и которые им же предлагала Москва? Первоначально выходцам из татарских ханств поступали в управление города на южной окраине государства – основанный в 1152 г. Городец (Городок Мещерский), названный позднее по имени первого правителя Касимовского ханства Касима (Касимов), также Кашира. Возможно, предоставление именно этих городов ордынским выходцам объясняется, с московской стороны, нуждами обороны южных границ, защитным рубежом которых служила река Ока, а центрами обороны выступали города Калуга, Таруса, Серпухов, Кашира, Коломна, Мещерский городок и расположенный на правом берегу Оки Алексин²³⁵. Вторым после Касимова центром, для защиты которого использовались большеор-

²²⁷ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 151.

²²⁸ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 42–44.

²²⁹ Kennedy С. The Juchids of Muscovy. – L. 101.

²³⁰ О его происхождении см.: Маслюженко Д. Н. Политическая деятельность сибирских Шибанидов в первой четверти XVI века (по переписке Ак-Курта с Москвой) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы международной конференции (Курган, 21–22 апреля 2011 г.). – Курган, 2011. – С. 64.

²³¹ «И мы недруга твоего саблею сечь», «а недруга твоего саблею сечём» (Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой, 1489–1508 гг. – М., 1984. – С. 79, 83).

²³² Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. – М., 1984. – С. 83–84.

²³³ Впервые он упомянут в разрядах 1513 г.: Разрядная книга 1475–1605 гг. – М., 1977. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 130 (под годом 1513); в последний раз упоминается под 1533 г.: Разрядная книга 1475–1598 гг. – М., 1966. – С. 83.

²³⁴ Акты феодального землевладения и хозяйства. – М., 1956. – Ч. 2. – № 114. – С. 107–108.

²³⁵ Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства, до царя Алексея

дынские и крымские выходцы, на западной части южного оборонительного пояса была Кашира. Тем, кому в Москве не очень доверяли, давали в кормление города в центре страны. Важно отметить, что в 1-й половине XVI в. татарские султаны и бывшие ханы в основном рассматривали своё пребывание на «кормлении» как временное, за которым должно было последовать получение ими престола в Казани или даже какая-нибудь более завидная судьба в Крыму²³⁶.

Полагаю, что жалуемые выезжей татарской элите города можно условно разделить на три типа по совокупности двух факторов: размер территории, «тянувшей» к этим городам; продолжительность «татарского» владения этим городом²³⁷.

Первый тип уникален и представлен только одним городом – Касимовом. Уникальность этого случая в том, что Касимов являлся столицей полунезависимого татарского ханства на протяжении около 200 лет, и к нему «тянулась» весьма обширная территория, в состав которой входили другие, более мелкие города²³⁸. Касимовским правителям на протяжении 2-й половины XV – 1-й половины XVI в. шла дань от московских правителей²³⁹. Такого мы не видим нигде более на территории Московской Руси. Для удобства и очень условно можно обозначить данный тип как «ханство-удел». Касимовский владлец, по-видимому, во 2-й половине XV – 1-й половине XVI в. являлся кем-то вроде удельного господина в своём ханстве и старшего правителя по отношению к проживавшим на территории ханства другим татарским феодалам, к примеру, темниковским князьям. Верховным сюзереном при этом выступал великий князь. На территории ханства проживало и русское население. Каким образом строились отношения касимовского владельца с ним, не вполне ясно. Но в любом случае эти отношения претерпели заметные изменения во 2-й половине XVI в. Таким образом, касимовский случай выделяет достаточно обширная территория и больший по сравнению с другими татарскими анклавами объём власти касимовского владельца.

Второй тип – это город Романов, который на протяжении 1564–1656 гг. принадлежал ногайским мирзам (заметим, это 2-я половина XVI в.), и в его округе мирзы владели также большим (но существенно меньшим, чем в Касимове) количеством земли, на которой они селили своих людей. Эти земли принадлежали мирзам на поместном праве. Однако в состав жалуемой мирзам территории вокруг Романова не входили другие города; этим, а также отсутствием получаемой от Москвы дани, Романов отличается от Касимова. В Романове также проживало и русское население.

Итак, в Касимове и Романове татарская элита в округе этих городов владела большим количеством земли, на которой поселяла своих людей (служилых татар и ногаев) и ведала их судом и управой, совершенно независимо от московской приказной администрации²⁴⁰. Они получали денежные доходы с этих городов. Эти два «места» отличались от других татарских анклавов, представляющих третий тип. В то время как другие «татарско-русские» города принадлежали попеременно то татарским, то русским владельцам, Мещерский Городок на протяжении 1445 – середины XVII в. всегда принадлежал только Джучидам (никогда более низкому слою золотоордынской элиты). Романов принадлежал только ногайским мирзам (род Мангыт золотоордынской элиты) на протяжении своего существования в 1564–1656 гг.

Михайловича // ЧОИДР. – 1846. – № 4. – С. 5–86; Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. – СПб., 1909.

²³⁶ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: очерки политической истории России первой трети XVI в. – М., 1972. – С. 405.

²³⁷ Подробнее об этих городах см.: Рахимзянов Б. Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. – СПб., 2016. – С. 144–170.

²³⁸ Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам нового времени. – Казань, 1998. – С. 175–227.

²³⁹ См. подробнее: Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. – Казань, 2009. – С. 57–61, 115–116 и др.

²⁴⁰ Веселовский С. Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Исторические записки. – 1947. – № 22. – С. 123.

Другие же города, составляющие третий тип (как наиболее яркие примеры можно привести Звенигород, Каширу, Серпухов, Юрьев Польский), являлись татарскими владениями непродолжительное время. Татарская элита получала эти города, как выражаются летописи, «в вотчину и в кормление» (дипломатическая переписка содержит формулу «со всеми волостями и с селы и со всеми пошлинами»), т. е. ханы и султаны имели право собирать в свою пользу различные доходы, и на эти доходы содержали себя, свой двор и своё окружение. «Волости» и «села» дипломатической переписки говорят нам о том, что в округе этих городов некоторая часть земли также предназначалась для поселения и обеспечения источниками доходов членов двора ханов и султанов (татарских князей, мирз, казаков). При этом русские вотчинники и помещики этих городов оставались на своих местах. Были ли они подведомственны судом и управой ханам и султанам, как служилые землевладельцы других уездов, вопрос непростой.

Для чего Москве была нужна система городов, где либо постоянно (как в Касимове), либо периодически (как в других подобных пунктах) «сидели» представители татарской высшей знати? Отвечая на данный вопрос, важно осознать, что прибывавших из Степи представителей татарского мира нужно было как-то встраивать в структуру московского общества и существующую политическую систему. Однако неразвитость бюрократического аппарата Московского государства, постоянно ведущиеся им войны, отнимавшие много времени и сил, а также недолговременность пребывания многих представителей татарской элиты в московских владениях не являлись теми факторами, которые форсировали решение данного вопроса. Думаю, сказывался также и длительный тесный опыт общения первых лиц Москвы с татарским миром на протяжении XIII–XV вв., когда некоторые потенциальные наследники престола по несколько лет проводили в ордынских кочевых ставках, изучая практики татар. Поэтому, не исключено, решение пришло именно отсюда. Вместо попыток интегрировать мусульманскую элиту в московскую социальную систему, Москва воспроизвела степной институт – юрт – на территории самой Московии.

Уже имелся опыт Касимова, который постоянно принимал Чингисидов. В Мещерском юрте татары жили несколько параллельно существующей в Московском государстве политической структуре, в то же время не являясь полностью независимыми от воли и решений верховного сюзерена – московского великого князя. Видимо, было решено использовать существующие наработки. Поэтому схемы, уже задействованные в Касимовском ханстве, решили распространить на некоторые другие города Московского государства. Важным пунктом изменений стало добровольное предложение московским правителем данных городов как мест для проживания. Это знаменовало плавный переход от статуса зависимого, подчинённого члена позднезолотоордынской системы к статусу фактического сюзерена. Существенным моментом этого перехода, на мой взгляд, было и то, что данную практику Москва наиболее активно стала применять с выезжавшими из Казани и Астрахани. Почему? Постараемся разобраться в этом вопросе.

К середине 80-х гг. XV в. в Казани велась активная борьба за ханский трон. Она началась как внутренний конфликт, когда различные группы знати поддержали разных сыновей умершего в 1479 г. хана Ибрагима б. Махмуда (Махмутек): одна – проногайская – Али б. Ибрагима (Ильгам, Алегам) (Али б. Ибрагим был сыном от первой жены хана – Фатимы), другая – промосковская – его сводного брата Мухаммед-Амина б. Ибрагима (Мухаммед-Амин был сыном от второй жены хана – Нур-Султан).

Пролцарствовав пять лет после смерти отца, Али в конце 1484 – начале 1485 г. был смещён, и на казанском троне в 1-й половине 1485 г. оказался Мухаммед-Амин²⁴¹. Во 2-й половине 1485 г. Али вернулся к власти (причём на этот раз уже при поддержке Москвы;

²⁴¹ Назаров В. Д. Рюриковичи и Чингисиды. Проблемы взаимоотношений в преломлении источников // Российская история. – 2013. – № 3. – С. 16.

Мухаммед-Амин при этом покинул город), вновь был смещён (в 1486 г. в Казани находился Мухаммед-Амин), а в 1487 г. появился с ногайскими войсками и «согнал с Казани» брата. Мухаммед-Амин вновь бежал в Москву²⁴². В июле этого же 1487 г. русские захватили город и опять водворили в ханском дворце Мухаммед-Амина – на этот раз надолго. Фактически над Казанским ханством был установлен режим московской «опеки», продолжавшийся до 1505 г. Главной его сутью были «братские» отношения Москвы и Казани, а также переход под контроль Московского государства внешней политики Казанского ханства и вопросов престолонаследия²⁴³.

Как видим, Москва активно вмешивалась в позднезолотоордынские политические перипетии, причём на вышеуказанных примерах можно видеть, что она попеременно поддерживала то одного, то другого кандидата – не отличалась принципиальностью.

Итак, казанский конфликт недолго оставался внутренним. Во 2-й половине 1485 г. молодой претендент на трон Мухаммед-Амин покинул Казань и осел в Москве²⁴⁴. Союзнические отношения Казани с Ногайской Ордой объяснялись родственными связями хана: его супругой была дочь ногайского мирзы Мусы²⁴⁵.

В это же время мать Мухаммед-Амина, ханбике (жена хана) Нур-Султан (происходит из ногаев – она была дочерью мангытского военачальника Тимура б. Мансура б. Эдиге), также покинула Казань. Однако её маршрут был иным. К 1486 г. она переехала в Крым, где стала женой хана Менгли-Гирея. Это неудивительно, учитывая тот факт, что Казань принадлежала к тем наследникам Улуса Джучи, «которые были связаны с Крымским ханством тысячей различных нитей»²⁴⁶. Это привело к «вторичному» породнению казанской и крымской ветвей династии потомков Туга-Тимура, сына Джучи; изначально основатель династии крымских Гиреев Хаджи-Гирей и давший начало династии самостоятельных казанских ханов Улуг-Мухаммед б. Ичкеле-Хасан являлись двоюродными братьями²⁴⁷. Уже отсюда Нур-Султан писала великому князю, сообщив ему о своём замужестве за Менгли-Гиреем, она старалась навести справки о своём старшем сыне, находившемся на тот момент в Москве. В марте 1487 г. Иван III написал ответ Нур-Султан, поздравляя её с замужеством и уверяя в благоденствии её сына: «А что еси писала в своей грамоте о своем сыне о Магмети Амине царе, и мы как наперед сего добра его смотрели, так и ныне аж даст Бог хотим добра его смотреть, как нам Бог поможет»²⁴⁸.

Обещание Ивана «смотреть добра» Мухаммед-Амина было лукаво-недосказанным. В июле этого же года Московский правитель снарядил войско, которое вновь сопровождало его в Казань с претензией на занятие трона. Дальнейшие события кратко изложены в письме Ивана матери Мухаммед-Амина, посланном в следующем месяце: «Твой сын Магмет-Аминь к нам приехал; и мы, надеясь на Бога, послали есмя на своего недруга на Алягама царя своих воевод. Милосердый пак Бог как хотел, так учинил: наши воеводы Казань взяли, а нашего недруга царя Алягама поймав и с его братьею и с его матерью и с его царицами и со князми к нам привели; а твоего сына Магмет-Аминя царя на Казани есмя посадили. А тебе бы то было ведомо»²⁴⁹.

Была ли Нур-Султан удовлетворена новостями о наследовании сына, или, напротив, насторожилась, что он вступил на опасный путь, мы можем только догадываться. К июлю

²⁴² Базилевич К. В. Внешняя политика русского централизованного государства: вторая половина XV в. – М., 1952. – С. 201–202.

²⁴³ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. – М., 1991. – С. 50–52.

²⁴⁴ Подробнее см.: Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. – М., 1991. – С. 45 и далее.

²⁴⁵ Зайцев И. В. Астраханское ханство. – М., 2004. – С. 69–70.

²⁴⁶ Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI в. – М., 2001. – С. 142.

²⁴⁷ Исхаков Д. М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. – Казань, 2009. – С. 8.

²⁴⁸ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 59.

²⁴⁹ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 62.

1487 г. внимание Нур-Султан было приковано к её младшему сыну, Абд ал-Латифу, которого она привезла с собой в Крым.

Абд ал-Латиф, младший сын казанского хана Ибрагима и Нур-Султан, родился в Казани около 1475 г. После выхода матери замуж за крымского хана Менгли-Гирея в 1480 г. султан был увезён из Казани в Бахчисарай и провёл детство и юность в Крыму²⁵⁰.

Вскоре после прибытия на черноморский полуостров Нур-Султан поняла, что Крым был не лучшим местом для Абд ал-Латифа: в письме к своему другому сыну, Мухаммед-Амину, она назвала его «лихой землей» («ся земля лиха»)²⁵¹. Его приёмный отец, Менгли-Гирей, принял некоторые меры для обеспечения его безопасности, но даже покровительство хана не могло полностью обезопасить Джучида от политических интриг, которыми был переполнен полуостров.

Нур-Султан начала выяснять возможности отсылки сына на север – либо к брату Мухаммед-Амину в Казань, либо к Ивану в Москву. Первое такое письмо пришло в течение года после её прибытия в Крым, когда она отписала в Москву следующее: «Здесе ему (Абд ал-Латифу. – Б. Р.) Менгли-Гирей царь отец; а коли его к тебе пошлю, то ведает Бог, да ты ему и отец»²⁵².

Нур-Султан подняла этот вопрос вновь во время приезда московского посла Ромодановского в Крым в конце 1490 г. На этот раз Иван ответил на инициативу с готовностью. Инструкции московскому послу в Крым содержали следующий ответ для Нур-Султан, который необходимо было довести до неё в секрете: «И ты бы своему сыну Абдыл-Летиф салтану велела ехать ко мне, а мы ож даст Бог хотим ему дружбу свою чинити и истому его подняти и людей его жаловати»²⁵³.

Русский вельможа имел подобное письмо и непосредственно к Абд ал-Латифу, которое также должно было быть доставлено в секрете²⁵⁴.

Однако Нур-Султан не решила окончательно, где бы она хотела видеть сына: в Казани или Москве. В этом вопросе она советовалась с Мухаммед-Амином, с кем она поддерживала контакт через Москву²⁵⁵. Отвечая весной 1491 г., Мухаммед-Амин изъявил желание принять Абд ал-Латифа в Казани. Он советовал матери послать Абд ал-Латифа с надёжным человеком, а также выбрать маршрут на Казань через Москву: этот путь казался ему более надёжным²⁵⁶. Либо в конце 1492 г., либо в начале 1493 г. наконец-то было достигнуто соглашение о том, что же делать с Абд ал-Латифом. К этому времени крымский хан был осведомлён о ситуации и после некоторых раздумий согласился отправить султана в Казань²⁵⁷.

Первоначальной заботой Нур-Султан было удалить Абд ал-Латифа из Крыма; куда он попадёт далее, в Казань или в Москву, её волновало меньше. Она оставила решение этого вопроса великому князю²⁵⁸. Скорее всего, ханбике не до конца доверяла русской стороне; в памяти послу боярину И. Лобану-Колычеву от 1492 г. предусматривался следующий вопрос со стороны Нур-Султан: «и ты дашь ли на том правду, чтобы сыну моему Абдыл-Летифу не блюстися великого князя (выделено мной. – Б. Р.)?»²⁵⁹. Ханбике также очень волновало то, в каких условиях будет происходить формирование личности юного султана. Эту функцию она

²⁵⁰ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. – М., 1991. – С. 56.

²⁵¹ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 109.

²⁵² Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 74–75.

²⁵³ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 143.

²⁵⁴ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 143.

²⁵⁵ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 109.

²⁵⁶ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 147.

²⁵⁷ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 149–150, 174.

²⁵⁸ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 177.

²⁵⁹ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 145.

также поручила московскому правителю, дав ему длинный совет, каким образом лучше этого достичь: «Да еще будет ти у себя его уняти, ведомой обычай (sic) его похваляй; а не взведает чего, и ты его поучи и гораздо понакажи, да и поблюсть, ты ведаешь, молод и мал; как молодость его отдашь, то ты ведаешь; как у меня дровичился, так станет у тебя дровичиться. Того деля говорим ныне, как ведомой его обычай, чего не взознает, и ты отдаешь, то ты ведаешь. Да слуг его и людей, как розберешь и осмотришь, ты ведаешь, да еще сам молод»²⁶⁰.

С этим напутствием ханша отпустила юного Джучида из Крыма, и он прибыл в Москву в январе 1493 г. вместе с послом И. Колычевым. По прибытии Джучид был пожалован городом Звенигородом со всеми причитающимися ему доходами²⁶¹. Звенигород был пожалован Абд ал-Латифу «со всеми пошлинами» после 11 января 1493 г.²⁶² (видимо, владел им до пожалования Казанью – с 1493 по апрель 1497 г.). Решение о пожаловании татарского султана Звенигородом было принято, судя по всему, ещё раньше – весной-летом 1492 г.²⁶³ В это же самое время его старший брат Мухаммед-Амин владел Каширой. Эти города принадлежали к числу коренных городов Московского великого княжества, и по завещаниям московских удельных правителей Кашира всегда передавалась по наследству старшему сыну, а Звенигород предназначался второму сыну московского великого князя²⁶⁴.

В 1493 году Нур-Султан послала Ивану III письмо, на этот раз по вопросу высылки Абд ал-Латифа в Казань. В письме содержался совет по поводу его воспитания: «Сатику (прозвище Абд ал-Латифа. – Б. Р.), на Бога надеяся да и на тебя, послала есми. Нынечя того молодое дитя или у себя, или к брату пошли. Как тому молодому дитяти упокой учинишь, сам ведаешь; и брат его молод, и он молод, те два живучи вместе в любви ли будут или не в любви? Сказыванье наше то стоит, моим тем двема молодым детем пристрой учинил еси; что тебе от нас будет, от Бога бы тебе было. Царь брат твой здоров будет, да и мы здоровы будем, о твоих о добрых делех помошники будем, как сила наша имет. Хоти у брата уланы и князи добрые веремьянники и все добре хотя станут просити, и ты отпусти, а не хотя учнут просити у себя држа. Как учнешь кормити, сам ведаешь. Сатика молод, а у него добрых людей нет, а у Багая (прозвище Мухаммед-Амина. – Б. Р.) ума нет. Хотя и к брату отпустишь, или у себя велишь быти, и ты одного доброго человека дякою (опекун и наставник; примерно соответствует татарскому «аталык». – Б. Р.) учини отца его Ибраимовых слуг и Сатыкиным слугам и людем, кого бы ся им блюсти добро. Чюра толмач гораздо ведает, у Сатики неустроенные робята есть, тех куды будет на дело посылати, и ты их посылай, потому ини ся наставят и умны будут; а в одном месте им лежати, ини дуреют и испортятся»²⁶⁵.

Интересна личностная характеристика Мухаммед-Амина («Багай»), данная его же матерью: «а у Багая ума нет». Она достаточно органично сопоставляется с данными русского летописца о нём: «он же и тамо своего нрава не премени, но с насильством живяше и халчно ко многим» (сообщая про отъезд хана в Каширу из Казани, откуда якобы его выгнала местная знать за насилие по отношению к местному населению, в том числе к женщинам)²⁶⁶.

Как видно из документальной переписки между Иваном III и женой хана Менгли-Гирея ханбике Нур-Султан, московская сторона была активно вовлечена в перипетии поздnezолото-

²⁶⁰ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 177.

²⁶¹ ПСРЛ. – СПб., 1853. – Т. 6. – С. 240; Иоасафовская летопись. – М., 1957. – С. 186.

²⁶² ПСРЛ. – СПб., 1848. – Т. 4. – С. 162; СПб., 1853. – Т. 6. – С. 240; Пг., 1921. – Т. 24. – С. 211; М.; Л., 1963. – Т. 28. – С. 158, 323.

²⁶³ Кистерев С. Н. Абдыл-Летиф и Мухаммед-Эмин на Руси рубежа XV–XVI столетий // Звенигород за шесть столетий. – М., 1998. – С. 70.

²⁶⁴ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. – М., 1991. – С. 56–57.

²⁶⁵ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 194.

²⁶⁶ ПСРЛ. – СПб., 1953. – Т. 6. – С. 41; СПб., 1859. – Т. 8. – С. 232.

ордынской политики даже на уровне личных взаимоотношений между первыми лицами государств. Контекст этой вовлечённости был терпимым относительно друг друга, хотя стороны и не забывали, кто есть кто в этой системе. Консультации по поводу детей, советы, подарки, посылаемые сторонами друг другу – всё это лишний раз показывает, что картина контактов между Москвой и татарским миром имела намного больше граней, нежели её иногда представляют традиционные историографические тексты.

Несколько лет спустя, во время бурных событий 1496–1497 гг., двое братьев вновь оказались в фокусе крымско-московских отношений. Нур-Султан и Менгли-Гирей получили известия, что султан Мамук б. Махмудек, Джучид шибанидской ветви, базирующейся в Западной Сибири, подойдя с войском к Казани, сместил Мухаммед-Амина и взойшёл на казанский трон. Мухаммед-Амин бежал в Москву с женой и верными ему князьями. Родители смещённого хана связались с Иваном III за подробностями и попросили его присмотреть за смещённым ханом²⁶⁷. Чтобы подчеркнуть ответственность Ивана за смещённого Джучида, Менгли-Гирей напомнил Ивану его прежние отношения с Мухаммед-Амином: «Магмед-Аминя царя гораздо бы еси подчивал, названой тебе сын и друг»²⁶⁸.

Иван при этом пытался восстановить своё влияние в Казани. Казанская знать при незримой поддержке московского правителя изгнала Мамука из города²⁶⁹. Лишь после этого Иван III ответил крымскому хану: «Писал еси ко мне в своей грамоте... о Махмет-Амине о царе; ино Махмет-Аминево цареве дело так ссталося: как пришел на него шибанской царь Мамук, и Махмет-Амин царь, не поверя своим людем, к нам приехал, и мы ему в своей земле города подавали и дружбу свою ему чиним, и вперед оже даст Бог хотим ему дружбу свою чинити и свыше. А на казанском юрте, Божьим изволением, царем учинили (выделено мной. – Б. Р.) есмя Абдыл-Летифа царевича»²⁷⁰.

Здесь важен термин, касающийся нюансов утверждения Абд ал-Латифа в качестве казанского хана в 1497 г. – «учинили» («сделали ханом», т. е. Москва выступила в отеческой роли «создателя ханов»). При этом по поводу Мухаммед-Амина в 1487 г. применён термин «посадили» (т. е. «восстановили») ²⁷¹.

Нюанс в том, что Мухаммед-Амин до 1487 г. уже являлся казанским ханом (хоть и непродолжительное время), поэтому его «посаждение» Иваном III в 1487 г. в Казани являлось, собственно говоря, реставрацией. Поэтому об этом акте и говорится только как о «посаждении». Абд ал-Латиф же до 1497 г. никогда не являлся ханом. Поэтому когда военная поддержка московского правителя воздвигла юного Абд ал-Латифа на казанский ханский трон, Иван III сделал свои притязания на статус среди степной элиты более высокими – теперь он «учинил» («сделал») хана: «А на казанском юрте, Божьим изволением, царем учинили есмя Абдыл-Летифа царевича»²⁷². Великий князь присвоил себе функцию «возведения в ханы»; он стал «создателем ханов». «...Тамошним землям государь ты еси...», – льстила Нур-Султан Ивану²⁷³. Вряд ли так же считал её супруг, крымский хан Менгли-Гирей.

Два события 1487 и 1497 гг., связанные с Мухаммед-Амином, Абд ал-Латифом, Иваном III и его военной поддержкой, привели к некоторым сдвигам в отношениях Москвы с Казанью и, шире, всем позднезолотоордынским миром. Вслед за М. Г. Худяковым период 1487–1521 гг. в советской и российской историографии стали называть периодом «московского протектората (верховенства, покровительства. – Б. Р.)». Это отчасти так. Москва пыталась сделать всё от

²⁶⁷ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 236–237.

²⁶⁸ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 236.

²⁶⁹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 190.

²⁷⁰ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 251.

²⁷¹ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 62.

²⁷² Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 251.

²⁷³ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 272.

неё возможное, чтобы низвести статус независимого татарского государства, каковым являлось Казанское ханство, до уровня своего «внутреннего юрта», каковым в её глазах всегда являлось Касимовское ханство.

Так, в общении с Литвой, в деталях не знакомой с казанскими делами, Василий III так объяснял в 1517 г. польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду Казимировичу обстановку вокруг Казани: «...ещё было от прародителей наших и при предках наших и при отце нашем и ныне при нас, в наших государствах (выделено мной. – Б. Р.) по тем местом живут цари и царевичи нашим жалованьем, да иным многим царем и царевичем, которые нам служат, даем в своих государствах места свое жалованье»²⁷⁴. Сравним с тем, что говорится о Мещере: «...А Мещерская земля в нашем государстве, и тем местом жалуем мы царей и царевичев, и они на тех местех на нашем жалованье живут, а нам служат»²⁷⁵.

И казанцы, и касимовцы «живут» московским «жалованьем» и «служат» Москве, и Казань, и Касимов являются московской собственностью («наши государства») – такая картина вырисовывается, исходя из данных дипломатической переписки с Литвой.

Некоторые сторонние татарские правители конца XV – начала XVI в. также воспринимали Мещеру (Касимовское ханство) и Казань (Казанское ханство) как равнозначные «места», однако их восприятие этих государств разнилось с московским. Для них, в отличие от московского правителя, оба этих юрта были как раз относительно независимыми, находясь только под верховным покровительством великого князя, но не более. Так, сибирский султан Аккурт писал Василию III в 1508 г.: «...и коли пожалуешь ис тех из двух юртов (выделено мной. – Б. Р.) меня, и ты бы...»²⁷⁶

Из контекста документа становится ясно, что Аккурт просит «дать» ему либо Казань, либо Мещеру («два юрта»). Мещера названа «юртом», что является в тюркской традиции синонимом слова «государство». Казань в указанный период была под московской «опекой», а Мещера была под владычеством московского правителя всё время своего существования, однако для татарских соседей они были «юртами» – полагаю, в значении «государство», а не «княжество».

После 1487 г. Иван III мог непосредственно вмешиваться во внутренние дела Казани и осуществлять определённый контроль над её внешней политикой. Однако, несмотря на то, что баланс сил между двумя государствами стал перевешиваться в сторону Москвы, ещё не было свидетельств того, что Казань потеряла статус независимого государства²⁷⁷. Правильнее будет говорить о колебаниях между независимостью Казани и временами успешными попытками Москвы установить своё владычество над ханством.

Тем не менее, начиная примерно с 1520-х гг., прецедент с Мухаммед-Амином 1487 г. стал рассматриваться московской стороной как точка отсчёта для времени, когда Москва приобрела (в её собственных глазах) право возводить казанских ханов на престол по своему усмотрению²⁷⁸. В понимании Москвы, с 1487 г. казанские ханы якобы превратились в вассалов московских великих князей и могли всходить на престол только с их согласия. Данная теория, как отмечает Ярослав Пеленски, широко использовалась в отношениях только с третьими государствами (Великое княжество Литовское, Османская империя, Габсбурги), но не с татарским миром. Это неудивительно – татарский позднезолотоордынский мир никогда не принял бы такой трактовки казанской истории. Москва также знала, что это всего лишь дипломатический

²⁷⁴ Сборник РИО. – СПб., 1882. – Т. 35. – С. 530.

²⁷⁵ Сборник РИО. – СПб., 1882. – Т. 35. – С. 531.

²⁷⁶ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. – М., 1984. – С. 79.

²⁷⁷ Pelenski J. Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s). – The Hague – Paris, 1974. – P. 29.

²⁷⁸ Pelenski J. Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s). – The Hague – Paris, 1974. – P. 65.

конструкт, но его длительное использование привело к тому, что в дальнейшем она сама поверила в него.

Само военное завоевание Казани в 1487 г. стало для московских идеологов позже основанием для претензий на ханство как на свой «юрт». Причём прямая ссылка на покорение Казани «саблею» обычно применялась в переговорах с мусульманскими правителями, т. к. в мусульманском мире прямое военное объяснение не было бесчестным, но, напротив, являлось добродетельным и уважаемым²⁷⁹. Однако эти необоснованные претензии противоречили реалиям московско-казанских отношений. Их афиширование свидетельствует лишь о сознательном стремлении Москвы приуменьшить статус Казанского ханства в своих отношениях с соседями. Москва пыталась низвести статус Казани до уровня московского владения, однако на внешнеполитической сцене это не признавалось. Имея перед своими глазами пример Касимовского ханства, распространив его опыт на свои «внутренние юрты» (такие как Кашира, Серпухов и др.), Московия стала использовать дипломатические уловки и искусную демагогию для того, чтобы подвести под статус «внутренних московских юртов» целые независимые татарские государства. Первым в этом списке появилась Казань – географически она была ближе всего к Московскому государству, и к тому же не обладала впечатляющей военной мощью.

Вернёмся к событийной канве после того, как Мухаммед-Амин бежал в Москву в 1497 г. В мае этого года Иван III передал Мухаммед-Амину в управление города Серпухов, Хотунь и Каширу²⁸⁰ «со всеми пошлинами»²⁸¹. С 1497 г. по зиму 1502 г. эти три города находились в руках Мухаммед-Амина²⁸². Как и Звенигород, Серпухов принадлежал к владениям великокняжеского дома.

Так как касимовский ханский престол был занят, а вписывать бывшего казанского хана в московскую политическую структуру не было ни практической необходимости, ни желания, то в случае с ним применили систему «юртов» – тех городов Московского государства, которые стали время от времени выдаваться татарским знатным «гостям» в управление, пока они отсиживались в «русском улусе», ожидая более завидной доли в каком-либо татарском государстве. Москва же рассчитывала на них, как на своих потенциальных агентов влияния в недалёком будущем, поэтому щедро привечала представителей прежнего коллективного сюзерена на своей земле.

Тем временем в апреле 1497 (1496?) г. родной брат Мухаммед-Амина Абд ал-Латиф был послан Москвой в Казань. С 1497 по 1502 г. он являлся казанским ханом. В 1502 г. двое братьев вновь оказались в водовороте московско-крымских контактов. Как и ранее, причиной была политическая неурядица в Казани, но на этот раз вследствие этих событий политические отношения между Крымом и Москвой ухудшатся надолго. Это неудивительно. Особой надобности в поддержании партнёрских отношений между Крымом и Москвой после 1502 г., года политического уничтожения Большой Орды, не было. Её ликвидация привела к изменению конфигурации союзов в Степи: Крымское ханство объединилось с Польско-Литовским государством против Московии. Начиная со времени гибели Большой Орды, на первое место в международных отношениях на территории бывшей Золотой Орды вышло соперничество Крымского ханства с Московским государством за обладание всем золотоордынским наследством²⁸³.

Прелюдией к тяжёлым временам, ждущим эти отношения впереди, послужило короткое сообщение Ивана в Крым по поводу последних событий в Казани: «Прислала еси ко мне (Ивану

²⁷⁹ Pelenski J. *Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s)*. – The Hague – Paris, 1974. – P. 90.

²⁸⁰ ПСРЛ. – СПб., 1853. – Т. 6. – С. 41; СПб., 1859. – Т. 8. – С. 231–233; СПб., 1901. – Т. 12. – С. 244; СПб., 1910. – Т. 20 (1 пол.). – С. 364; М.; Л., 1963. – Т. 28. – С. 328; Иоасафовская летопись. – М., 1957. – С. 132; ДДГ. – М.; Л., 1950. – С. 479. – Приложение № 2; ААЭ. – СПб., 1836. – Т. 1. – № 135. – С. 101–102.

²⁸¹ Иоасафовская летопись. – М., 1957. – С. 132.

²⁸² Каштанов С. М. *Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в.* – М., 1967. – С. 203.

²⁸³ Исхаков Д. М. *Тюрко-татарские государства XV–XVI вв.* – Казань, 2009. – С. 123.

III. – Б. Р.) своего сына Абды-Летифа царевича; и тебе (Нур-Султан. – Б. Р.) ведомо, как есми его жаловал, да и на отца его юрте его есми посадил. И он как на чем мне молвил и правду учинил, в том мне ни в чем не исправился. И яз ныне твоего ж сына Магмет-Аминя царя на том юрте посадил. То бы тебе ведомо было»²⁸⁴.

Подразумевалось, но не говорилось об этом прямо, что в результате «неисправления» Абд ал-Латифа он был смещён великим князем с ханского трона в Казани.

Сообщение о том, что молодой Джучид был лишён трона своим недавним московским покровителем, вызвало недовольство высших официальных лиц Крыма. Менгли-Гирея возмутило, что ранее юного хана предпочли Мухаммед-Амину; не для этого крымцы посылали его в Москву: «не знаю которым делом царем еси его учинил на отцове юрте. Мы того царем учинити не того деля его послали»²⁸⁵, писал хан Ивану III. Он был послан для удовлетворения запросов как раз Мухаммед-Амина, заметил Менгли-Гирей. Хан добавлял, что и ранее, и сейчас он сам готов присматривать за юношей в Крыму. Нур-Султан вторила ему, опасаясь за его безопасность. Она ещё раз повторила ранее звучавшую просьбу отправиться на север посетить её сыновей²⁸⁶.

Московские послы, которые должны были возвратиться в Крым, на все вопросы, касающиеся Абд ал-Латифа, должны были отвечать немногословно – что великий князь «держит» его в Москве («держу у себя») ²⁸⁷. Фактически юный хан содержался под стражей («нятельство») в Белоозере²⁸⁸.

Это краткое сообщение нисколько не удовлетворило хана и его жену. В апреле 1503 г. Менгли-Гирей призвал Ивана, чтобы юному Джучиду не оказывалось бесчестья, и настаивал на том, что хорошее отношение к нему является предпосылкой дальнейших нормальных отношений между Крымом и Москвой. Чтобы в этом вопросе не было двусмысленностей, Менгли-Гирей пояснил, что он имеет в виду: «У тебя прошение наше то стоит: Абдыл-Летифу царю поместье (выделено мной. – Б. Р.) дав, у себя его добром держишь, нам он дитя стоит, а он к тебе не лихом ехал, ты просил добром, и мы отпустили дитя своё добром – не мочно ли нам было его кормити? Нашим здоровьем Абдыл-Летифу царю так быти непригоже. И ты не всхочешь его у себя кормити, Бог нам дал, улусы у нас есть, и ты его к нам отпусти. Наше прошение инаково учинишь, то тебе брату нашему непригоже»²⁸⁹.

Интересен термин источника по поводу характера держаний, предоставлявшихся татарским выходцам, – «поместье». Это русский перевод слова, которым оперировали русские с татарскими представителями. Как звучал этот термин в татарской версии дипломатической переписки, неизвестно. Возможно, «юрт»? При этом допущении политический статус московских «юртов», предоставляемых постзолотоординским выходцам, снижается. В таком случае это даже не княжество – иногда в татарском мире слово «юрт» обозначало удельное владение в составе более крупного.

Менгли-Гирей и Нур-Султан были серьёзно и обоснованно озабочены положением Абд ал-Латифа. На данный момент Абд ал-Латиф являлся низложенным правителем, обвинённым русскими в нарушении своих клятв Москве. Его родные, вероятно, быстро вспомнили о жестоким отношении Москвы к тем Джучидам, которые ранее нарушали свои обязательства по отношению к московскому правителю и после этого попадали в его руки.

²⁸⁴ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 390.

²⁸⁵ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 447–448.

²⁸⁶ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 449–450.

²⁸⁷ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 461, 464.

²⁸⁸ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 43 (от декабря 1508 г.).

²⁸⁹ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 468.

Крым настаивал на полной реабилитации Абд ал-Латифа. Это означало, что Иван должен либо выделить территорию для него, либо Абд ал-Латиф должен быть отпу-

щен в Крым. Ответ великого князя на эти запросы звучал уже иначе и сильно отличался от его прежней дипломатической практики. Вместо задержек ответа, увиливаний и полумер, как в случае с подобными требованиями относительно Нур-Даулета²⁹⁰, Иван ответил не дипломатично: «а которых жены и дети нынеча у меня в базаре, ино тех не царевы базарци»²⁹¹, т. е. по Ивану получалось, что семья Абд ал-Латифа находится при его дворе и, соответственно, в его полном распоряжении, и крымскому хану не следует заботиться об их участи, т. к. теперь они не крымские придворные – «базарцы», а субъекты великокняжеского права – «у меня в базаре». По всей видимости, это означало прекратить вмешиваться в отношения Москвы с Абд ал-Латифом.

Грубый тон московского правителя спровоцировал не менее резкий ответ со стороны хана Менгли-Гирея. Если Иван не сделает Абд ал-Латифа снова своим «сыном», хан разорвёт свой союз с Москвой²⁹². Получив такой отклик, Москва умерила свой пыл и перешла на более примирительный тон, сделав серию уступок на протяжении последующих пяти лет. В 1504-м или 1505 г. Абд ал-Латиф был освобождён из-под стражи в Белоозере и прибыл в Москву²⁹³. Его поселили в Кремле на особом подворье²⁹⁴, и он содержался на положении почётного пленника²⁹⁵. Вскоре его мать Нур-Султан посетила Москву, чтобы повидаться с сыном. В итоге в конце 1508 г. преемник Ивана Василий III согласился на прощение Абд ал-Латифа и вновь подтвердил официальные отношения с «заблудшим» Джучидом. Данный акт включал в себя возобновление образных «родственных» связей с Абд ал-Латифом

и наделение его московской территорией, где он и его родственники и люди могли бы поселиться²⁹⁶.

Церемония и документация, сопровождавшие «прощение» хана, была весьма детальной. Крымская делегация прибыла в Москву для проведения переговоров по поводу условий «реабилитации» Абд ал-Латифа. Возник вопрос относительно территории, которую получит Абд ал-Латиф в управление. Крымцы настаивали на южной Кашире, московские вельможи – на территории поближе к Москве. Крымские представители также требовали, чтобы великий князь признал Абд ал-Латифа «другом и братом», а не «другом и сыном», как было при Иване III (во властной иерархии того времени «сын» однозначно имел более низкий статус, нежели «брат»). В итоге Москва согласилась на «друга и брата», в то время как Крым отказался от притязаний на Каширу. Абд ал-Латиф получил Юрьев-Польский «с данью и со всеми пошлинами».

В декабре 1508 г. между Абд ал-Латифом и Василием было заключено специальное соглашение, которое регулировало отношения между ними и их людьми²⁹⁷. Возможно, с некоторыми ограничениями это соглашение можно перенести на некоторые другие «контракты» с мусульманскими династиями, обосновавшимися в Московском государстве. Его условия

²⁹⁰ Крымский хан, после потери престола обосновавшийся в Московском княжестве и ставший касимовским правителем (1486–1490 гг.). См. подробнее: Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. – Казань, 2009. – С. 118–128.

²⁹¹ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 475.

²⁹² Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 474–475.

²⁹³ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 540–541.

²⁹⁴ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 557.

²⁹⁵ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: очерки политической истории России первой трети XVI в. – М., 1972. – С. 68.

²⁹⁶ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 21–22, 42–43, 49–50; СГД. – М., 1894. – Ч. 5. – № 55. – С. 38–39; М., 1819. – Ч. 2. – № 26. – С. 30–31; № 27. – С. 32–34; ПСРЛ. – СПб., 1853. – Т. 6. – С. 248–249; СПб., 1859. – Т. 8. – С. 250.

²⁹⁷ Текст соглашения см.: Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 49–51.

весьма показательны, особенно в плане проведения некоей условной границы во взаимоотношениях между московскими правителями и прежними их сюзеренами – Джучидами.

Анализируя соглашение, можно отметить, что Абд ал-Латиф должен был быть «послушну во всем» Василию III и «хотети... великому князю во всем добра» («хотети добра» обязуются государи, по рангу равные). Он не мог ссылаться с какими-либо внешними силами ни устно, ни письменно без разрешения великого князя, также не мог покидать Юрьев без разрешения московского правителя. При всём этом формальная (статусная) сторона отношений была обозначена несколько иначе, нежели фактическая – здесь сказывалось следование традиции. Абд ал-Латиф был назван «царём» (т. к. до этого правил в полноценном чингисидском позднезолотоордынском юрте – Казани), в то время как Василий – только «великий князь» (в татарской политической системе соответствует второму уровню иерархии – беклербеку). Абд ал-Латиф был Василию «братом», т. е. равной политической фигурой. Документ не содержит терминов «служба» и «служить» – Абд ал-Латиф не «служит» Василию, он всего лишь «послушен» ему.

Скорее всего, Джучид Абд ал-Латиф имел некую автономию в Московском государстве по отношению к своему фактическому сюзерену (московские великие князья, в отличие от литовских правителей, долго не решались перевести Джучидов-эмигрантов из «объектов» в «субъекты» права). Иначе говоря, документ достаточно ярко зафиксировал период, когда соотношение политических статусов бывших вассалов (московских князей) и их прежних властителей (Джучидов) стало меняться – военные и политические реалии постепенно приходили в противоречие с силой традиции²⁹⁸.

Когда все нюансы соглашения между Василием III и Абд ал-Латифом были обговорены, официальная церемония клятвоприношения была проведена в Кремле. Во время этой церемонии Василий напрямую обратился к Абд ал-Латифу. Многословная речь включала в себя детальную историю прежних отношений Абд ал-Латифа с Москвой, в том числе перечисление всех его проступков перед великим князем и оправдание всех действий Москвы по отношению к хану, зачитывание нового соглашения между Абд ал-Латифом и великим князем, а также согласие последнего простить Абд ал-Латифа в знак особой благосклонности Василия по отношению к Крыму²⁹⁹.

Несмотря на то что договор был весьма детальным и обе стороны клялись в том, что он будет «долгоиграющим», он не продлился более четырёх лет³⁰⁰. Абд ал-Латиф пробыл в Юрьеве около 3,5 лет³⁰¹. В дальнейшем (конец 1509 г.? или 1512 г.?), по-видимому, Абд ал-Латифа всё же перемещают из небольшого Юрьева в крупный город Каширу, о чём в своё время призывал Василия хан Менгли-Гирей³⁰². При каких обстоятельствах и когда именно Абд ал-Латиф получил Каширу, остаётся неясным.

В мае 1512 г., в атмосфере напряжённых дипломатических отношений между двумя государствами, Крым предпринял поход против Московской Руси. Это привело к финальному разрыву отношений между Москвой и Бахчисараем, отношений, которые выстраивались столь длительное время. Москва обвинила Абд ал-Латифа в соучастии: «Тогда же князь великий Василей Иванович всеа Руси опалу свою положил на царя Абдеиль-Летифа за его неправду

²⁹⁸ Подробный анализ соглашения с Абд ал-Латифом см.: Рахимзянов Б. Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. – СПб., 2016. – С. 170–176.

²⁹⁹ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 42–45, 49–51.

³⁰⁰ Kennedy С. The Juchids of Muscovy. – L. 95.

³⁰¹ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. – М., 1991. – С. 71.

³⁰² См. грамоту Абд ал-Латифа от 28 февраля 1512 г. из Каширы: акты Русского государства 1505–1526 гг. – М., 1975. – № 101. – С. 104–105.

и велел у него приставом быти и Коширу у него отнял»; он был лишён Юрьева-Польского и Каширы и вновь заключён под стражу («за приставы»)³⁰³.

В течение последующих пяти лет было сделано ещё несколько запросов, касающихся Абд ал-Латифа. Османский представитель, посетивший Москву в феврале 1515 г., призвал возвратить последнего в Крым³⁰⁴. При этом через бояр ему было сообщено, что «Абдыл-Летиф царь у нас живет, а нам служит, а мы его жалуем»: вероятно, степень тяжести заключения не была велика. После смерти хана Менгли-Гирея в 1515 г. его сын и преемник, хан Мухаммед-Гирей I, также призывал московского правителя отпустить Абд ал-Латифа в Крым. Мотивы для этого были сугубо личные (по словам крымцев): Нур-Султан собиралась совершить паломничество в Мекку, и, соглас-

но мусульманскому обычаю, её должен был сопровождать спутник мужского пола³⁰⁵.

Второе прощение происходило постепенно. Сначала Василий «Абдыл-Летифу царю велети к себе на очи идти, и на потеху ему с собою велел ездити»³⁰⁶. После смерти хана Менгли-Гирея в 1515 г. Абд ал-Латиф снова получил в управление города, причём не два и не один, как прежде, а три – Звенигород, Юрьев и Каширу³⁰⁷, последнюю «со всеми волостями и с селы и со всеми пошлинами»³⁰⁸ (очень вероятно, что они поручались Джучиду не одновременно). Интересна схожесть формулировок при пожаловании Абд ал-Латифа: и Звенигород, и Юрьев, и Кашира давались «со всеми пошлинами». Можно предположить, что права Абд ал-Латифа в отношении Звенигорода ничем существенным не отличались от его же прав в отношении Юрьева, а также Каширы³⁰⁹.

Здесь важно обратить внимание на то, что во владение выезжим на Русь Джучидам давались не только города, но города «со всеми волостями и с селы». Это означало, что Джучид принимался в Московию со всем своим двором (нередко многочисленным: это были его родственники и военные), а волости и сёла предназначались для кормления этого двора³¹⁰. И в других предназначенных крымской знати грамотах «предусматривается прибытие на Русь большого количества свиты, во главе которой и должен был стоять крымский эмигрант»³¹¹.

Учитывая, что отношения между татарскими государствами XV–XVI вв. строились на основе механизмов, важнейшими из которых являлись общность ведущих династий и сохранение за ними права перемещения со своими дружинами из одного татарского юрта в другой в границах бывшего золотоордынского политического пространства³¹², можно отметить следующее. Конечно, общностью ведущих феодальных кланов Московское государство и татарские ханства не обладали; однако перемещение татарских феодальных кланов со своими дворами из ханств на Русь, как мы видели из примера с Абд ал-Латифом, в политической практике отношений Москвы и Степи присутствовало (хан всегда сопровождался четырьмя ведущими карачибеками – представителями тех самых феодальных родов). Это лишний раз наглядно

³⁰³ Иоасафовская летопись. – М., 1957. – С. 160; ПСРЛ. – СПб., 1904. – Т. 13 (1 пол.). – С. 15; СПб., 1910. – Т. 20 (1 пол.). – С. 385; М.; Л., 1963. – Т. 28. – С. 347.

³⁰⁴ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 100–101.

³⁰⁵ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 156–157.

³⁰⁶ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 176.

³⁰⁷ ПСРЛ. – СПб., 1859. – Т. 8. – С. 260; Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года. – М., 1960. – С. 28.

³⁰⁸ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 460.

³⁰⁹ Кистерев С. Н. Абдыл-Летиф и Мухаммед-Эмин на Руси рубежа XV–XVI столетий // Звенигород за шесть столетий. – М., 1998. – С. 88.

³¹⁰ Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI в. – М., 2001. – С. 273.

³¹¹ Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI в. – М., 2001. – С. 278.

³¹² Исаков Д. М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. – Казань, 2009. – С. 7.

демонстрирует нам, насколько плотно Москва была вписана в татарский мир посредством присутствовавших на её территории Чингисидов и системы жалуемых им московских юртов.

Василий хотел использовать Абд ал-Латифа как дополнительную карту в переговорах с Крымом и готов был его финансово «кормить», но в то же время неохотно мирился с мыслью отпуска его в Крым. В последующих переговорах с Мухаммед-Гиреем Василий обещал «восстановить» Абд ал-Латифа в статусе «друга и брата», выделить ему другой город и разрешить его людям возвратиться к нему³¹³. Хан Мухаммед-Гирей настаивал на том, чтобы Абд ал-Латиф сопровождал свою мать Нур-Султан в Мекку, добавляя при этом, что они собираются остаться там навсегда: «а хотим его с матерью к Мекке отпустить, а то от меня ведай, что здесь ему не жити, с матерью у Мекки останется»³¹⁴.

Тупиковые переговоры продолжались вплоть до 1517 г., причём каждая сторона становилась всё более и более непоколебимой. Мухаммед-Гирей указывал, что отношение великого князя к Абд ал-Латифу не соответствует «дружбе и братству» между московским и крымским лидерами³¹⁵. Василий же опасался, что, оказавшись в Крыму, Абд ал-Латиф мог бы, припомнив старые обиды первому князю, совершать регулярные походы на южные пограничные районы Московского государства или претендовать на престол Казанского ханства. Хан уверял великого князя, что не намерен держать Абд ал-Латифа у себя в Крыму, а собирается послать его «за море»³¹⁶.

К осени 1517 г. компромисс был наконец достигнут. Вместо того чтобы ехать в Крым либо оставаться в Московии, Абд ал-Латиф должен был быть послан в Казань к Мухаммед-Амину (вновь казанскому хану в 1505–1518 гг.). Мухаммед-Амин был тяжело болен (как едко пишет «Казанский летописец», в наказание за свою несправедливую жизнь), что остро поставило вопрос о престолонаследии. Пока шли окончательные приготовления между сторонами, Василий III согласился на прощение Абд ал-Латифа и отослал его в ноябре 1516 г.³¹⁷ в Каширу³¹⁸.

Однако судьба распорядилась так, что Абд ал-Латиф больше никогда не увидел родную ему Казань. Будучи в Кашире и дожидаясь утряски всех организационных вопросов, он вдруг неожиданно заболел и умер 19 ноября 1517 г.³¹⁹ Хану было около 42 лет. Русский летописец по этому поводу выражается глухо: «Тоя же осени, ноября 19, Абдыл Летифа царя в живых не стало»³²⁰. В письме к его матери Василий не преминул указать, что её сын умер в наказание за его грехи³²¹. Для подтверждения того, что в его смерти не была задействована рука Москвы, он послал в Крым одного из людей Нур-Султан, который был свидетелем последних дней хана и мог подтвердить версию великого князя³²². Мухаммед-Амин вскоре последует за своим

братом и покинет этот мир 18 декабря 1518 г.; ему было не более 50 лет³²³.

Гипотеза о насильственной смерти хана присутствует у Сигизмунда фон Герберштейна. Имперский посол сообщал, что некогда в Кашире властвовал «независимый правитель» (sui

³¹³ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 194.

³¹⁴ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 243, 245.

³¹⁵ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 296.

³¹⁶ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 289.

³¹⁷ Беляков А. В. Абдул-Латиф б. Ибрагим // Ислам в центрально-европейской части России: энциклопедический словарь. – М., 2009. – С. 7.

³¹⁸ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 460; Иоасафовская летопись. – М., 1957. – С. 167–168.

³¹⁹ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 477, 481–482, 488.

³²⁰ ПСРЛ. – СПб., 1853. – Т. 6. – С. 260; Иоасафовская летопись. – М., 1957. – С. 172.

³²¹ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 488.

³²² Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 481–482.

³²³ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 661.

iuris dominus, aigner Herr) (также он называет его «владыка каширский», или «каширский князь»). Его оболгали Василию III, сказав, что он якобы составил заговор с целью убить великого князя. После этого русские отравили его в Серпухове³²⁴.

В конце XV – начале XVI в. соотношение политического положения московских великих князей и окрестных татарских правителей пришло в активное движение – военные реалии постепенно стали приходить в противоречие с инерцией политической традиции. И это неудивительно – согласно тюркским представлениям Степи, которые вынуждены были разделять и московские правители, харизмой обладал тот, кто одерживал победу в военных сражениях. Того же, кто становился неудачлив в войне, она постепенно покидала.

Юрты – русские города, которые давались бывшим казанским ханам в управление, были достаточно давно вписаны в историю взаимоотношений Москвы и Степи. При этом эти города ранее часто принадлежали к владениям великокняжеского клана, что недвусмысленно говорит нам о статусе Джучидов в Московском государстве. Статус же Мухаммед-Амина и Абд ал-Латифа в татарском мире определялся их происхождением, а также фактом реального правления в Казани, являвшейся важной единицей позднезолотоордынского мира.

Личные связи с правителями татарских ханств и даже членами их семей, переезд «частей орды» в московские владения и обратно, защита и покровительство, предоставляемые московскими правителями влиятельным лицам из позднезолотоордынских государств, вкупе с возросшей военной мощью и амбициями Москвы позволяли ей всё чаще и чаще вставать в один ряд с полноценными татарскими наследниками Золотой Орды. Не исключено, что активное участие Московского государства в процессе взаимодействия татарских ханств объяснялось не только тем, что оно также являлось одним из наследников Улуса Джучи, но и интегрированностью в его состав юртов – русских городов, которыми периодически владели такие статусные фигуры, как бывшие казанские ханы Мухаммед-Амин и его брат Абд ал-Латиф.

Тот факт, что выходцы из Казани неоднократно принимали предложения великого князя и селились в предлагаемых им русских городах, говорит, на мой взгляд, не о том, что связь хана и «земли» (князей, местной политической элиты) в Казани была более конфликтной, чем, например, в Крыму или Большой Орде, а скорее о том, что сами рассматриваемые нами ханы (Мухаммед-Амин и Абд ал-Латиф) были выходцами из оседлой территории (Казани) и проживать в практически таких же условиях в Московии им было привычно и комфортно, чего, видимо, не скажешь о большинстве выходцев из Большой Орды или Крыма. Также, по-видимому, это свидетельствует о несколько ином градусе политических амбиций, имевшихся у ханов «нематеринских» территорий бывшего Улуса Джучи.

Однако позже отношения Москвы с представителями самой что ни на есть «материнской» территории бывшей империи – Большой Орды – получили своё дальнейшее развитие уже с учётом меняющейся политической конъюнктуры. Рассмотрим характерные нюансы этих контактов.

Наиболее длительные отношения у московских правителей сложились с потомками кузена хана Ахмеда, Шейх-Аулияра б. Бахтияра. Шейх-Аулияр прибыл в Московское княжество вместе со своим кузеном Юсуфом б. Якубом в 1501 или 1502 г.³²⁵ Информация о Юсуфе в источниках больше не встречается.

Судьбу Шейх-Аулияра мы можем проследить более обстоятельно. Видимо, в 1502 г. Шейх-Аулияр начал владеть Сурожиком (московской волостью по верхнему течению р. Истры, к северу от Звенигорода)³²⁶. До этого Сурожиком управлял брат Василия III Юрий – у него

³²⁴ Герберштейн С. Записки о Московии: в 2 т. – М., 2008. – Т. 1. – С. 314, 315.

³²⁵ Иоасафская летопись. – М., 1957. – С. 144. Согласно Никоновской летописи, они прибыли в 1502 г.: ПСРЛ. – СПб., 1901. – Т. 12. – С. 256.

³²⁶ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. – М., 1991. – С. 77.

город был отобран. К 1508 г. Шейх-Аулияр и его люди уже однозначно находятся в Сурожике³²⁷. Несколько лет спустя (но не позже 1516 г.) Шейх-Аулияр и его люди покинули Сурожик и поселились в Мещерском Городке (Касимове).

В 1506 г. у Шейх-Аулияра родился сын Шах-Али (Шигалей)³²⁸. Этот рождённый в московской территории Джучид будет неоднократно фигурировать во взаимоотношениях с Казанью в последующие десятилетия. Из татар-мусульман, сведения о которых содержат различные источники, он занимает наиболее значительное место. Его карьера была продолжительной: он был как просто военным предводителем, так и ханом Касимовского (1516–1519-е, 1535–1546-е, 1546–1551-е, 1552–1567 гг.) и Казанского ханств (1519–1521, 1546, 1551–1552 гг.)³²⁹. Брат Шах-Али Джан-Али (касимовский хан в 1519–1532 гг.; казанский хан в 1532–1535 гг., убит в 1535 г.) занял вакантное место касимовского хана в 1519 г. (Шах-Али тогда стал казанским ханом), поэтому в 1521 г., когда Шах-Али лишился казанского трона, Василий предоставил ему два других юрта, Каширу и Серпухов. Он продолжил свою активную военную карьеру в 1557 г. и умер в 1567 г.³³⁰ Шах-Али не принял православия и не женился на представителях русского боярства или дворянства. Это не мешало московскому правителю наделять его русскими городами – юртами, когда он не являлся казанским или касимовским ханом³³¹.

Как я уже отметил, в 1521 г., вероятно, после мая (после изгнания из Казани) Шах-Али получил в кормление Каширу и Серпухов³³². В сентябре 1532 г. Шах-Али вновь владеет Каширой и Серпуховом «со всеми пошлинами»³³³. К этому периоду относится жалованная грамота, данная им Троицкому Белопесоцкому монастырю, об освобождении от пошлин и повинностей монастырской отчины в Каширском уезде, с изъятием крестьян от суда наместников и волостелей³³⁴. Она написана «на Кошире, лета 7041, Ноября в семейнадесять день». Что характерно, хан называет себя казанским, а не касимовским, например: «Се яз, Царь Шаалей Шаавлярович Казанской». Это неудивительно. Управление независимым татарским юртом, каким была Казань, было гораздо престижнее владения каким-либо московским «местом», даже таким, как Касимов (а он занимал в системе татарских анклавов Московского государства наивысшее положение).

В грамоте особенно интересны следующие слова: «Такоже есми игумена Сергия с батыею пожаловал: наши уланы, и князи, и мирзы, и пошлыны люди, и псари, в их селцах и в деревнях не ставятца, и корму своего и конского у крестьян не емлют». Можно заключить, что при Шах-Али в Кашире (соответственно, с большой долей вероятности можно предположить наличие подобного и в других «татарских» городах Московского княжества) находилось и его татарское окружение: уланы, князья, мирзы и другие, вероятно, частично казанские, частично касимовские³³⁵. В Кашире и Серпухове Шах-Али прожил недолго, около трёх месяцев – в январе 1533 г. Шах-Али был арестован, лишён Каширы и Серпухова и был сослан вместе с женою – ханшей Фатимой – на Белоозеро³³⁶. Летом 1543 г. Шах-Али владел Каширою, вероятнее всего, параллельно с Касимовом³³⁷.

³²⁷ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 50–51, шерть Абд ал-Латифа.

³²⁸ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 505.

³²⁹ Подробнее см.: Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. – Казань, 2009.

³³⁰ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 279, 281–282, 308, 399, 419, 446–449, 483; По поводу Джан-Али см. там же. – С. 268–269, 274.

³³¹ Martin J. Multiethnicity in Muscovy: a consideration of Christian and Muslim Tatars in the 1550s–1580s // Journal of Early Modern History. – 2001. – Vol. 5. – № 1. – P. 11.

³³² ПСРЛ. – СПб., 1859. – Т. 8. – С. 269.

³³³ ПСРЛ. – СПб., 1859. – Т. 8. – С. 280; СПб., 1904. – Т. 13 (1 пол.). – С. 66; СПб., 1910. – Т. 20 (1 пол.). – С. 414; СПб., 1910. – Т. 23. – С. 205; ААЭ. – СПб., 1836. – Т. 1. – № 289: Опись царского архива, 1575–1584 гг. – С. 342.

³³⁴ ААЭ. – СПб., 1836. – Т. 1. – № 175. – С. 146–148.

³³⁵ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 280, ссылка № 96.

³³⁶ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. – М., 1991. – С. 108.

Итак, некоторые из большеордынских выходцев, а именно представители боковых линий потомков Кучук-Мухаммеда, которым сарайский трон никогда не принадлежал (Шейх-Аулияр и его дети), были достаточно долго и прочно представлены в политической системе Московского государства, владели городами и волостями – Каширою, Серпуховым, Сурожигом, даже полунезависимым татарским владением – Касимовским ханством. Видимо, они не ассоциировали себя с политической знаковостью бывшего Улуса Джучи и довольствовались предлагаемым в виде оседлых территорий в управление. Тем более что некоторые из них (Шах-Али, Джан-Али) либо родились в Московии, либо прибыли туда в достаточно юном возрасте, не прочувствовав вкуса кочевой жизни. Однако те из них, кому волею судьбы довелось попробовать «настоящей политики» – правления в Казани, например, зачастую всё же мечтали (даже в ущерб своей безопасности) об этой более завидной доле – управлении в независимых, «полноценных» татарских юртах. Видимо, память о былом величии их предков и породившей их империи культивировалась в семьях, не позволяя забыть своё происхождение и предназначение.

Запросы же Москвы были и велики, и в то же время не чёткими – она приглашала всех, кто хоть как-то проявлял к этому интерес, и материально неплохо «привечала» татарских гостей, «поднимая их истому» за счёт зависимого населения.

В дальнейшем, после политического упразднения Большой Орды представители сарайской ветви потомков Джучи стали концентрироваться в Астрахани. В династическом смысле Астраханское ханство стало наследником «Престольного владения». Неудивительно, что Москва стала проявлять достаточно активный интерес и к этому государству.

В течение первых десятилетий XVI в. основными силами, влияющими на властные реалии в Астрахани, были Ногайская Орда и Черкесы (так в рассматриваемый период собирательно называли местное население Прикубанья – прежде всего адыгов). При этом примерно с 1520-х гг. Москва старалась поддерживать хорошие отношения с потомками хана Кучук-Мухаммеда, конкурирующими между собой за право занимать трон в Астрахани, вне зависимости от того, чьими протеже они являлись – Ногайской Орды или Черкесов³³⁸.

К 1540-м гг. контакты Москвы с различными потомками хана Кучук-Мухаммеда, в совокупности с продолжающейся внутридинастической борьбой в Астрахани, привели к притоку Джучидов с Нижней Волги в Московское государство. В данном случае Москва воспользовалась для повышения своего положения в позднезолотоордынском мире как объективными (проблемы в самой Астрахани), так и субъективными факторами.

Именно астраханская ветвь династии была исконно «царской» – это были потомки тех, кто правил в ещё едином Улусе Джучи, тех, кому принадлежал престольный трон. И именно поэтому астраханских выходцев так не любили ни в Крыму, ни в Казани – эти ветви династии (крымская и казанская) были некогда выдворены из пределов «Престольного владения» предками тех, кто позже сидел в Астрахани. Этим лицам принадлежала харизма династии. Эта харизма могла быть очень полезна Москве для утверждения своего нового статуса в позднезолотоордынском мире. И именно Астраханское ханство (без поддержки Ногайской Орды или Черкесов) являлось самым слабым из всех наследников некогда единой империи в военном отношении, поэтому весьма нестабильным для положения ханов. Данные факторы не могли не учитываться Посольским приказом и его прототипами при выработке стратегии отношений с потомками хана Кучук-Мухаммеда.

Первым из астраханских Джучидов, оказавшихся в Московии, был султан Ядгар б. Касим (будущий последний казанский хан). По всей видимости, Ядгар оставался в Астрахани во время беспорядков 1530-х гг. В 1542 г. летописи сообщают, что московский посол, возвраща-

³³⁷ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 318, 326.

³³⁸ Подробнее об истории Астраханского ханства см.: Зайцев И.В. Астраханское ханство. – М., 2004.

ющийся из Астрахани, принёс новость о том, что Ядгар вскоре прибудет в Московское государство³³⁹. К июлю 1542 г. он действительно прибыл в Москву, по пути остановившись в Мещерском Городке (Касимове), чтобы повидаться со своим третьим кузеном, Шах-Али³⁴⁰. Как и другие добровольные эмигранты предыдущих десятилетий, Ядгар стал участвовать в военных кампаниях московского правителя³⁴¹.

Около 1550 г. Ядгар покинул Московское государство (прожив там восемь лет) и прибыл в один из ногайских лагерей (сестра Ядгара была замужем за одним из ногайских мирз)³⁴². Точные обстоятельства отъезда Ядгара из Московии не отражены в дипломатических источниках. Последствия этого, однако, привели к неприятностям для Москвы. Вскоре после его прибытия в Степь ногайская фракция, принявшая Ядгара, объединила свои усилия с антимосковской фракцией в Казани для свержения казанского хана Шах-Али, ставленника Москвы. После бегства Шах-Али из Казани в марте 1552 г. Ядгар был избран ханом.

Ядгар был низвержен в октябре 1552 г. после захвата ханства русскими. Хан вновь оказался в Московском государстве, только в новом для себя статусе пленника. Однако Ядгар имел влиятельных родственников в Степи – Ногайской Орде, которые стали ходатайствовать за него. Вскоре Иван Грозный простил «провинившегося» хана. В послании в Ногайскую Орду Исмаилу Иван IV через своих послов так пояснил подробности милости, оказанной хану: «... волю ему дали, и юртом ево устроили (выделено мной. – Б. Р.), и в своей вере поволели ему быти, и женили его»³⁴³.

Действительно, к февралю 1553 г. хан крестился – по своей собственной воле, как настойчиво заверяла Москва³⁴⁴. В этом же месяце с большой помпой и церемониями он был женат на Марии Клеопиной-Кутузовой, дочери Андрея Михайловича³⁴⁵. К лету этого же года Ядгар, теперь уже называемый в разрядных книгах «царем Симеоном казанским», был снова в строю московской армии³⁴⁶. Он был полностью «прощен».

Ядгар-Симеон продолжал участвовать в военных действиях Москвы вплоть до 1565 г.³⁴⁷, года его смерти (ум. 26 августа 1565 г.). Он был поселён в Звенигороде³⁴⁸; возможно, именно его имел в виду Иван Грозный под «юртом». Наделение Звенигородом, который до этого был удельным владением членов великокняжеского клана, формирование его собственного двора, свадьба на представительнице знатной боярской семьи, военные назначения – всё это ставило Ядгара-Симеона на один уровень с ближайшими родственниками царя, последними удельными князьями Московского государства³⁴⁹. Летописец «Царственной книги» заметил, что отношение к нему такое же, как и к удельным князьям³⁵⁰.

На примере судьбы Ядгара-Симеона мы можем наблюдать переплетения политических историй позднезолотоордынского пространства. Будучи родом из Астраханского ханства, он имел тесные родственные связи с ногаями, восемь лет проживал в Московии, затем, по всей

³³⁹ ПСРЛ. – СПб., 1904. – Т. 13 (1 пол.). – С. 142–143; СПб., 1914. – Т. 20 (2 пол.). – С. 461; М., 1965. – Т. 29. – С. 43.

³⁴⁰ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 315–316.

³⁴¹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 370–371, ссылка № 135.

³⁴² ПДРВ. – СПб., 1795. – Ч. 10. – С. 309.

³⁴³ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. – Казань, 2006. – С. 139.

³⁴⁴ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. – Казань, 2006. – С. 138.

³⁴⁵ ДДГ. – М.; Л., 1950. – С. 482.

³⁴⁶ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 392.

³⁴⁷ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 470.

³⁴⁸ ДДГ. – М.; Л., 1950. – № 104. – С. 436–437.

³⁴⁹ Martin J. Multiethnicity in Muscovy: a consideration of Christian and Muslim Tatars in the 1550s–1580s. // Journal of Early Modern History. – 2001. – Vol. 5. – № 1. – P. 9–10.

³⁵⁰ ПСРЛ. – СПб., 1906. – Т. 13 (2 пол.). – С. 528; Pelenski J. Russia and Kazan. Conquest and Imperial ideology (1438–1560s). – The Hague; Paris, 1974. – P. 264.

видимости, решил повысить свой статус, став казанским ханом. Потерпев неудачу в своей последней роли, он вновь попал в Москву. Она, крестив его, при этом достаточно щедро содержала его, не проявляя ненужной нетерпимости и мстительности. Почти все позднесолотоордынские государства, как татарские, так и Москва, оказались вовлечёнными в политическую судьбу последнего казанского хана. На его примере можно видеть, что ситуация с взятием Казани, как и в целом политическая ситуация внутри всего позднесолотоордынского пространства, имела намного больше нюансов, нежели это бывает представлено в обобщающих трудах.

К концу 1540-х гг. другой представитель династии Джучи, Дервиш-Али б. Шейх-Хайдар б. Шейх-Ахмед, также прибыл в Москву из Астрахани. Дервиш был вынужден бежать к своему родственнику (дяде по матери), ногайскому мирзе Исмаилу, а от него к московскому правителю. К зиме 1548–1549 гг. он оказался в Москве: в 1548 г. Дервиш-Али содержался там³⁵¹. Он был пожалован и стал жить в Темникове³⁵², недолгое время правил в Астрахани (октябрь 1537 – лето 1539 г.) при поддержке Ногайской Орды. Вторично правил там же в 1554–1556 гг.³⁵³

Как пишет В. В. Трепавлов, в Москве «жил он сытно, но скучно. В разговорах он сетовал на то, что государева жалованья ему платят много, «толко сижу во дворе в закуте. И государь бы пожаловал: ослободил поездити по полю погулять, чтобы как ветру позаняти»³⁵⁴. Тогда ему позволяли прокатиться по окрестностям, но в сопровождении стражи³⁵⁵. При этом Дервиш-Али импонировал ногаям, и они нередко призывали московского царя отправить его обратно в Степь³⁵⁶.

Зимой 1548–1549 гг. в Москву прибыло посольство от бия (предводителя) Шейх-Мамая б. Мусы с ходатайством отпустить Дервиш-Али посетить бия, а также свою мать и жену в ногайском лагере³⁵⁷. Москва согласилась на это, но с оговоркой, что Дервиш-Али принесёт клятву верности Москве перед отправлением, и что он возвратится в Московское государство после окончания визита. Со своей стороны Дервиш-Али и не изъявлял особого желания отъезда из Москвы. Он неоднократно заявлял о своём предпочтении

Московии, однако Иван IV настоял на его визите, обещая, что когда он возвратится, то «устроит его»³⁵⁸.

Вскоре, в январе 1549 г., Дервиш-Али отбыл в Ногайскую Орду, где он пробыл более двух лет. Судя по всему, там он сменил свои планы – он начал искать у них поддержки для новых претензий на астраханский трон. Вероятно, его интересы относительно Астрахани могли быть подогреты властным вакуумом, возникшим там после разорения ханства крымским ханом Сахиб-Гиреем в 1547 г.³⁵⁹ Как видим, политические предпочтения потенциальных претендентов на чингисидский трон могли сильно меняться в зависимости от их окружения.

В то же время Москва предпринимала попытки установить свой контроль над астраханским тронном. После падения Абд ар-Рахмана б. Абд ал-Керима в 1543 (?) г., и недолгого правления Аккубека б. Муртозы (1545–1546 гг.), Черкесы посадили нового хана, Ямгурчи б.

³⁵¹ Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. – М., 2001. – С. 222.

³⁵² Зайцев И. В. Астраханское ханство. – М., 2004. – С. 128.

³⁵³ Зайцев И. В. Астраханское ханство. – М., 2004. – С. 249.

³⁵⁴ Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. – М., 2001. – С. 222.

³⁵⁵ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – Махачкала, 1995. – С. 253.

³⁵⁶ Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. – М., 2001. – С. 222.

³⁵⁷ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – Махачкала, 1995. – С. 257.

³⁵⁸ «И устроим тебя» (Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – Махачкала, 1995. – С. 253, 258).

³⁵⁹ Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. – М., 2001. – С. 223–232; Зайцев И. В. Астраханское ханство. – М., 2004. – С. 139–142.

Бирдибека. К 1551 г. его положение, судя по всему, было очень непростым, и он послал в Москву запрос принять его и «юртом устроить». Москва сделала встречное предложение: вместо предоставления убежища московский правитель войдёт в союз с ханом. Хан принял предложение.

Весной 1551 г. Москва решила, что воссоединение Дервиш-Али с семьёй продолжается достаточно долго, и начала давить на Ногайскую Орду, чтобы те отпустили своего царского родственника назад в Москву. Сам Дервиш-Али в это время был у мирзы Белек-Булата б. Хаджи-Мухаммеда. Главный нураддин (второе лицо в Ногайской Орде) Исмаил б. Муса воспротивился такому развитию событий, сообщив, что он намеревается вновь посадить Дервиш-Али на астраханский трон. Иван IV сообщил, что он также не против такого плана, но хотел бы реализовать его несколько позже. А пока что Дервиш-Али должен возвратиться в Москву. Исмаил был против. Тогда Иван IV поставил ультиматум Исмаилу: «А похочешь к себе нашего добра и прямые дружбы, и ты б Дервиша царя з женою и з детми к нам прислал часа того с своим болшим послом. И мы Дервиша царя пожалуем своим великим жалованьем и юртом его устроим»³⁶⁰.

Очевидно, не желая жертвовать этой «дружбой» ради Астрахани, в итоге Ногайская Орда отправила Дервиш-Али в Москву. 16 октября 1551 г. Дервиш-Али прибыл в Касимов и уже на следующий день был отпущен в Москву³⁶¹.

По прибытии, Дервиш-Али незамедлительно призвал великого князя сделать его астраханским ханом: «чтобы его государь пожаловал, учинил его на Астрахани»³⁶². Вместо этого Иван IV и его бояре решили «устроить» его в Звенигороде³⁶³. Он получил его в январе 1552 г., а отправился туда в марте 1552 г.³⁶⁴ Он управлял им на протяжении 1552–1554 гг. (видимо, до приглашения в Астрахань занять трон)³⁶⁵. Согласно письму Исмаила от весны 1552 г., сын Дервиш-Али вскоре присоединился к своему отцу. Через год после захвата Казани Исмаил недоумевал, почему Иван держит Дервиш-Али в Звенигороде и не отпускает его ни в Ногайскую Орду, ни снаряжает рать на Астрахань.

Дервиш-Али держали в Звенигороде как возможного претендента на ханский трон в Астрахани (Дервиш-Али планировался как хан от Москвы, от Ногайской Орды планировался мангытский военачальник). Позже хан Дервиш-Али вторично занял астраханский трон при поддержке русских и правил там на протяжении 1554–1556 гг.

Однако вскоре ободрённая своим успехом на казанском направлении Москва решила поступить так же и с Астраханским юртом. В 1556 г. она пошла войною на Астрахань, чем вынудила правящего хана Дервиш-Али бежать (в Азов), и установила в городе прямое русское правление. Дервиш-Али более уже никогда не возвращался в Ногайскую Орду.

После Азова он оказался в Мекке³⁶⁶, а далее его следы теряются.

Падение двух татарских юртов – Казани и Астрахани – разрежало историю позднесолотоордынских связей на две части. Ещё до этого происходило постепенное изменение ракурса этих отношений. Первой точкой отсчёта этих изменений можно считать 1530-е гг. В это время в Касимовском ханстве происходит внедрение, наряду с властными структурами хана, «парал-

³⁶⁰ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. – Казань, 2006. – С. 50.

³⁶¹ Зайцев И. В. Астраханское ханство. – М., 2004. – С. 150.

³⁶² СГГД. – М., 1819. – Ч. 2. – № 39. – С. 49.

³⁶³ Сборник РИО. – СПб., 1887. – Т. 59. – С. 450.

³⁶⁴ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 357, 396; СГГД. – М., 1819. – Ч. 2. – № 39. – С. 48–50.

³⁶⁵ СГГД. – М., 1819. – Ч. 2. – № 39. – С. 49–50.

³⁶⁶ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 357–359, 397, ссылка № 148.

лельной», подчиняющейся Москве администрации. Вторая точка изменений – сам захват татарских юртов в 1552–1556 гг. Третья – назначение властью и волей Москвы в 1567 г. хана в Касимове (об этом будет сказано ниже). Поэтому неудивительно, что после взятия Казани и Астрахани поток Джучидов в Московию не уменьшился. Теперь Джучиды стали воспринимать Московское царство не как место, где можно переждать «истому», но как место постоянного пребывания, более удобное в сравнении с родиной. Вероятно, некоторые из них предположили, что векторы развития Степи изменились надолго, и двинулись на территорию бывшего «русского улуса» в поисках лучшей доли.

В первое 10-летие после падения Казани и Астрахани четыре Чингисида – Кайбула, Тохтамыш, Бек-Булат (Бик-Булат) и Ибак, прибыли на московскую территорию. Несмотря на то что сыновья двоих из них в итоге были крещены, сами они до конца жизни оставались мусульманами. В отличие от ханов Касимова, они не стали правителями собственных постоянных владений. Однако они были приняты в Москве с почётом, им были выделены юрты для содержания и их положение в московской армии было престижным и важным по значению.

Первый из списка – Кайбулла (Абдаллах б. Аккубек б. Муртаза), правнук Ахмеда, последнего хана Золотой Орды. Кайбулла прибыл из Астрахани в мае 1552 г., где его отец, Аккубек б. Муртаза, недолго правил в 1532–1533 гг. и 1545–1546 гг. Когда Кайбулла прибыл в Москву в мае 1552 г., в Астрахани правил его кузен Ямгурчи б. Бирдибек. Иван, провозглашавший дружественные отношения с Аккубеком, принял Кайбуллу с почётом и пожаловал его городом Юрьев-Польский с причитающимися доходами³⁶⁷. В мае 1552 г. Абдаллах б. Аккубек женился (или его женили) на племяннице Шах-Али, дочери бывшего казанского хана Джан-Али³⁶⁸. Умер Кайбулла в 1570 г., похоронен в Касимове в текие Шах-Али.

У Кайбуллы было пять сыновей, известных по источникам: Будади (1558–1583), Мустафа-Али, Арслан-Али, Саин-Булат и Муртаза-Али (Михаил Кайбуллович, будущий глава Земской Боярской думы). Лишь Муртаза-Али принял христианство (1570). После крещения он стал Михаилом Кайбулловичем (ум. около 1575³⁶⁹). Он также получил во владение земли от московского царя. В 1570 г. он владел Юрьевым-Польским, который до этого принадлежал его отцу. Возможно, параллельно он владел и Звенигородом – В. В. Вельяминов-Зернов писал, что он «в продолжение своей жизни держал Звенигород»³⁷⁰. В 1572 г. он обозначен как получатель Звенигорода³⁷¹, который до этого был владением Симеона Касаевича. Четверо других сыновей Кайбуллы не поменяли свою веру – остались мусульманами. Один из них, Мустафа-Али, в дальнейшем стал ханом Касимова (к 1584 или 1585 г.).

Последний из перечисленных выше султанов – Ибак (Ибрагим). Возможно, он был братом Кайбуллы. Он прибыл в Московское государство в конце 1558 г.³⁷², также был принят с почётом, обеспечен источниками существования, и позже получил Сурожик (1570)³⁷³.

Как представляется мне, выезжающие из Астрахани Джучиды по большому счёту владели только статусом и харизмой. Это были их основные плюсы. Фактически же в сфере реальной политики, они были марионетками в руках военных доминантов Астраханского ханства – Ногайской Орды и Черкесов, выполняя роль своеобразной формальной «надстройки» к их кочевой мощи. Как с самостоятельными политическими персонами с ними не считались, и они прекрасно знали это. Поэтому они были вынуждены подстраиваться под более влиятельные

³⁶⁷ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 393.

³⁶⁸ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 393.

³⁶⁹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1864. – Ч. 2. – С. 86.

³⁷⁰ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1864. – Ч. 2. – С. 86.

³⁷¹ ДДГ. – М.; Л., 1950. – С. 436–437.

³⁷² Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. – Казань, 2006. – С. 289.

³⁷³ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 456, 459, 460, 462–64, 470; СПб., 1864. – Ч. 2. – С. 1.

политические силы (в т. ч. и Москву) и принимать, за неимением лучшего, их предложения (например, «внутренние» юрты в Московии), хотя, по своей сути, эти лица и не были оседлыми (степная зона вокруг Астрахани не способствовала этому).

Статусных выходцев из Казани, Большой Орды времён её упадка, эмигрантов из Астрахани связывает то, что они представляли относительно слабые в военном отношении государства, которые объективно были не в состоянии воздействовать на важнейшие направления позднезолотоордынской политики. Таковы были реалии того мира – кто владел военной силой, тот владел всем. Харизма в степном представлении была «прикреплена» к военной мощи; иногда, слегка отсроченно, она шлейфом тянулась за уже несуществующей силой. Однако это продолжалось не вечно.

Ни Большая Орда, ни Казань периода 1500–1502 гг., ни Астрахань не могли говорить с Москвой с позиции силы. Поэтому выезжающие из этих мест лица охотно принимали то, чем завлекала их Москва – московские «внутренние юрты», русские города, которые периодически выдавались татарским знатым лицам в управление. Именно в отношениях с этими политическими образованиями Москва, на мой взгляд, отшлифовывала свой новообразованный институт как средство воздействия на татарский мир. В дальнейшем военная и политическая мощь Москвы возрастёт до такой степени, что она сочтёт возможным превращать целые государственные образования в разменные монеты своей внешней политики.

Одновременно с установлением прямого воеводского правления в поволжских ханствах и претензиями на царский титул московского правителя, в его взаимоотношениях с Джучидами происходили всё большие изменения. Начиная уже с Касима и Якуба, т. е. с середины XV в., русские летописи говорят о Джучидах в Московском государстве как о «служащих» великому князю. Дипломатические документы, напротив, вплоть до 1530-х гг. вообще не употребляют такие слова как «служить» и «служба», характеризуя отношения между Джучидами-переселенцами и великими князьями³⁷⁴.

Фразы, характеризующие действия московского правителя по отношению к прибывающим в Московию Джучидам, следующие: «взяти к себе», «дати опочив в своей земле», «истому подняти». При этом на сотнях страницах дипломатических документов рассматриваемого периода нигде не встречается исходящее от великого князя приглашение «служить» приезжающему Джучиду; ни разу не встречается и просьба Джучида «принять его на службу» к великому князю.

При этом по отношению к другим членам средневекового общества глагол «служить» охотно употребляется – к примеру, приглашая на Русь таманского князя из Конарио – Захарии Гуил Гурсиса (Гуйгериса) («Захарья»), великий князь прямо зовёт его «служить»: «а похочешь нам служити, и мы тебя жаловати хотим»³⁷⁵. Также термин «служба» употреблялся по отношению к нечингисидским татарским родам: в посольстве от Василия III в Крым от 1515 г. будущему представителю «промосковской партии» в Крыму мирзе (в дальнейшем князю) Аппаку предлагалось «служить» Василию³⁷⁶.

Факты, извлечённые из переписки Москвы с позднезолотоордынскими государствами, говорят о следующем. Терминология, отражающая пребывание Джучидов в Московском государстве, была политически нейтральной. Если она что-то и акцентирует, так это суверенность, которую Джучид мог ожидать, приняв предложение великого князя об «опочиве». Приведём пример из письма крымского хана Мухаммед-Гирея I от 1517 г. относительно принятия сына

³⁷⁴ Kennedy C. The Juchids of Muscovy. – L. 128.

³⁷⁵ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 41.

³⁷⁶ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 138.

хана в Мещерский городок: «А яз тебе сына своего дам, и ты б его там царем учинил, ино б один мой сын у тебя был»³⁷⁷.

Ханский сын «будет» с великим князем и будет править в Мещере. Ни больше, ни меньше.

Это не означало, что ни одна из сторон не рассматривала эти взаимосвязи как фактическую службу за материальную поддержку и защиту³⁷⁸. Однако признать это прямо опять-таки ни одна из сторон или не желала, или не решалась. Здесь мы наблюдаем столь часто встречающееся расхождение между формальными моментами и реалиями жизни. В источниках иногда всё же упоминаются термины «служить» и «служба», но не в прямой корреспонденции между великим князем и Джучидом-переселенцем.

Эти термины по отношению к Джучидам и даже целым чингисидским государствам использовались Москвой лишь в переписке с третьими сторонами, такими, например, как Литва (1517)³⁷⁹. В 1529 г. московскому послу к польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду Казимировичу велено было сообщать в ответ на возможный вопрос об отношениях с Казанью, что казанцы «служат государю нашему». То же самое рекомендовалось говорить и о Ногаях («Нагаи государю нашему служат»), и о бывшем казанском хане Шах-Али (он также «служит» Василию III). Однако в ответ на такой же вопрос в отношении Крыма данная фраза в наказе послу отсутствует³⁸⁰: на такую откровенную ложь Москва не осмеливалась даже в переписке с Литвой. Ногаи же, исходя из данных переписки Москвы с Литвой, «служат» московскому правителю и в 1536-м³⁸¹, и в 1555-м³⁸², и в 1563 г.³⁸³

По отношению к Джучидам, уже эмигрировавшим в Московское государство или собирающимся сделать это, Москва также иногда употребляла эти термины, но никогда в переписке непосредственно с татарскими государствами. Она могла себе позволить сделать это, общаясь опять-таки с третьими сторонами, не столь трепетно заинтересованными в выяснении чужих статусов. В заявлении османскому послу в 1514 г. Василий III для описания пребывания Абд ал-Латифа в Московском государстве использовал термин «служить» («а нам служит») ³⁸⁴. Исходя из этого известия можно сделать вывод, что Василий рассматривал Абд ал-Латифа как находящегося у него на службе, хотя он не осмелился заявить об этом в шерти Абд ал-Латифа 1508 г.

В 1492 г. Менгли-Гирей писал Ивану III, заявляя, что он (хан) слышал, что Иван обещал юрт джучидскому султану Мухаммед-Шейху б. Муртозе (Мамишек) при условии, что «на мое (Ивана III. – Б. Р.) дело здесе живучи служил бы еси»³⁸⁵. Однако данные слова являются всего лишь переданным из третьих уст заявлением Ивана, и, естественно, могли быть сильно искажены в процессе передачи, и потому не являются свидетельством того, что Иван приглашал Мамишека «служить». О чём действительно свидетельствует данное заявление, так это о том, что крымский хан вполне мог быть в курсе того, что юный султан-Джучид мог служить великому князю³⁸⁶, и это не вызывало у него протеста.

Важным моментом является то, что в прямой корреспонденции между великими князьями и эмигрантами-Джучидами (либо потенциальными иммигрантами) термин «служба»

³⁷⁷ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 389.

³⁷⁸ Kennedy C. The Juchids of Muscovy. – L. 129.

³⁷⁹ Сборник РИО. – СПб., 1882. – Т. 35. – № 85. – С. 530, 531.

³⁸⁰ Сборник РИО. – СПб., 1882. – Т. 35. – С. 774–775.

³⁸¹ Сборник РИО. – СПб., 1887. – Т. 59. – С. 55.

³⁸² Сборник РИО. – СПб., 1887. – Т. 59. – С. 479.

³⁸³ Сборник РИО. – СПб., 1892. – Т. 71. – С. 154.

³⁸⁴ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 100–101.

³⁸⁵ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 151.

³⁸⁶ Kennedy C. The Juchids of Muscovy. – L. 130.

длительное время старательно избегался. Отношения «службы», несомненно, подразумевают однозначное подчинение слуги господину. По-видимому, эти «служебные» отношения принимались сторонами только тогда, когда обе стороны осознавали явное неравенство в своём статусе относительно друг друга. Скорее всего, осознание такого неравенства в отношениях между великими князьями и Джучидами не возникало ранее середины XVI в.

На мой взгляд, дипломатическая переписка с татарским миром отражает политические реалии того времени (до середины XVI в.) в отношениях московского правителя с Джучидами (сотрудничество, взаимное использование, иногда фактическая служба Джучидов, формально не заявляемая); в контактах же с третьими сторонами Москва выдавала желаемое за действительное (безусловная служба татар Москве), существенно опережая время. Проще говоря, Москва не решалась подтасовывать факты в этом вопросе, контактируя с позднезолотоордынскими государствами, так как тут же получила бы резкую обратную связь не только словом, но и делом (этого не стоило исключать со стороны Крыма). Третьи же стороны не были жизненно заинтересованы в установлении положения Москвы и татарских государств относительно друг друга, и потому спокойно смотрели на приукрашивания и откровенную ложь со стороны официальных лиц Посольского приказа и его прототипов, только изредка сетуя на эти казусы, переписываясь непосредственно с татарским миром³⁸⁷.

Из-за неудобности термина «служба», должна была быть изобретена альтернатива «служебным» отношениям. Необходимость в ней возникала тогда, когда татарин высокого ранга находился на подвластной московскому правителю территории Московии, но они не мыслили себя как неравноправных партнёров. В этой ситуации альтернативой могло быть установление отношений «послушания». В таком случае один из двух партнёров соглашался «подчиниться» другому, особенно в военных предприятиях. В отличие от «службы», здесь не присутствовал оттенок явного понижения статуса одного партнёра по отношению к другому, выраженный, например, в фразе «прямой слуга» или акте коленопреклонения³⁸⁸.

Если соглашение 1508 г. между Абд ал-Латифом с Василием характерно для отношений между эмигрантами-Джучидами и великими князьями в целом, то можно признать, что отношения «послушания» в них явно присутствовали. В многочисленной документации, сопровождавшей переговоры и непосредственное принятие данного документа, ни разу не указана «служба» Абд ал-Латифа; ни разу он не преклонил коленей перед великим князем, ни разу не назвал себя «прямым слугой» московского правителя или ни разу явно как-либо по-иному не признал своё приниженное положение перед последним. Однако он обещал следующее: «... и быти мне Абды Летифу царю послушну во всем тебе великому князю Василью Ивановичю всеа Руси»³⁸⁹.

Данные слова явно контрастируют с клятвами того же времени, приносившимися знатными московскими боярами и другими приближёнными ко двору людьми, в которых они смиренно выказывают свою верную службу великим князьям³⁹⁰.

К середине XVI в. влияние великого князя стало достаточно велико для того, чтобы в отношениях с Джучидами начал присутствовать вариант «служебных» связей. Одно из свидетельств этого мы находим в отношениях с астраханским ханом Дервишем-Али б. Шейх-Хайдаром. Зимой 1548/1549 г. Москву посетило ногайское посольство с запросом разрешить Дервишу-Али посетить ногайские кочевья. Во время приёма, при котором ногайское предложение

³⁸⁷ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 360.

³⁸⁸ Kennedy С. The Juchids of Muscovy. – L. 130.

³⁸⁹ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 51.

³⁹⁰ См., например, «записи... о верной службе»: СГГД. – М., 1813. – Ч. 1. – № 146, 149, 152, 153, 154, 157, 159, 162.

было озвучено перед ханом, произошло следующее: «Став на коленях (Дервиш-Али. – Б. Р.), учал говорить речь. И царь и великий князь велел ему говорить стоя»³⁹¹.

Дервиш-Али продолжил следующей просьбой: «Чтоб ты, государь, пожаловал меня: взял к себе в службу... И яз, государь, тебе везде холоп и служить рад, сколько моя мочь»³⁹².

Однако Иван Грозный отказался выполнить просьбу Джучида, предложив ему в альтернативу совершить визит в Ногайскую Орду: «И, видевся с Ших-Мамаем, приедешь к нам служить, и мы тебя тогда пожалуем: в службе себе примем и устроим тебя»³⁹³.

Ситуация стала достаточно резко меняться после захвата Казани в 1552 г.: в течение 1550-х гг. дипломатические источники начинают более регулярно говорить о приездах Джучидов на «службу» великому князю. Когда, к примеру, бий Ногайской Орды Исмаил призывал Ивана IV о снисхождении к плененному казанскому хану Ядгару б. Касиму, тот отвечал следующим образом: «А что еси писал к нам о Едигере царе, и тебе и наперед сего ведомо, что Едигеря царя тебя для есмя пожаловали и лиха ему некоторого не учинили твоеи же для дружбы, что ты к нам прямой друг. И мы ево тебя [для] юртом устроили по тому ж, как и Шигалея царя. И Едигерь царь нам бил челом, похотел в нашей вере быти и нам служить, и мы ему волю дали. И он своею волею в нашей вере учинился. А не мы ево изневолили, сам похотел. И Едигерь ныне в нашей вере. А по нашей вере зовут ево Семеном и женился в нашей земле, и из нашии земли никуды ехати не хочет»³⁹⁴.

Другой пример можно найти в грамоте брату Ядгара, Касбулату (Хаспулат-Гирей б. Даулет-Гирей). В 1558 г. до Москвы дошли сведения, что он вместе с другим беглецом из Астрахани Бекбулатом (известным также как Кам-Булат), пребывав в ногайских кочевьях, но желал переместиться в Московское государство.

«Касбулату царевичю слово то. Бил нам челом брат твои Семен царь, что хочешь ехати к нам служить, а нам бы тебя пожаловати своею любовью, прислати бы к тебе своя опасная грамота. И мы, являя к тебе свою любовь, свое жалованье – опасную грамоту к тебе послали. И ты б по сеи нашей опасной грамоте поехал к нам служить. И как, Бог даст, будешь у нас, и мы тебя своим жалованьем пожалуем, и устрои тебе в своей земле учиним»³⁹⁵.

Это письмо содержит первое приглашение к Джучиду, находящемуся за пределами Московии, приезжать именно служить великому князю и царю³⁹⁶.

Судя по всему, Касбулат не откликнулся на приглашение Москвы, хотя так сделал Бек (Кам) – Булат, возможно, со своим сыном Саин-Булатом. Так же сделал и брат Кам-Булата, Тохтамыш б. Бахадур, который прибыл примерно между 1556 и 1557 гг. (упоминается до 1562 г.³⁹⁷). Интересно, что в отличие от грамоты к его брату Касбулату, письмо Ивана IV к Тохтамышу не содержит упоминания о «службе»: «И ты б, Тахтамыш салтан, поехал к нам по сеи нашей грамоте. А мы тебя в своей земле юртом добрым устроим и в великой любви себе учиним. И почесть тебе у себя учиним свыше иных царевичев (выделено мной. – Б. Р.). А которое слово о любви молвили есмя, и то слово иноко не будет. Одноконечно бы еси к нам ехал безо всякого сумненья. А ся тебе наша грамота и опасная»³⁹⁸.

Можно предположить, что неупоминание о службе связано с очевидными попытками Ивана оказать почтение потенциальному иммигранту. Москва могла понимать, что Тохтамыш,

³⁹¹ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – Махачкала, 1995. – С. 257.

³⁹² Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – Махачкала, 1995. – С. 257.

³⁹³ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – Махачкала, 1995. – С. 258.

³⁹⁴ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. – Казань, 2006. – С. 138.

³⁹⁵ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. – Казань, 2006. – С. 263.

³⁹⁶ Kennedy C. The Juchids of Muscovy. – L. 133.

³⁹⁷ Беляков А. В. Астраханские Чингизиды в России XVI–XVII вв. // Ислам в центрально-европейской части России: энциклопедический словарь. – М., 2009. – С. 28–29.

³⁹⁸ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. – Казань, 2006. – С. 214.

вероятно, не пожелал бы приезжать «на службу» в Московское государство. В отличие от Касбулата, он был представителем поколения Касима и Аккубека, астраханских ханов 1520–1540-х гг. Оба были его кузенами. Согласно письму, он был вторым кузеном Шах-Али. Таким образом, он был Джучидом старшего поколения, которое ещё помнило времена татарского превосходства, и разговаривать с ним в безапелляционном тоне Москве не пристало³⁹⁹. Другим показателем высокого положения являлось то, что когда бий Ногайской Орды Исмаил собирался восстановить джучидское ханство в Астрахани в 1557 г., он написал запрос в Москву прислать ему Тохтамыша как кандидата на трон⁴⁰⁰. По русским летописям, Тохтамыш принял приглашение Москвы и выехал в Московское государство в 1556 г.: «Тогож месяца (декабря 7065. – Б. Р.) пришел из Нагаи царевич Тахтамыш, а царю Шигалею брат, а был много лет в Крыме и хотели его на царство, а Девлет Кирея убити хотели; и царь сведал, от того уберегся, и Тахтамыш в Нагаи выбежал к Исмаилю князю, и Исмаиль его отпустил служить Царю и великому князю, а с ним прислал посла своего Бихчюру»⁴⁰¹.

К середине XVI в. Москва начала, по крайней мере, выборочно упоминать о «службе» в своих приглашениях к Джучидам, ещё находившимся в Степи. В последние десятилетия XVI в. это упоминание стало звучать всё более явно. В своих отношениях с сибирским ханом Кучумом московский правитель уже игнорировал претензии на равенство, приняв позицию превосходства. Военные захваты Иваном исконно татарских государств – Казани и Астрахани – в 1552–1556 гг. фактически разрушило прежде исправно работавшую систему, где татарская сторона по праву коллективного сюзерена занимала превосходящие позиции. Весь позднезолотоордынский мир изменился. Это не замедлило сказаться на положении такого чувствительного к внешнеполитическим событиям организма, как Касимовское ханство.

Когда в 1567 г. скончался касимовский хан Шах-Али, необходимо было назначить нового правителя в Мещеру.

Иван Грозный предпринял интересный дипломатический манёвр. В грамоте к крымскому хану Даулет-Гирею б. Мубарек-Гирею, отправленной в январе 1568 г., он предложил ему отпустить одного из своих младших сыновей на трон в Касимов⁴⁰². Грамота была озвучена 11 апреля. Однако вскоре было объявлено о ханском решении – не отправлять султана «на Касимов»⁴⁰³. Хан не принял это заманчивое предложение московского правителя.

Предложение Москвы о Касимове для Бахчисарая в итоге так и осталось нереализованным. В обстановке серьёзных претензий Крыма к Москве после захвата Казани и Астрахани, русский царь согласился на передачу трона Касимовского ханства крымскому выходцу, на что категорически не соглашался в 1510-х гг.⁴⁰⁴ Касимов пытались сделать разменной монетой московского внешнеполитического ведомства, однако в силу обстоятельств он пока им не стал.

После того как московскими юртами стали и Казань, и Астрахань, особой необходимости в Касимовском ханстве как символе чингисидской харизмы под патронатом Москвы, средстве виртуального предъявления претензий на наследие Саина, уже не было. Стала практически ненужной его функция как буферной фронтальной зоны на восточных окраинах Московского государства. Поэтому, видимо, московское руководство решило свести его статус до уровня «внутренних московских юртов», таких как Кашира, Серпухов, Звенигород и других, которыми оно распоряжалось абсолютно свободно, по своему усмотрению. Владея такими важными позднезолотоордынскими государствами, как Казань и Астрахань, Москве можно было

³⁹⁹ Kennedy C. The Juchids of Muscovy. – L. 134.

⁴⁰⁰ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. – Казань, 2006. – С. 254.

⁴⁰¹ Цит. по: Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. 1. – С. 426–427.

⁴⁰² Виноградов А. В. Русско-крымские отношения: 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. – М., 2007. – Ч. 2. – С. 78–79.

⁴⁰³ Виноградов А. В. Русско-крымские отношения... – Ч. 2. – С. 126–127.

⁴⁰⁴ См.: Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. – Казань, 2009. – С. 136–140.

позволить себе посадить в Мещере представителей недружественного на тот момент государства, т. к. ценность Касимова резко снизилась после событий середины XVI в. Однако Крым не принял московскую инициативу.

В этом контексте Москва нашла другой способ использовать Касимов как средство для повышения своего собственного статуса в стремительно меняющемся позднезолотоордынском мире.

Касимовским правителем стал султан Саин-Булат, сын султана Бекбулата, осевшего в Московском государстве около 1560 г. Как писал В. В. Вельяминов-Зернов, после назначения в Касимов титул этого султана («царевича») поднялся до титула «хана» («царя»). Это весьма показательно, т. к. правление в Мещере до этого момента само по себе не давало права на «царский» («ханский») титул (согласно московским документам; как обозначают правителя Касимова татарские источники, нам неизвестно). Никто из тех, кто до назначения в Касимов не правил в каком-либо традиционном ханстве за пределами Московии (т. е. в Крыму, Казани, Астрахани, Большой Орде), не имел титула «хана» («царя»); они так и оставались «султанами» («царевичами»). Саин-Булат же получил титул «царя» («хана») только по факту правления в Касимове⁴⁰⁵. Почему это произошло и о чём свидетельствует данный факт?

До аннексии татарских государств в середине XVI в. Москва не могла себе позволить назначать ханов даже в полунезависимом татарском владении, каковым являлось Касимовское ханство. У неё попросту не было на это правовых полномочий. Хотя не исключено, что в татарском мире наименование правителя Касимова до занятия этого трона, не правившего ни в одном из независимых татарских ханств, и звучало как «хан»⁴⁰⁶, русские источники всегда именovali таковых только «царевичами» («султанами»), подчёркивая «неполноценность» юрта в Мещере, находящегося в вассальной зависимости от Москвы. В противном случае получалось бы, что правители более низкого ранга (Москва) облачают знаками власти правителей формально более высокого ранга (татарское ханство – Касимов). Это означало бы самовозведение московской династии на принципиально более высокий уровень – действие, на которое у московских правителей не было прав. Московская высшая прослойка долго не решалась возвысить статус династии Рюриковичей-Даниловичей посредством позволения себе самой «творить» ханов из султанов.

Такие основания появились после военных захватов Казани и Астрахани. Как я уже отмечал, в Степи считалось, что харизмой обладал тот, кто одерживал победу в военных сражениях. Назначение Саин-Булата в Касимов было первым после того, как Иван IV принял титул «царя» в 1547 г. и первым после завоевания Казани и Астрахани. Как царь Московии и хан Казани и Астрахани, Иван IV теперь мог обоснованно осуществлять своё право на назначение зависимого хана в пределах своего государства⁴⁰⁷ – титул «царя» позволял это. В понимании некоторых представителей татарской элиты и, главное, в своём собственном представлении, Иван IV стал старшим государём по отношению к татарским правителям Заволжья и Сибири, овладев территориями полноценных джучидских юртов. С 1567 г. назначение ханов в Мещеру продолжалось до 1614 г.⁴⁰⁸, и таким же образом московские правители намеревались поступить с Астраханью, и поступили с Сибирью.

Имея за плечами опыт испомещения татарских выходцев в центральных областях России, после захвата Казани и Астрахани, окончательно низведя Касимовское ханство в 1567 г.

⁴⁰⁵ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1864. – Ч. 2. – С. 3, 25–26, 84, 107.

⁴⁰⁶ «... в татарских ханствах коронованный правитель из дома Джучи не мог называться султаном» (Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. – Казань, 1979. – С. 157). Первое лицо Касимовского ханства, безусловно, было «коронованным правителем» – его поднимали на белой кошме карачи-беки (см. данные Кадыр Али-бека в книге: Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1864. – Ч. 2. – С. 400–409).

⁴⁰⁷ Kennedy С. The Juchids of Muscovy. – L. 150.

⁴⁰⁸ См.: Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII вв.: просопографическое исследование. – Рязань, 2011. – С. 274–278.

до статуса марионеточного юрта, Москва, по всей видимости, устремила свои взоры на новые горизонты. Искусство дипломатии было полезно во внешней политике: ещё было сильно в военном отношении Крымское ханство, и говорить с ним только с позиции силы было и неэффективно, и небезопасно. Поэтому институт «московских юртов» получил своеобразную «растяжку»: в них стали «превращать» прежде независимые татарские государства, чтобы более эффективно (и эффектно) играть на внешней сцене. Неудивительно, что первым в этом ряду стало бывшее Астраханское ханство.

В позднезолотоордынскую эпоху Астрахань оставалась символом прошлого могущества империи Чингис-хана. Крымские правители желали сделать Астрахань своей с момента возникновения Крымского ханства. С конца 1560-х гг. требование «вернуть» Астрахань стало главной темой московско-крымских отношений. Мысли посадить в Астрахани младших Гиреев под московским верховенством время от времени возникали и у Ивана Грозного⁴⁰⁹.

После похода 1571 г. хана Даулет-Гирея на Москву правителями двух государств обсуждался также и вопрос о «возврате» Крыму Астрахани. Московские послы должны были предотвратить новый поход⁴¹⁰.

Иван Грозный просил гарантий безопасности для русского населения города. Фактически Иван IV желал сохранения московской «опеки» над Астраханью: «нашему боярину в Астрахани быти»⁴¹¹. Ещё в 1555 г. в переписке с Литвой Москва заявляла, что «царь Дербыш живет в Астарахани имени для (выделено мной. – Б. Р.), а дела всякие делает царя и великого князя наместник»⁴¹²; видимо, подобное положение вещей намеревались сохранить и при крымском ставленнике. В Москве не исключали перехода Нижнего Поволжья под формальный контроль крымской стороны. Иван, очевидно, пытался в крайнем случае превратить Астрахань в некое подобие Касимовского ханства 2-й половины XVI в.⁴¹³

Крымские Гиреи получили Астрахань для представителя своей династии. Однако ситуация, из-за которой это произошло, была скорее курьёзной. Неслучайным кажется, что это случилось только в конце XVI в., после истории с предложением касимовского престола крымскому царевичу, сыну Даулет-Гирея. Посмотрим, как это происходило.

В результате династического конфликта в Крыму летом 1584 г. на Северный Кавказ бежали три брата: хан Саадет-Гирей и султаны Мурад-Гирей и Сафа-Гирей, все – дети хана Мухаммед-Гирея II. Они были изгнаны их дядей Ислам-Гиреем II. В результате соглашения между братьями было решено, что Мурад-Гирей заручится поддержкой московского правителя. В Москве же решили извлечь из ситуации максимальную выгоду и это практически получилось.

Летом 1586 г. султан Мурад-Гирей выехал в Астрахань. Осенью этого года Крымское ханство, Ногайская Орда, а также все «черкасы» узнали про это. Мурад-Гирей воцарился в Астрахани в качестве брата законного крымского «царя» Саадет-Гирея. Со стороны Москвы целью посылки трёх султанов на юг была попытка сдерживания крымского хана Ислам-Гирея II и восстановление дружественных отношений Московского государства с Большой Ногайской Ордой⁴¹⁴.

⁴⁰⁹ Виноградов А. В. Мурад-Гирей в «Астрохани». К истории политики России на Нижней Волге и на Кавказе в 1586–1591 гг. // История народов России в исследованиях и материалах. – М., 2011. – Вып. 5. – С. 154.

⁴¹⁰ Виноградов А. В. Русско-крымские отношения... – Ч. 2. – С. 206.

⁴¹¹ Виноградов А. В. Русско-крымские отношения... – Ч. 2. – С. 206.

⁴¹² Сборник РИО. – СПб., 1887. – Т. 59. – С. 479.

⁴¹³ Виноградов А. В. Русско-крымские отношения... – Ч. 2. – С. 206.

⁴¹⁴ Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. – М., 2001. – С. 334; Виноградов А. В. Мурад-Гирей в «Астрохани». К истории политики России на Нижней Волге и на Кавказе в 1586–1591 гг. // История народов России в исследованиях и материалах. – М., 2011. – Вып. 5. – С. 144.

18 июля 1586 г. Мурад-Гирею объявили об отпуске в Астрахань⁴¹⁵. В июле царевич присягал московскому царю Фёдору за себя и своих братьев – царя Саадет-Гирея и царевича Сафа-Гирея в том, «... что быти им под государевою рукою в ево государеве жалованье и воле, и жити под Астараханью, и во всем государю лиха не хотети, и стояти против государевых недругов»⁴¹⁶.

В Разрядной книге 1475–1605 гг. написано: «То го же года июля в 18 день отпустил государь крымского царевича Мурат Кирея Магмет Киреевича в Астрахань, а из Астрахани ему идти промышлять под Крым, а взем Крым, сести ему на Крыме царем, а служить ему царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Русии»⁴¹⁷.

Статус султана в Астрахани установить непросто. Частично астраханские доходы шли в Крым. Фёдор, возможно, обещал разностороннюю, в том числе и военную, помощь братьям в их борьбе за Крым. Мурад-Гирей в свою очередь, по А. В. Белякову, бил челом московскому царю о холопстве, становился его подданным и, по-видимому, отказывался от права отъезда⁴¹⁸. Братья Мурад-Гирея от «прямого холопства» отделились.

В целом ситуация с «посажением» Мурад-Гирея в Астрахани не являлась уникальной и новой для Москвы. Выехавший из позднезолотоордынского государства султан, имевший права на его престол, сажается на имевшееся «в наличии» свободное место, чтобы при удобном случае угрожать тому юрту, откуда он выехал, а то и пытаться усадить его на крымский трон. Также на Мурад-Гирея возлагались московским правителем и другие внешнеполитические надежды.

Для нас здесь важна эволюция статуса Астрахани в русском понимании: из столицы независимого Чингисидского государства она превратилась в город, которым можно «жаловать» того, кого Москва сочтёт необходимым, как это делали в период 1490–1590-х гг. с городами, расположенными в центральных уездах России (Кашира, Звенигород, Юрьев-Польский, Серпухов и другие). Не только собственные «внутренние юрты», не только Касимов, который потерял остатки своей автономии, но после середины XVI в. уже и «тронное владение», каким после разгрома большеордынской ставки стала Астрахань, стало полной собственностью Москвы, по крайней мере в её глазах.

Однако ещё не все татарские государства были «под рукою» московского царя. Поэтому вскоре данную, уже апробированную модель политической «эволюции» Москва применила в отношении целого государства, бывшего формально ещё независимым, а именно в отношении Сибирского юрта. В своих отношениях с сибирским ханом Кучумом б. Муртазой б. Ибрагимом (Ибаком) Москва уже преднамеренно не замечала претензии на равенство, приняв позицию превосходства.

В 1593–1594 гг. хан Кучум отправил русскому царю Фёдору Ивановичу послание, которое, к сожалению, не сохранилось. Два более поздних письма из Москвы хану, впрочем, немного пересказывают его содержание. Сибирский хан, очевидно, призывал Москву «отдать» ему его юрт, освободить его племянника, и вновь определить его в «царское жалованье под царскую высокую руку»⁴¹⁹. Фёдор был готов даровать эти блага, по крайней мере, частично: «Хотели тебя пожаловати, устроить на Сибирской земле царем, как было тебе быти в нашем царском жалованье вперед крепку и неподвижну»⁴²⁰.

Примерно около 1597 г. в Москве получили послание, где хан вновь просил себе ханства, в этот раз уже конкретно указывая прибрежные территории Иртыша как желаемую местность.

⁴¹⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. – М., 1984. – Т. 3. – Ч. 2. – С. 88; Разрядная книга 1559–1605 гг. – М., 1974. – С. 215.

⁴¹⁶ Опись архива Посольского приказа 1626 года. – М., 1977. – Ч. 1. – С. 79.

⁴¹⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. – М., 1984. – Т. 3. – Ч. 2. – С. 88.

⁴¹⁸ Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII вв.: просопографическое исследование. – Рязань, 2011. – С. 286.

⁴¹⁹ СГГД. – М., 1819. – Ч. 2. – С. 131, 133.

⁴²⁰ СГГД. – М., 1819. – Ч. 2. – С. 133–134.

Его просьба вызвала к жизни два ответа из Москвы: одно от Фёдора Ивановича, второе от его собственного сына султана Абу-л-Хайра. Судя по многочисленным текстуальным сходствам в письмах, похоже, что Абу-л-Хайр писал под диктовку вельможей из Посольского приказа⁴²¹.

В письме Абу-л-Хайр выражал надежду, что «ваше (Кучума. – Б. Р.), чаем, цареву величество ныне похочет быть под великого государя, его царского величества рукою»⁴²². Он уговаривал отца приехать в Московское государство «быти при царском величестве, при его пресветлых очех», где он получит полную благосклонность – города, земли и деньги – в полном соответствии с его статусом⁴²³. Чтобы уверить хана в том, что отношение к нему в Московии будет адекватным, Абу-л-Хайр подчёркивал, что у московского правителя уже находятся на службе множество ханов и султанов: «А у великого государя царя и великого князя Фёдора Ивановича всеа Руси Самодержца, у его царского величества служат многие цари и царевичи... и изо м[ногих] государств государские дети, и те все в [его?] жалованье живут без оскуденья»⁴²⁴.

Если же хан Кучум всё же решит вернуться в свой юрт в Сибири, то тогда Фёдор «своим царским жалованьем пожалует, [в Сиб]ирской земле царем велит быти»⁴²⁵.

Письмо московского царя было во многом идентично письму Абу-л-Хайра. В самом начале письма Фёдор делал недостоверное с точки зрения соответствия исторической истине заявление, что Сибирь издавна являлась «вотчиной» великих князей, начиная с XV в.: «Из давних лет Сибирское государство была вотчина прародителей наших... как еще на Сибирском государстве был дед твой Ибак царь, и з Сибирские земли всякую дань давали нашим прародителем великим государем царём»⁴²⁶.

Москва заявляла, что Сибирь изначально подчинялась великим князьям. Эта претензия была отражена также и в титуле царя: «Всея Сибирские земли и северные страны повелитель и государь»⁴²⁷.

И ещё ранее Москва декларировала, что Сибирь является её «юртом». В грамоте от Ивана IV к ногайскому бию Исмаилу от 1563 г. говорилось: «А дочери твоее, которая была за сибирским князем, и сына ее, а твоего внука, х тебе не отпустили есмя, потому что зять твой был на Сибири на нашем юрте (выделено мной. – Б. Р.), и дань нам с того Юрта не давал... И мы вперед хотим того Юрта доступати, и за то ему мстити, и внуком твоим промыслити, чтобы он вперед на том Юрте был»⁴²⁸.

Фёдор завершал своё письмо к хану-«отступнику» заявлением, что если последний желает «служить» московскому царю, он волен приезжать в Московское государство: «Объявляем, чтоб ты, Кучюм царь, ехал к нашему царскому величеству, будет похочешь нашему царскому величеству служити... и наши царские прес[ветлые] очи видишь»⁴²⁹.

Письмо Фёдора было заявлено как «повеленье» (возможно, на тюрки оно было переведено как «ярлык»)⁴³⁰. Потенциальная «служба» Кучума была отмечена безо всяких витиеватостей, так же как и «служба» Москве других ханов и султанов.

В представлении Москвы, вероятно, к 1590-м Сибирь фактически не являлась более юртом Кучума, но скорее была московским владением. К этому моменту Москва приобрела

⁴²¹ Kennedy С. The Juchids of Muscovy. – L. 144.

⁴²² СГГД. – М., 1819. – Ч. 2. – С. 131.

⁴²³ СГГД. – М., 1819. – Ч. 2. – С. 131–132.

⁴²⁴ СГГД. – М., 1819. – Ч. 2. – С. 132.

⁴²⁵ СГГД. – М., 1819. – Ч. 2. – С. 132.

⁴²⁶ СГГД. – М., 1819. – Ч. 2. – С. 132.

⁴²⁷ СГГД. – М., 1819. – Ч. 2. – С. 132.

⁴²⁸ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. – Кн. 6. – Лл. 188–188об.

⁴²⁹ СГГД. – М., 1819. – Ч. 2. – С. 134.

⁴³⁰ СГГД. – М., 1819. – Ч. 2. – С. 132.

как военную силу, так и дипломатические возможности «сделать его ханом в его бывшем юрте».

Присвоив себе право назначать хана в Сибири несколько напоминает прежние претензии московских князей на Казань, когда они присваивали себе право на «посаждение» ханов в одном из традиционных татарских юртов. Однако до 1552 г. московские правители, претендуя на роль сюзеренов Казани, никогда не претендовали на саму Казань как на свою собственность. Лишь после аннексии назначение ханов в Казанском ханстве было прекращено. То, что Фёдор предлагал в Сибири, было несколько иным. Предлагая Кучуму сделать его ханом в Сибирском юрте, московский правитель в действительности назначал Джучида на ханство в пределах своего собственного владения, как он полагал⁴³¹. Не захватив ещё Сибирское ханство, он уже мыслил Сибирь как свою. То, что вначале осторожно проделали со статусом Касимовского ханства, развили в случае с Астраханью, получило своё завершение на примере Сибирского ханства. Полноценный, бывший ещё формально независимым татарский юрт, ханство, в понимании Москвы превратился в её собственность. Таков был логический итог эволюции положения Москвы в позднезолотоордынском мире к концу XVI в.

К концу XVI в. Москва стала позволять себе «забывать» своё прежнее зависимое положение от татар, отрекаясь от него, как от чего-то никогда не существовавшего. Однако она делала это только в общении с третьими сторонами, но никогда в контактах с самим татарским миром. В 1566 г. в контексте претензий Москвы на Ливонию литовский представитель трезво заметил, что довод, что Ливония является вотчиной московских государей только потому, что её «воевывали» прежние московские правители, абсурден. Развивая свою мысль, он язвительно спросил московских послов: «... а в хрониках написано, что в прежние лета Татарове и Москву воевали и иные места, и Татаром те места вотчиною не называти ли?»

Ответом ему была раздражённая отповедь: «мы того не слыхали, чтобы Татарове Москву воевывали, того не написано нигде (выделено мной. – Б. Р.), а в свои хроники что захотите, то пишете, тех речей бесплодных нечево и говорити»⁴³².

К концу XVI в. более чем трёхсотлетняя история взаимосвязей Степи и Москвы превратилась для последней в «бесплодные речи».

---

⁴³¹ Kennedy C. The Juchids of Muscovy. – L. 147.

⁴³² Сборник РИО. – СПб., 1892. – Т. 71. – С. 395.

Глава 4

Касимовское ханство и другие юрты как «мост» между Москвой и татарскими государствами

Как мы видели в предыдущих главах, история взаимоотношений Москвы и татарского мира была весьма неоднозначной, и далеко не всегда её можно свести к постоянным военным конфликтам. Вектор прагматического сотрудничества в этих отношениях явно присутствовал. Одной из форм сотрудничества были выезды татарской элиты в Московское государство, а незапланированным плодом этих выездов был институт «юртов» – «русско-татарских» городов, которые выступали как места постоянного или временного проживания и средства материального содержания выезжего из Степи династа. Юрт был уникален тем, что позволял встраивать выезжающих из позднезолотоордынских государств в московское общество и государство, не меняя ничего в их структуре. Это было удобно и практично.

Несмотря на незапланированность и в некоторой степени чужеродность данного института (его родиной была татарская Степь), он стал важным связующим звеном между татарским кочевым и московским оседлым мирами, точкой взаимосвязи их политических культур. Юрт вводил прибывающих династов во внутреннюю политику Московского государства, т. к. они элементарно начинали проживать на его территории, и в то же время он представлял Москву на внешнеполитической сцене, т. к. служил местом свободного отъезда и приезда татарской знати, иногда «тронным местом», неким аналогом «настоящих» татарских государств. В целом этот институт являлся одним из инструментов, включавших само Московское государство в позднезолотоордынский мир и его политическую культуру. Он был одним из «ворот», которые вводили Москву в татарскую Степь.

Татарские анклавные занимали место и на внешнеполитической сцене, несмотря на то, что географически некоторые из них находились в самом сердце Московии. Их роль во внешней политике как Москвы, так и татарских государств не зависела от их местоположения и была в некотором роде «виртуальной». Важным было то политическое значение, которое им придавалось как с одной, так и с другой стороны. Благодаря включённости, в основном посредством института свободного приезда-отъезда татарской знати, как в мир татарской Степи, так и в православный мир Московского царства, они служили местом особого «политического фронта» (фронт – пограничье), точкой, где как политически, так и культурно пересекались и соединялись два мира – татарский и русский, кочевой и оседлый, мусульманский и православный. Что понимается под «политическим фронтом», будет показано в следующей главе.

Во взаимоотношениях Степи и северо-восточных русских княжеств немаловажное значение играл географический фактор – чем ближе к Степи, тем более интенсивно данная территория была вовлечена в мир Дешт-и-Кипчака. Возможно, поэтому в Литве поселения татар не привели к образованию государственных образований (юртов). Данные земли находились далеко от Дешт-и-Кипчака (дальше, чем Москва), и источники не сохранили данных о проживании на них тюркского населения до приезда Джучидов, т. к. рядовые переселенцы просто не доезжали до них⁴³³. Московия же вовлекалась в мир Степи в том числе и через свои пограничные зоны – прежде всего, Рязань, а также Нижний Новгород⁴³⁴, которые позднее стали

⁴³³ Подробнее от татарах в Литве см.: Русина Е. В. Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева «тьма» // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. – М., 2001. – Вып. 10. – С. 144–152; Думин С. В. Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском (XV–XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. 1987 г. – М., 1989. – С. 107–113.

⁴³⁴ Подробнее о них см.: Рахимзянов Б. Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. – СПб., 2016. – С. 177–181.

неотъемлемой частью Московского государства, но и до этого были тесно вплетены в паутину московской политики.

Географически не очень обширные земли, соседствующие с более крупными державами, часто имели весьма своеобразную систему внешнего подчинения, характеризующуюся элементами подчинённости сразу нескольким влиятельным игрокам политической сцены⁴³⁵.

Апофеозом фронтальных или пограничных территорий стало образовавшееся в 1-й половине XV в. Касимовское ханство, или, как оно называется в дипломатической переписке, «Мещера», «Мещерский юрт». Неудивительно, что оно было образовано именно на смежных территориях Рязанского и Московского княжеств, граничивших с землями Орды. Мещеру отличает ряд особенностей, которые не характерны для других частей Московского княжества.

Мещерский городок и прилегающая к нему территория (будущее Касимовское ханство) располагались в той части Рязанского княжества, которая носила название «Мещерские места», «Мещера». Её статус в договорных грамотах оговаривался особо: «...а что Мещерскаа места, что будет покупил князь велики, дед твои, Олег Иванович (великий князь рязанский в 1350–1402 гг. – Б. Р.), или отец твои, князь Велики Федор Олгович (великий князь рязанский в 1402–1427 гг. – Б. Р.), или вы (великий князь рязанский Иван Федорович, 1427–1456 гг. – Б. Р.), или ваши бояре, и в та места тебе, великому князю Ивану, не вступатися, ни твоим бояром, знати ти свое серебро и твоим бояром»⁴³⁶.

Как видим, несмотря на то что «Мещерские места» в своё время были приобретены рязанскими князьями, к моменту договора (1447) эти места являлись собственностью московского великого князя. При этом подчинённость местного населения верховному владельцу – московскому правителю – была ещё далека от завершения: если «князи мещерские (предводители местных племён – мещеры и мордвы. – Б. Р.) не учнут мне, великому князю (Василию II. – Б. Р.) правити, и тебе (рязанскому великому князю Ивану Фёдоровичу. – Б. Р.) их не приимати, ни в вотчине своей их не держати, ни твоим бояром, а добывати ти их мне без хитрости по тому целованью»⁴³⁷.

Таким образом, «Мещерские места» являлись «вотчиной» московского великого князя⁴³⁸. Об этом говорят и договорная грамота Василия II с польским королём и великим князем литовским Казимиром IV (1449 г.)⁴³⁹, а также договорная грамота Ивана III с великим князем литовским Александром Казимировичем (Ягеллончиком)⁴⁴⁰. Подтверждают это и более ранние документы⁴⁴¹, самый первый из которых относился к 1382 г.⁴⁴²

Однако ряд данных дипломатической переписки Московии с Крымом говорит нам об индикаторах включённости Мещеры в мир позднезолотоордынских государств, позволяющих увидеть, по сути, двойное подчинение этих земель. Покажу это на примерах последовательного ряда фактов.

Дипломатические источники содержат информацию о том, что татарское население Мещеры (Касимовского ханства), в лице прежде всего представителей крупных мусульманских феодальных родов со своими людьми, до захвата ближайших татарских ханств, обладало правом свободного отъезда. При этом ясачное (податное, платящее налоги) население остава-

⁴³⁵ См.: Беспалов Р. А. Новосильско-Одоевское княжество и Орда в контексте международных отношений в Восточной Европе XIV – начала XVI века // Средневековая Русь. – М., 2014. – Вып. 11. – С. 257–326, 257–259, 311, 324–326.

⁴³⁶ ДДГ. – М.; Л., 1950. – С. 144.

⁴³⁷ ДДГ. – М.; Л., 1950. – С. 144.

⁴³⁸ Сборник РИО. – СПб., 1882. – Т. 35. – С. 127, 130.

⁴³⁹ ДДГ. – М.; Л., 1950. – С. 162.

⁴⁴⁰ ДДГ. – М.; Л., 1950. – С. 330.

⁴⁴¹ См.: ДДГ. – М.; Л., 1950. – С. 44, 54, 85.

⁴⁴² ДДГ. – М.; Л., 1950. – С. 29.

лось на месте – им, возможно, распоряжался верховный сюзерен в лице московского великого князя⁴⁴³.

Когда в 1474 г. разбиралось обычное для средневековья дело о «грабеже» русских торговцев на территории Кафы, кафинцы предъявляли ответные претензии о таком же «грабеже» на территории Руси – «что их пограбили царевичевы казаки (касимовские казаки. – Б. Р.)». Великий князь Иван III отвечал: «Ино яз к вам и первее сего приказывал, царевич (имеется в виду второй правитель Касимова Данияр б. Касим (1469–1486 гг.). – Б. Р.) великого царя род Тахтамышев, а уланов и князей и казаков у него много; как к нему приежжают люди многие на службу, так от него отъезжают люди многие; и нам почему ведати, хто будет ваших купцов пограбил? А у нас тот грабеж не бывал»⁴⁴⁴.

В этих строчках явно проступают элементы автономности Мещеры – великий князь даёт понять кафинцам, что не несёт ответственности за то, что происходит на территории юрта. Вряд ли можно представить себе, чтобы так же московский правитель мог говорить о происходящем на территории русского удельного княжества. Видна здесь и включённость данной территории в мир степной политики через взаимный отъезд и приезд татарской знати: совершенно беспрепятственно, без предварительного согласования с верховным сюзереном данной территории – московским великим князем, татарская феодальная элита перемещалась из татарских независимых позднезолотоордынских государств (Крыма, Казани, Ногайской Орды, возможно, и других юртов) в вассальный татарский юрт на смежных территориях Рязани и Москвы.

Некоторые приближённые сначала крымского, а затем касимовского хана Нур-Даулета б. Менгли-Гирея, действительно, как приезжали, так и отъезжали из Мещеры в Крым и обратно. В 1504 г. крымский улан (представитель чингисидской знати) Али уехал в Касимов, разгневавшись на старшего брата⁴⁴⁵. В этом же году этот его старший брат, улан Берю, умер. «И иные слуги его и ясачники его порожи стоят», – писал Менгли-Гирей Ивану и призывал отпустить из Касимова Али. – «А он бы слуги свои взял и малой свой ясак ел, да тем бы жил»⁴⁴⁶.

Находившийся в Касимове представитель рода Аргын князь Мардан потом переехал в Крым. Право Мардана на отъезд не вызывало сомнений: «Похоchet Мардан князь к тебе ехати, – писал Менгли-Гирею Иван, – и мы его к тебе отпустим»⁴⁴⁷.

Выехавший из Крыма в Касимов сын мирзы (впоследствии князь) Удема (представитель рода Мангыт) позже снова желал вернуться в Крым: «Мангыт Удемов мырзин сын в Городок поехал, и нынеча сюды (т. е. в Крым. – Б. Р.) ехати мыслит... И ты (Иван III. – Б. Р.) бы Удемова сына, которой в Городке живет, с тем с моим слугою с Суунчеем пришлешь, то мое слово и прошение инаково не учини, Удемова сына пришли», – просил (или требовал?) крымский хан Менгли-Гирей Ивана III в 1502 г.⁴⁴⁸

Интересно, что сам князь Удем (род Мангыт) иногда «ходил войною» на приграничные московские территории (возможно, без санкции хана): в 1517 г. «приходили крымские татарове на великого князя украину на тулские места: Агышов княжой сын Шыринов Токузак мирза, да Удем князь Мангыт (выделено мной. – Б. Р.), Телеш мирза Мангыт, Кудаш мирза Ширин Берючюков брат, Кочкар мирза Зезеут Мамышев сын со многими людьми, да поймав были и прочь пошли... а от царя у великого князя весть никакова не бывала»⁴⁴⁹. Причины этих «воеваний» не столь просты и примитивны, как это представляется иногда в исторической литературе.

⁴⁴³ Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам нового времени. – Казань, 1998. – С. 197.

⁴⁴⁴ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 8.

⁴⁴⁵ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 352, 451, 545.

⁴⁴⁶ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 545.

⁴⁴⁷ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 138.

⁴⁴⁸ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 421.

⁴⁴⁹ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 477.

Соглашение 1508 г., заключённое с Абд ал-Латифом б. Ибрагимом, оговаривало в качестве особого условия возможность свободного отъезда и приезда на службу в Мещерский Городок представителям четырёхклановой системы Крыма⁴⁵⁰.

Интересно, что иногда отъезд-приезд знати в Крым из Касимова и обратно происходил без санкции и ведома хана Мещерского юрта, который о некоторых случаях мог просто не знать: сношения между Крымом и Москвией по поводу феодальной знати Касимовского ханства в ряде ситуаций шли напрямую между правителями Крымского ханства и Московского государства, минуя «посредников» в лице зависимого от Москвы хана Касимова. Так, в посольстве от крымского хана Менгли-Гирея к Ивану от ноября 1491 г. послы говорили от имени хана: «Да говорили о Мардане о князе (см. выше. – Б. Р.), чтобы деи его пожаловал князь велики отпустил, а Нурдовлат бы деи царь не ведал (выделено мной. – Б. Р.)»⁴⁵¹.

Как видим, московские правители приглашали к себе не только Чингисидов, но и представителей второй – бекской (княжеской) страты – потенциальных карачибек (ближайших советников хана), чтобы впоследствии использовать их в своих политических играх.

Иногда в Касимов попадали и сеййиды – главы мусульманского духовенства. К примеру, в инструкции послу в Крым В. Морозову от 1509 г. (время правления в Крыму Мухаммед-Гирея I б. Менгли-Гирея и Василия III в Москве, когда вынужденная «дружба» предыдущих правителей стала достаточно быстро уходить в небытие) говорится о «Хозяк-сеите» (сеййид, «наш богомолец») и «Казы-Мансыре»: «А нечто спросит царь (Мухаммед-Гирей. – Б. Р.) о Хазяк-сеите: о чём князь великий ко мне Хозяк-сеита не отпустил? И Василью молвити царю: государь наш (Василий III. – Б. Р.), господине, Хозяк-сеитю на то давал волю, как он похочет, а ведомо то и Магмедше князю⁴⁵²; и он похотел служить у нашего государя, и государь наш, господине, и жалует его. А как, господине, он у нашего государя, и он слуга государю нашему, да и тебе; там у тебя кто, и он тебе слуга, да и государю нашему слуга.

А спросит царь Василья о Казы-Мансыре, и Василью говорить: Казы-Мансырь, господине, бил челом государю нашему, чтобы его отпустил ко царевичю в Городок; и князь великий, господине, по его прошению, отпустил его ко царевичю, и жалует его, господине, государь наш, да и царевичю потому же, как наперед того его жаловали»⁴⁵³.

В первом случае речь идёт о верховном сеййиде Большой Орды Хаджи-Ахмеди («Хозяка»), который вместе с бежавшими с ханом Шейх-Ахмедом большеордынцами оказался вначале на литовской территории⁴⁵⁴, а затем – в московских владениях (очень вероятно, что в Касимовском ханстве).

Судя по всему, он пожелал остаться в Касимове. Сеййид пользовался одинаковым почётом и в Большой Орде, и в Крыму. В 1515 г. его уже не было в живых⁴⁵⁵.

Характерна следующая фраза документа: «А как, господине, он у нашего государя, и он слуга государю нашему, да и тебе (выделено мной. – Б. Р.)», где как бы проступает мысль о двуединстве верховенства над данным лицом как Крыма, так и Москвы (после попадания в Московское княжество). Представитель крымской знати оставался подданным Крыма, но находился во власти Москвы. Позже хан объяснял, для чего он просит сеййида у великого князя:

⁴⁵⁰ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 50–51.

⁴⁵¹ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 121.

⁴⁵² Князь Магмедша (Мухаммед-Шейх) являлся послом хана Менгли-Гирея (Исхаков Д. М. Институт сеййидов в Улусе Джучи и позднесолотоордынских тюрко-татарских государствах. – Казань, 2011. – С. 113).

⁴⁵³ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 68.

⁴⁵⁴ Трепавлов В. В. Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. – Тула, 2010. – С. 35.

⁴⁵⁵ Исхаков Д. М. Институт сеййидов в Улусе Джучи и позднесолотоордынских тюрко-татарских государствах. – Казань, 2011. – С. 113–114, 131–132.

«где у него (сеййида Хозяка. – Б. Р.) братья были, да все отошли, а юрты их порожни»⁴⁵⁶, т. е. в результате смерти или отъезда его крымских родственников некому управлять крымскими улусами данного сеййида.

Второй случай свидетельствует о крымском выходце, представителе рода Ширин «Казы-Мансыре», который сменил сюзерена с крымского хана на касимовского султана Джаная крымской династии тех же Гиреев, под патронатом московского князя. Данное действие не вызвало внутреннего протеста ни у лица, его совершившего, ни у его старых (крымский хан), ни новых (касимовский султан и московский князь) патронов.

Есть некоторые опосредованные данные о наличии права отъезда и у самих касимовских правителей. Обещая в 1515 г. «опочив» для крымского султана Ахмед-Гирея б. Менгли-Гирея в Московии, Василий III заверял принять Ахмеда с детьми и со всеми людьми, суля ему и свободный отъезд в случае его желания: «А приехати тебе к нам и твоему сыну и всем твоим людям и отъехати от нас добровольно без всякие зацепки»⁴⁵⁷.

В 1515 г. место «опочива» не оговаривалось, но в декабре 1517 г. султану Ахмеду была обещана Мещера⁴⁵⁸.

В 1517 г. крымский хан Мухаммед-Гирей I б. Менгли-Гирей напоминал Василию III: «Ано из Мещеры люди шли к нам служить, а от нас в Мещеру»⁴⁵⁹.

Так постоянно шёл отъезд и приезд высшей прослойки населения позднезолотоордынских государств из одного в другое, в том числе и в зависимые от Москвы.

Этнические процессы, происходившие в татарских государствах в XV – середине XVI в., не были изолированными, не протекали в рамках лишь отдельных ханств. Перед нами совершенно необычный социальный механизм, сложившийся ещё в рамках Золотой Орды⁴⁶⁰. Этот механизм, изначально сформировавшийся в татарской политической сфере и предназначенный для «внутреннего татарского пользования», благодаря нахождению одного из позднезолотоордынских юртов – Касимовского ханства – на территории Московского государства, вовлекал Москву посредством своего татарского «островка» в мир Степи, мир татарской географии и политики практически буквально.

Неудивительно, что подобные исторические нюансы логически приводили к тому, что в 1517 г. крымский хан Мухаммед-Гирей воспринимал Касимов как свой «юрт» – «а из старины тот юрт наш»⁴⁶¹, указывал хан заменявшему посла подъячему М. Иванову (так же Гирей смотрели и на Казань)⁴⁶². Так же воспринималось Касимовское ханство и крымской знатью: в 1516 г. крымский мирза из рода Ширин Бахтияр б. Довлетек писал Василию III: «...сам гораздо знаешь, что Мещерской юрт государя моего царев (выделено мной. – Б. Р.)»⁴⁶³.

Когда в 1512 г. Василий посадил в Касимове представителя враждебной Бахчисараю большеордынской династии («Намоганского юрта»), это вызвало гнев в Крымском ханстве: «Над Нур-Довлатовыми и над Касымовыми слугами на

нашем юрте недруга нашего сына Шаг-Влияра, того ли тебе пригоже, взяв, держати?»⁴⁶⁴

⁴⁵⁶ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 72–73.

⁴⁵⁷ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 211–212.

⁴⁵⁸ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 419–420.

⁴⁵⁹ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 378.

⁴⁶⁰ Исхаков Д. М. К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV – сер. XVI в.) // Исхаков Д. М. Исторические очерки. – Казань, 2009. – С. 134.

⁴⁶¹ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 377.

⁴⁶² Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 679, 696.

⁴⁶³ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 251.

⁴⁶⁴ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 520.

Ширины, занимавшие в Мещере по знатности и по влиянию первое место среди других четырёх родов, имели к ней особо ревнивое отношение. По преданию, когда-то именно Ширинами была покорена Мещера. В родословной князей Мещерских содержится информация о том, что «князь Ширинской Бахмет Усеинов сын пришел из Большие Орды в Мещеру и Мещеру воевал и засел ее»⁴⁶⁵. В связи со сменой династии в 1512 г. Ширины начали по сути настоящую локальную войну против Москвы, двинувшись в поход на Мещеру⁴⁶⁶. Мухаммед-Гирей писал Василию в 1517 г.: «...а что наши люди летось и нынеча Мещеру воевали, и за то яз и вперед не имаюся, хотя яз с братом своим с великим князем буду в дружбе и в братстве, ино мне самому на Мещеру не думати, и хотя и детей своих уйму, а людей ми своих не мочи уняти: пришли на меня землю все, что им меня не слушати в том.

А Ширины опричь меня здумали, что им вперед Мещера воевати, за то что нынеча на Мещере наш недруг, а из старины тот юрт наш (выделено мной. – Б. Р.).

И нынеча брат мой князь великий о чем у меня на Мещеру не просит брата или сына;... и толко то по старине не будет, и то всегда быти воеваной Мещере.

А ведь мы ведаем, что нынеча на Мещере не человек, и людей в Мещере бесерменьи (мусульман. – Б. Р.) нет никого, ино не у кого жити, и то б брату моему великому князю внятны мои речи были. А колко о том царевиче не пишу к великому князю, и он ко мне не отпишет.

А то пак слыхано ли, что бесерменину бесерменин бесерменина в полон взяти, ино наши люди и бесерменью в полон поймали в Мещере, а того у нас и в писанье нет, что бесермена продати, а наши люди мещерскую бесерменью и попродали, а все тому рняся, что не наш род на Мещере государь... А князи городетцкие и мне приказывали, и не одинава, чтоб наш род был им государь»⁴⁶⁷.

По всей видимости, после смены династии в Касимове (крымской на большеордынскую) значительная часть касимовской знати крымского происхождения вернулась обратно в Крым – «и людей в Мещере бесерменьи нет никого, ино не у кого жити». Москва в этом процессе, судя по всему, не принимала никакого регулирующего участия.

При походе Ширинов на Мещеру в плен бралось не только русское (опять-таки Москва хранит глухое молчание по вопросу убыли податных людей), но и мусульманское население, на что указывает крымский хан, как на вынужденную меру.

Видимо, какая-то часть высшего слоя населения Касимова – «Нур-Довлатовы и Касымовы слуги» – «князи городетцкие» – представители четырёхклановой позднезолотоордынской системы карачибекков, связанных изначально с пришедшим из Казани Касимом и выехавшим из Крыма Нур-Даулетом (Ширины и, возможно, другие роды) и их люди, была недовольна сменой династии в Касимове и хотела возвращения Гиреев.

Интересно, что военные действия против Мещеры не воспринимались Василием III как действия против подвластной, входящей в подчинение Москвы территории, и не вызывали дипломатических протестов со стороны московского правителя, хотя и формально и фактически именно он являлся сюзереном данных земель.

Вышеприведённое откровенное заявление крымского хана говорит нам о том, что политическая элита Крыма смотрела на юрт в Мещере как на ещё одно татарское владение, на которое определённые линии Джучидов имели потомственные права. Юрт был расположен на территории Московского государства и великий князь имел власть над ним, однако в то же время он рассматривался как татарский юрт. А в Крыму он рассматривался как потомственное владение Ширинов и их сюзерена – крымского хана. Действительно, данный юрт превратился для крымских официальных лиц в дом-вне-дома, в некую колонию, куда они приезжали на «опо-

⁴⁶⁵ Временник Императорскаго Московскаго общества истории и древностей Российских. – М., 1851. – Кн. 10. – С. 75.

⁴⁶⁶ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 377, 520.

⁴⁶⁷ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 377–378.

чив» и на более постоянное проживание и получали материальную поддержку и возможности военной службы со стороны Москвы. Этот татарский анклав, как и другие подобные «места», становился интегральной частью степной системы «юртов-уделов», точкой взаимосвязи татарского политического мира и Московии.

Ногайская Орда не занимала в позднезолотоордынском политическом пространстве того места, что принадлежало Крыму. Тем не менее она являлась одним из важнейших политических образований, сформировавшихся после распада Улуса Джучи. В отношении количества населения и, соответственно, военной мощи она периодически выходила на лидирующие позиции в татарском позднезолотоордынском мире. Поэтому неудивительно, что именно Ногайская Орда занимала второе, после Крымского ханства, место по влиянию на внешнеполитическую историю Мещерского юрта. В Ногайской Орде не считали, в отличие от хана Мухаммед-Гирея I б. Менгли-Гирея, Мещеру «своим юртом», но это не мешало представителям ногайской элиты постоянно перемещаться из Ногайской Орды в Мещеру и обратно.

Появление ногайской знати в Мещерском юрте можно датировать концом XV – началом XVI в.⁴⁶⁸ По-видимому, это событие было связано с активизацией Ногайской Орды в Поволжье, начиная с 1480-х гг. Однако тогда ногаи прибывали в основном из Крыма⁴⁶⁹. Но и позже ногаи продолжали различными путями проникать в Мещеру. Это подтверждает целый ряд данных. К примеру, в составе послания ногайского бия Саид-Ахмеда б. Мусы («Шейдяк») малолетнему Ивану IV Васильевичу содержались отрывки из письма некоего Ураз-Берди к своему сыну Есень-Берди, который жил у некоего князя Мунмышы в Мещере. Похоже, что он оказался в Мещере после того, как попал в русский плен, захваченный касимовскими казаками, хотя великому князю заявляли, что он «не воевати ходил, торговати...»⁴⁷⁰.

Известно, что во 2-й половине XVI в. к московскому правителю приходили на службу ногайские мирзы, причём зачастую они по несколько раз возвращались обратно в Ногайскую Орду и вновь оказывались в Московии⁴⁷¹. В их числе были мирзы Махмуд б. Юсуф («Маметеи»), сын бывшего бия Ногайской Орды Юсуфа б. Мусы, Мустафа б. Тотай б. Саид-Ахмед («Мустофа»). Очевидно, в основном они поселялись в Мещерском юрте у хана Шах-Али б. Шейх-Аулияра.

К примеру, ногайский бий Исмаил б. Муса в 1553 г. ссылается с Иваном IV по поводу «Елаир (Джалаир. – Б. Р.) Каибуллина княжово меншово брата Кошаидара», находившегося у астраханского хана Дервиша-Али б. Шейх-Хайдара; Исмаил ставит вопрос о его возвращении в Ногайскую Орду⁴⁷².

В 1556 г. Исмаил опять поднимает вопрос перед Иваном о возврате ему двух ногайских мирз – Семена (Семеней, Саин) из рода Катай («Китаи») и Кочмана, сына мирзы Чомаша⁴⁷³. Первый из них точно находился в Мещере: он служил у хана Шах-Али б. Шейх-Аулияра в 1562 г.⁴⁷⁴ В том же 1556 г. мирза Арслан б. Хаджи-Мухаммед из Ногайской Орды призвал Ивана IV, чтобы тот «пожаловал» его и прислал «Бахтеяра жонку стару, Девлетсалтаню зовут», жившую в селе Азеево (находилось в Мещере), «да в Цареве городке у Янгувата абыза Уста Бегишева дочь, Каракызом зовут, жонка, и тое бы мне пожаловал»⁴⁷⁵. Очевидно, эти женщины были нагаянками⁴⁷⁶.

⁴⁶⁸ Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам нового времени. – Казань, 1998. – С. 216.

⁴⁶⁹ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 421.

⁴⁷⁰ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. – Махачкала, 1995. – С. 93–94.

⁴⁷¹ См.: Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. – Казань, 2006. – С. 235, 289–290, 319–321, 336–337, 339; ПДРВ. – СПб., 1795. – Ч. 10. – С. 177, 224, 227, 243, 255; СПб., 1801. – Ч. 11. – С. 101, 144–145.

⁴⁷² Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. – Казань, 2006. – С. 134.

⁴⁷³ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. – Казань, 2006. – С. 251, 254.

⁴⁷⁴ См.: ПСРЛ. – СПб., 1904. – Т. 13. – С. 289.

⁴⁷⁵ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. – Казань, 2006. – С. 217.

В 1559 г. Иван, приглашая к себе на службу пятерых ногайских мирз (братьев мирзы Арслана б. Хаджи-Мухаммеда) «со всеми своими людьми», писал им: «...и похотите к себе

нашего жалованья... и вы б поехали к нам». Он обещал им «место на украине в Мещере, где вам пригоже кочевати»⁴⁷⁷.

В 1560 г. Исмаил предлагал Ивану отпустить к себе «Асанак мирзину жену и з дочерью», которая находилась у хана Шах-Али. Его пожелание было выполнено⁴⁷⁸.

В 1562 г. ногайский бий напоминает Ивану IV, что «у Бекбулат царевича (т. е. в Мещере. – Б. Р.)... «паробок мои, Каракузом зовут, Хозягулов сын... И ты бы его пожаловал, отпустил, не забыл бы еси». Далее он отмечает, что к Ивану IV поехал сын мирзы Хаджи-Мухаммеда («Кошум») Салтан-Гази (один из пятерых мирз, о которых говорилось выше под 1559 г.), и также предлагает отправить его в Ногайскую Орду – «и ты б его ныне освободил»⁴⁷⁹.

В 1564 г. он опять обращается к Ивану IV с тем, чтобы тот разрешил возвратиться в Ногайскую Орду «Худабагышеву брату Азию Утемишу, что у Шигалея царя»⁴⁸⁰.

В 1622 г. во дворе хана Арслана б. Али в Касимове воеводе показался подозрительным человек, одетый в «ногайское платье». Из расспросов его выяснилось, что он жил в городе во дворе мирзы Ян-Мамет Джанаева. Дядя последнего – ногайский мирза Абдул Теникеев, жил также в Касимове. Мирза Ян-Мамет велел этому человеку, мать которого была жительницей Касимова, ехать со своим дядей в Астрахань, к «тетке цареве», которая находилась «в Астраханских юртах за мирзою»⁴⁸¹.

Многие владельцы Мещерского городка были женаты на ногайских княжнах⁴⁸². Отсюда и сосредоточение во дворе ханов и султанов Мещерского юрта выходцев из Ногайской Орды.

Таким образом, из вышеприведённых примеров видно, что Мещера, или «Мещерский юрт», являлась неким политическим фронтиром – «обменной зоной» – между Ногайской Ордой и Московским государством, местом временного или постоянного сосредоточения ногайской знати, находящейся на территории Московии. Важно, что как в случае с Крымским ханством, так и в случае с Ногайской Ордой перемещения знати в большинстве случаев согласовывались с верховным сюзереном Мещеры – московским великим князем.

Информация о постоянном приезде-отъезде татарской знати имеется касательно ещё одного известного татарского анклава – Романова. Это лишний раз показывает, что Мещера была лишь моделью, на основе которой строились схемы взаимодействия между другими татарскими анклавами Московского государства и внешним татарским миром.

Как известно, в 1564 г. в Москву выехали братья Айдар (с отрядом в 50 человек) и Али, дети мирзы Кутума б. Шейх-Мухаммеда. Их поселили в Романове на Волге. Однако в 1576 г. бий Дин-Ахмед б. Исмаил просил Ивана IV их «...пожаловати... отпустить (обратно в Ногайскую Орду. – Б. Р.) с послом с... Баибагашем»⁴⁸³. Пожив около 12 лет в Московии, ногаи собирались вернуться к себе на родину.

Излагая просьбу самого бия Дин-Ахмеда из его раннего письма в Москву, московский властитель отвечал ногайскому правителю: «Да Козелеем зовут, родом слово кат, Баичурин аталыков сын, ездил в Казыев улус для свадебного дела. А ныне живет у Ил мирзы (выделено

⁴⁷⁶ Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам нового времени. – Казань, 1998. – С. 217.

⁴⁷⁷ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. – Казань, 2006. – С. 291.

⁴⁷⁸ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. – Казань, 2006. – С. 301, 306, 327.

⁴⁷⁹ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. – Кн. 6. – Л. 87 об., 92.

⁴⁸⁰ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. – Кн. 6. – Л. 212 об. – 213.

⁴⁸¹ Шишкин Н. И. История города Касимова с древнейших времён. – Рязань, 1891. – С. 62.

⁴⁸² Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам нового времени. – Казань, 1998. – С. 218.

⁴⁸³ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). – М., 2003. – С. 28.

мною. – Б. Р.). А взяли его сюды тому годы с три и с четыре. И нам бы его х тебе отпустить с послом же твоим Байбагашем»⁴⁸⁴.

Таким образом, некий ногай «Козелей», сын аталыка (дядька, наставник) Байчуры, представитель клана Кат, уехал из Большой Ногайской Орды Дин-Ахмеда во враждебный ногайский лагерь мирзы Гази б. Урака («Казыев улус») для обустройства свадьбы своего родственника, наверное, сына или дочери. Оттуда он двинулся не обратно в Орду, а к мирзе Элю б. Юсуфу в Романов, где он обретался «годы с три и с четыре». Пожив в Романове несколько лет, он решил вернуться домой, в Ногайскую Орду.

Как видим, всепроникающего антагонизма не существовало ни между враждебными частями прежде единой Ногайской Орды (Большими Ногаями и улусом Гази), ни между этими татарскими государствами и Москвой. Пунктом пересечения, неким политическим и культурным фронтиром здесь служил московский Романов.

Обмен людьми происходил также и между Казанским ханством и Мещерским юртом. Например, в Казани в 1533 г. упоминается «Кутлубулат, князь Городецкий»⁴⁸⁵. В «Казанской истории» говорится о приходе с ханом Шах-Али б. Шейх-Аулияром в Казань его «князей и мирз». Число этих князей и мирз, пришедших, по-видимому, со своими людьми, было немалым, т. к. в том же источнике сообщается об убийстве 5000 «варвар» Шах-Али и его уходе в Касимов с «...300 варвар, служащих ему»⁴⁸⁶. В 1546 г. вместе с Шах-Али в Казань пришли 100 его князей и мирз⁴⁸⁷.

Иногда татарские знатные лица отъезжали непосредственно в Москву, минуя её фронтальные зоны: при обострении отношений с Казанью в правление хана Али б. Ибрагима («Алегам») из Казани приехали улан Бахтияр и Мангуш⁴⁸⁸.

Многие косвенные данные источников показывают нам Касимов как совершенно исключительное, уникальное место. Его черты не были характерны ни для какого другого района Московского государства.

Касимов мог являться неким подобием лагеря по содержанию татарских пленных, захваченных при военных столкновениях; там они могли дожидаться своей высылки на родину. В инструкции московскому посланнику в Крыму О. Андрееву (1518 г.) указывалось: «А нечто учнет говорити царь (крымский хан. – Б. Р.) или царевич или князь которой: которые наши люди попали в руки на украине великого князя людем, и князь великий их к нам о чем не прислал?... И Остане говорити: которые люди попали в руки на украине государя нашего людем, и тех людей государь наш не отпустил ни одного, а собрав их государь наш всех в одно место (выделено мной. – Б. Р.), да держит у себя готовых (к отправке в Крым. – Б. Р.). А как ож даст Бог поделается меж царя и государя нашего их болшее дело, и о тех людех тогда слово будет»⁴⁸⁹.

Очень вероятно, что под «одним местом» мог подразумеваться Касимов⁴⁹⁰.

Не исключено, что некоторые пленные могли в дальнейшем помещаться в Касимовском ханстве. Крымский хан Мухаммед-Гирей I писал Василию III в 1519 г.: «Да там к твоему порогу попал Мавкин сын Умар мырза, да еще деи на очех у тебя не бывал, в опале ходит, и ты сам гораздо знаешь, здесе Агыш князь им брат имається, и он нам о нем бьет челом, и много ушем нашим от него доуки. И ты б ныне меня для царя брата своего Умару мырзе очи свои

⁴⁸⁴ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). – М., 2003. – С. 28.

⁴⁸⁵ ПСРЛ. – СПб., 1904. – Т. 13 (1 пол.). – С. 69.

⁴⁸⁶ Казанская история. – М.; Л., 1954. – С. 64–65.

⁴⁸⁷ Казанская история. – М.; Л., 1954. – С. 80.

⁴⁸⁸ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 64–65.

⁴⁸⁹ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 559.

⁴⁹⁰ Также в Касимове содержались и ногайские пленные. См.: Моисеев М. В. Взаимоотношения России и Ногайской Орды (1489–1563 годы): дисс... канд. ист. наук. – Москва, 2007. – С. 104.

дал и ясаком его пожаловал (в Касимове? – Б. Р.), то бы нам от тебя от брата своего в великой минят и в великой дар, так бы еси ведал»⁴⁹¹.

Ногайский бий Саид-Ахмед б. Муса передал через своего посла Кудояра Ивану IV в 1536 г.: «А государь бы, князь велики, приказал своим казакам городецким, чтобы на государя нашего улусы не приходили и улусов бы не воевали. Зань же у нас животина, казна, лошади и овцы; и они у нас, приходя, лошади и овцы крадут и людей в полон емлют. И у них служат наша братья и дети, и жоны наших добрых людей у них робят. И государь бы ныне тех людей, сыскав, велел нам отдати, а вперед бы приказал, чтоб наших улусов не воевали»⁴⁹².

Как видим, пленные ногаи начинали проживать на территории Мещеры и «служить» касимовским татарам («и у них служат наша братья и дети...»), а женщины – работать на них («...жоны наших добрых людей у них робят»). При этом Москва не особо заботилась о своих подданных-касимовцах: «...которые казаки станут на ваши улусы приходить, и вы их имайте и вешайте (выделено мной. – Б. Р.)»⁴⁹³.

На уровне повседневности в Касимове отмечаются «странности», также совершенно нехарактерные для других русских городов. Ногайские дела сообщают некоторые интересные детали о нём. В середине XVI столетия в городе существовала работорговля. Так, человек одного ногайского мирзы «...купил был в Шигалееве царево городке (Касимове. – Б. Р.) девку», писал в 1564 г. ногайский бий Дин-Ахмед б. Исмаил Ивану IV. Эту «девку» отобрал у него некий московский служилый человек, ссылаясь на то, что в пропускной грамоте её имя не было записано. Иван Грозный обещал отыскать купленную «девку» и вернуть её ногайскому правителю⁴⁹⁴.

В 1576 г. в грамоте от московского правителя, посланной к ногайскому нурадину (знатному мирзе) Урусу б. Исмаилу, говорилось: «Да летось посол твои Янтемир купил в Касимове две души полону и в Касимове Ярлагамышем зовут одного человека продал был, да подговорил его опять и оставил у себя. И нам бы его пожаловать – его отдати»⁴⁹⁵.

* * *

Возвращаясь на уровень правителей государств, можно добавить следующее. На внешне-политической сцене Касимов имел двойную ценность: назначение и выбор хана на его престол часто становились предметом дипломатических переговоров и однозначно влияли на отношения между Московией и её татарскими партнёрами. Как было сказано в предыдущих главах, одной из важнейших целей для Москвы во 2-й половине XV – 1-й половине XVI вв. была попытка создания благоприятного баланса сил с татарскими государствами, образовавшимися после распада Золотой Орды. Касимов и его правители активно использовались в этой тонкой дипломатической игре.

К примеру, бывший крымский, затем касимовский хан Нур-Даулет б. Хаджи-Гирей (годы правления в Касимовском ханстве – 1486–1490 гг.), бывший родным братом правящего в то время в Крыму хана Менгли-Гирея б. Хаджи-Гирея, являлся достаточно грозным оружием в руках московского правителя во внешней политике по отношению к Крымскому ханству⁴⁹⁶. Династические претензии Нур-Даулета на ханский престол в Крыму были подкреплены его

⁴⁹¹ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 640.

⁴⁹² Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – Махачкала, 1995. – С. 168–169.

⁴⁹³ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – Махачкала, 1995. – С. 178–179.

⁴⁹⁴ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. – Кн. 6. – Л. 239.

⁴⁹⁵ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). – М., 2003. – С. 48.

⁴⁹⁶ См. подробнее: Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. – Казань, 2009. – С. 118–128.

реальным правлением в этом государстве, и это позволяло оказывать эффективное давление на политику Крымского ханства, заставляя хана Менгли-Гирея корректировать свои действия в связи с линией московского великого князя. Причём реально пытаться посадить Нур-Даулета на крымский престол было совершенно не обязательно. Чуть позже Москва пыталась использовать этот приём, зазывая к себе султана Ахмеда б. Менгли-Гирея⁴⁹⁷.

При этом интересно, что, несмотря на «оппозиционность» Нур-Даулета правившему на тот момент в Крыму хану Менгли-Гирею, сам факт принадлежности Мещерского юрта крымской династии воспринимался положительно, хотя это и создавало определённые проблемы крымскому хану. Когда после смерти последнего представителя крымской династии в Касимове султана Джаная б. Нур-Даулета выбор Москвы в назначении на касимовский престол пал на Шейх-Аулияра б. Бахтияра, большеордынского Джучида (он был племянником хана Большой Орды Ахмеда б. Кучук-Мухаммеда и, соответственно, в Крыму воспринимался одним из «Ахматовых и Махмутовых детей»), это вызвало недовольство в Крымском юрте – «Над Нур-Довлатовыми и над Касымовыми слугами на нашем юрте недруга нашего сына Шаг-Влияра, того ли тебе пригоже, взяв, держати?»⁴⁹⁸. Градус этого возмущения практически не спадал на протяжении всей 1-й половины XVI в.⁴⁹⁹ Москва умело манипулировала касимовским престолом, как средством достижения своих внешнеполитических амбиций.

Итак, московские правители активно использовали свой географический и политический фронт, Мещеру, или Касимовское ханство, как «кнут и пряник» для своих татарских союзников и оппонентов. Касимов успешно совмещал в себе две функции: он был как военным щитом южной границы Московского государства, так и средством дипломатического давления на «недрузгов» великого князя⁵⁰⁰.

Расположенность в пограничной зоне, что делало контакты со Степью иногда попросту вынужденными, давнее наличие татарских поселений на данной территории, включая родовые владения Ширинов, правление крымских Гиреев, свободный приезд-отъезд татарской знати в Мещеру и обратно в позднезолотоордынские государства, и в то же время верховный сюзеренитет московского правителя и принадлежность ему как его «вотчины» (родовой собственности, владения), делало Касимовское ханство своеобразным островком Степи в Московском государстве.

Учитывая, что юрт в Мещере просуществовал около 100 лет, а также то, что в дальнейшем Москва стала использовать тактику, апробированную в Касимове, в том числе и на старомосковских землях, в самом центре своей территории, можно предположить, что существование татарских анклавов отразилось и на месте самой Москвы в позднезолотоордынском политическом пространстве. Насколько обоснованны эти догадки, покажет материал следующей главы.

---

⁴⁹⁷ См. Главу 2.

⁴⁹⁸ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 520.

⁴⁹⁹ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 282, 390.

⁵⁰⁰ Martin J. Muscovite frontier policy: the case of the Khanate of Kasimov // Russian History / Histoire Russe. – 1992. – Vol. 19. – Nos. 1–4. – P. 179.

Глава 5

Московская Русь и татарский мир: соперничество и взаимодействие в позднезолотоордынский период

Сотрудничество Москвы и её правителей с татарским миром в XV–XVI вв. постоянно изменялось. Рассматривая данный процесс в указанный период, нельзя обойтись без экскурса в прошлое на два века назад. Этот экскурс необходим исследователям для того, чтобы понять, как работала система, вектор которой был заложен ещё в XIII в. Именно этот вектор задавал весь контекст ордынско-московских связей XV–XVI вв.

Завоевав большинство княжеств Северо-Восточной и Южной Руси в 1237–1241 гг., правитель Улуса Джучи Бату б. Джучи б. Чингис-хан ясно обозначил направленность связей между Ордой и Русью на время от 1240-х до 1540-х гг. включительно. В данной системе Орда стала бесспорным сюзереном русских земель, а Северо-Восточные русские княжества, «русский улус», как обозначали эти территории источники, стали бесспорными вассалами Улуса Джучи. После распада Золотой Орды в 1-й половине XV в. её место в данной системе заняла Большая Орда, как «тронный наследник» прежде единого государства, а после её падения в 1502 г. место Улуса Джучи заняло Крымское ханство, удерживавшее эти позиции вплоть до 1700 г., когда Москва официально отказалась выплачивать дань в Крым (судьба крымской казны была решена турецко-русским Константинопольским мирным договором 1700 г. Один из его пунктов, с трудом давшийся Москве, гласил: «А понеже государство Московское самовластное и свободное государство есть, дача, которая по се время погодно давана была Крымским ханам и Крымским татаром, или прошлая или ныне, впредь да не будет должна от его священнаго царскаго величества Московскаго даватись, ни от наследников его...»⁵⁰¹).

Однако новые нюансы в принципы работы системы внесли военные захваты московским великим князем и самопровозглашённым царём Иваном IV исконно татарских государств – Казани и Астрахани в 1552–1556 гг. Это двойное событие фактически развалило прежде исправно работавшую систему. Весь позднезолотоордынский мир изменился. По сути, у прежнего Улуса Джучи появилось два, а не один, как прежде, наследника – Крым и Москва. Если первый являлся таковым по праву наследования трона по праву традиции, то второй начал претендовать на эту не положенную ему роль по праву фактического обладания бывшими золотоордынскими территориями и их тронами, по праву захвата. Фактически эти два государства после 1556 г. вышли на равные, уравнивающие друг друга позиции в плане претензий на золотоордынское наследство.

В результате монгольского завоевания значительная часть русских княжеств оказалась включённой в империю Чингисидов. Именно данный факт – военное завоевание – заложил основы отношений между совокупностью покорённых русских княжеств сначала Улусом Джучи, а после его распада – образовавшимися на его основе позднезолотоордынскими государствами. Это неудивительно.

Политическое лидерство в средневековом обществе было сильно связано с харизмой правителя. Признаком харизмы был успех в военных сражениях: тот воин, который многократно побеждал в схватках, который неоднократно проявлял гибкость и необходимую твёрдость в различных ситуациях, рассматривался как владеющий характерными признаками харизмы, и, соответственно, подходил для управления⁵⁰². Тот же правитель, который терпел поражение за

⁵⁰¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. – СПб., 1887. – С. 375.

⁵⁰² Kennedy С. The Juchids of Muscovy. – L. 155; Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. – М., 2006. – С. 63.

поражением в войне, лишался благосклонности небес, ауры завоевателя, которая в Средние века была равнозначна самому наполнению понятия «государь», «правитель». Лидер, потерявший харизму, считался человеком с «плохой судьбой»⁵⁰³.

Как небеса даровали харизму, так они могли и «отозвать» её как от конкретного человека, так и от целой династии, и «заново» даровать её другому владыке или династии. Харизма воспринималась в Степи как нечто быстротечное, приходящее и уходящее. Рано или поздно она покидала её обладателей. Непродолжительное свойство харизмы было связано со степной концепцией функционирования Фортуны. Она воспринималась как нечто, действие которого имеет циклическую природу; в восприятии Степи она была подобна смене сезонов. Соответственно, лидерство также попеременно переходило от одной фигуры к другой, от одной династии к другой. Когда Фортуна поворачивалась к кому-то лицом, харизма приобреталась; когда же она отворачивалась, харизма покидала индивида или династию. Преходящая природа харизмы помогала поддерживать сменяемость власти в Степи, когда и лидеры, и династии возвышались и нисходили в соответствии с неведомыми поворотами Небесного Порядка⁵⁰⁴.

Московские и другие правители Северо-Восточной Руси потеряли независимость после взятия их территорий «саблею», подчинившись монгольским завоевателям. Данное событие не было воспринято на Руси как катастрофа. Напротив, оправившись от первоначального шока, покорённые восприняли монгольское завоевание как божью кару за их же грехи, в полном соответствии с религиозным мировоззрением той эпохи и энергетическим законом причины-следствия. Маркером этого является тот факт, что хронологически близкие к событиям летописцы не употребляли бранные эпитеты по отношению к правителям Улуса Джучи – ханам-Чингисидам⁵⁰⁵.

Главным показателем того, что русские княжества были покорены и утратили независимость, и, соответственно, встали на ступеньку ниже своих новых сюзеренов – ордынских ханов, стала выплачиваемая теперь ими в Орду дань – «выход» средневековых русских источников⁵⁰⁶. Важно отметить, что после распада единого ордынского государства «выход» продолжал выплачиваться в наследные Орде ханства и орды, в первую очередь – в так называемые «основные наследники» прежнего могущества – сначала в Большую Орду, а после её покорения крымским ханом в 1502 г. и перехода к нему главных ордынских регалий – в Крым. Кроме того, «выход» выплачивался также в Казань и Ногайскую Орду.

Как отмечает С. Ф. Фаизов, в отношениях между Москвой и позднесолотоордынскими государствами на протяжении XVI–XVII вв. сохранялись две традиции непаритетного свойства: челобитная формула обращения великих князей и позднее царей к ханам Крыма (до 3-й четверти XVI в.) и выплата «поминков» ими же (до 1685 г.; хотя последняя выплата и датировалась 1685 г., формально обязательство выплаты дани в Крым прекратилось в 1700 г. – Константинопольским мирным договором)⁵⁰⁷. В течение XVI в. русским правителям пришлось трижды письменно подтвердить обязательства по выплатам: в 1521 г. – Василию III (ему удалось вернуть запись), в 1539 и 1576 гг. – Ивану Грозному⁵⁰⁸.

Однако ещё со времени «великой замятни» в Орде, в конце XIV и на протяжении XV в., обозначились новые явления во взаимных контактах ордынских и русских властей. Стал прак-

⁵⁰³ «Бадбахт» (Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. – Алма-Ата, 1992. – С. 134–136, 138, 144 (л. 49b, 51a, 52b, 58a)).

⁵⁰⁴ Kennedy C. The Juchids of Muscovy. – L. 163.

⁵⁰⁵ См.: Горский А. А. Москва и Орда. – М., 2005. – С. 88–89, 106, 167–169.

⁵⁰⁶ См.: Трепавлов В. В. Россия и кочевые степи: проблема восточных заимствований в российской государственности // Восток. – 1994. – № 2. – С. 53 и др.

⁵⁰⁷ Артамонов В. А. О русско-крымских отношениях конца XVII – начала XVIII в. // Общественно-политическое развитие феодальной России: сб. ст. – М., 1985. – С. 75.

⁵⁰⁸ Фаизов С. Ф. Поминки – «тыш» в контексте взаимоотношений Руси – России с Золотой Ордой и Крымским юртом (к вопросу о типологии связей) // Отечественные архивы. – 1994. – № 3. – С. 52.

тиковаться отъезд татарских правителей и их людей в Московию, где им предоставлялись города и области для поселения и кормления.

Москва нашла оригинальный способ встраивания выходцев из Степи в своё общество. Вместо того чтобы пытаться интегрировать татар в социальную структуру Московского княжества-государства, московские правители воспроизвели степной институт, юрт, на своей территории во главе с великим князем в традиционной степной роли «распределителя юртов». Московские юрты служили не только цели переманивания из Степи большого количества Джучидов для собственно московских нужд, но также и цели лишения Степи множества рядовых воинов. С каждым рядовым выходцем из Степи Москва лишалась одного потенциального противника и приобретала одного дополнительного рекрута для военных кампаний великого князя⁵⁰⁹. Даже беглый взгляд на данные разрядных книг позволяет увидеть тысячи татар, участвовавших на стороне Москвы в её западных военных кампаниях 1570-х гг. Это позволяет убедиться, насколько успешными являлись усилия московской стороны по «рекрутированию» своих недавних оппонентов.

Развитие удельно-юртной системы в Московии, выразившееся в институте вассальных ханов, мирз и их владений на московских территориях, способствовало постепенному возрастанию политического веса московского правителя в позднезолотоордынской политической структуре. Касимов, Звенигород, Кашира, Серпухов, Юрьев-Польский, Сурожик, некоторые другие города – все они в разное время на протяжении XV–XVI вв. принадлежали татарским ханам и султанам, а Романов – ногайским мирзам⁵¹⁰.

Эти города не стоит воспринимать только как «заградительную линию» из одних татар от других. Политика Москвы по размещению татарских выходцев в своей пограничной зоне служила более широким целям, нежели непосредственная защита границы. В то время как Касимов, Серпухов и Кашира были расположены на Оке, т. е. на южной границе Московского государства, и действительно препятствовали походам татарских ханств (как, например, Казанского), Звенигород, расположенный к западу, Сурожик – к северу и Юрьев-Польский – к северо-востоку от Москвы, никоим образом не формировали пограничный заслон. Данная политика Москвы иногда неосознанно, а иногда и вполне осознанно служила также и цели политической стабилизации Степи в периоды, когда татарские государства пребывали в «состоянии постоянного изменения»⁵¹¹.

Учитывая длительную историю взаимоотношений с Золотой Ордой, московские правители знали, что в Улусе Джучи тюркоязычное население было объединено на одних условиях, а русские земли имели особый статус. Они были частью Орды, но «государством в государстве». Такую же участь политически окрепший сын Василия II – Иван III, а также последующие московские правители уготовили и Касимовскому ханству, да и не только ему.

Татарские «уделы» Московского правителя не были большими по своим размерам. Однако они играли существенную роль во взаимоотношениях Москвы с ханствами, такими как Казанское, Крымское и Астраханское, выполняя виртуальную роль своеобразного «посредника» в конфликтах между православными христианами и мусульманами.

Обозрение основ ордынско-московских отношений, а также истории фронтальных зон Московского государства приводит к мысли о невозможности полного разделения политических культур средневековых татарских государств и Москвы, об органической включённости московской политической истории XV–XVI вв. в позднезолотоордынскую. Действительно, в отношениях Московии с татарским миром постоянно сосуществовали две разные линии:

⁵⁰⁹ Kennedy C. The Juchids of Muscovy. – L. 187.

⁵¹⁰ См.: Трепапов В. В. Россия и кочевые степи: проблема восточных заимствований в российской государственности // Восток. – 1994. – № 2. – С. 49–62.

⁵¹¹ Martin J. Muscovite frontier policy: the case of the Khanate of Kasimov // Russian History / Histoire Russe. – 1992. – Vol. 19. – Nos. 1–4. – P. 170–171, 179.

агрессивная, характеризовавшаяся попыткой к военному захвату, и прагматическая, гибкая, для которой было характерно желание обеспечить стабильность в пограничных и зависимых от Москвы землях методами сотрудничества с татарской элитой и относительной терпимости к исламу⁵¹².

Основы двояких отношений Руси-России с татарским миром были заложены именно в Средние века. Северо-Восточная Русь поддерживала тесные торговые и военные связи уже с Волжской Булгарией – поволжскими булгарами – оседлыми мусульманами с развитой культурой. С XIII в. Русь находилась в вассальной зависимости от Золотой Орды. При этом, с одной стороны, в написанных в христианском духе летописях татар называли «безбожными агарянами» и «окаянными кровопивцами», под «игом» которых страдали православные, а с другой – и церковь, и князья подчинялись империи Чингисидов и сотрудничали с татарским ханом⁵¹³.

Говоря о периоде XV–XVI вв., историки Московского великого княжества и сложившегося на его основе Московского государства часто рисуют его как время освобождения русского народа от ненавистного «монголо-татарского ига», когда русские и их предводители неистово сражались за тяжко добытую свободу, вырванную ими из рук татарских поработителей. Такие зарисовки корректны лишь отчасти. В течение этого периода мы можем наблюдать многочисленные походы татар, продвигавшихся вглубь территорий русских княжеств, однако и русские многократно вели войны с татарскими отрядами, происходившими не только на московской, но и на ордынской территории.

При всестороннем анализе даже русских источников становится ясно, что описание отношений между Ордой и Москвой, и, шире, Русью в ключе «агрессивного противостояния» не вполне удовлетворительно. Отношения между этими политическими образованиями были весьма прагматичными и, можно сказать, «вынужденно-дружественными»; религиозный и этнический антагонизм не играл существенной роли в их дипломатии⁵¹⁴. Политически и экономически Московия была частью тюрко-монгольского мира с самого его возникновения. Она продолжала оставаться таковой и в XV, и в XVI вв. Особенно характерно это демонстрируют материалы дипломатической переписки между Москвой и татарскими позднезолотоордынскими государствами.

Многие сотни «грамот», ходивших между Степью и Москвой на протяжении исследуемого периода, содержат большое число косвенных свидетельств, «проговорок», которые достаточно ярко демонстрируют нам природу этих связей, да и вполне явные указания на сущность татарско-московских отношений. С их помощью мы можем понять традиционные для тех культур образы мышления.

Для того, чтобы не быть голословным, ниже я приведу источники данные и иногда достаточно обширные цитаты, чтобы выпукло продемонстрировать свои гипотезы. Это тем более необходимо, учитывая тот факт, что данная проблематика неоднократно обсуждалась в историографии, начиная ещё с XIX в., и до сих пор вызывает жаркие дискуссии между представителями различных школ.

Первое, что бросается в глаза исследователю при работе с текстами документов, это отсутствие глубокого, «принципиального» антагонизма между сторонами даже в периоды обострений отношений между Москвой и татарским миром. И в это время происходил взаимный обмен людьми, по разным причинам оказавшимися вне своей родины. Особенно это касалось, конечно же, элиты общества, знати. В данном случае, видимо, статусные принадлежности

⁵¹² Каппелер А. Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи // Отечественная история. – 2003. – № 2. – С. 130.

⁵¹³ Каппелер А. Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи // Отечественная история. – 2003. – № 2. – С. 130.

⁵¹⁴ Keenan E. Muscovy and Kazan: some introductory remarks on the patterns of steppe diplomacy // Slavic review. – 1967. – Vol. 26. – № 4. – P. 549.

людей отодвигали на второй план этнические и политические составляющие. Эти люди могли изначально находиться в составе посольств, также могли по какой-нибудь причине выехать к великому князю (по собственной инициативе, по просьбе, по какой-либо необходимости) и быть задержанными Москвой.

В грамоте хана Менгли-Гирея к Василию III от сентября 1509 г. говорится: «Да еще тебе брату моему великому князю слово то: Ширин Бигишов сын Утеш, мой брата твоего царев холоп, карач, был перед тобою согрешил, и ты его велел поймати. А согрешение де его не смертное; а хотя бы и так согрешил, отчего ему умереть?»

И тебе, меня деля брата своего, его пригоже пожаловати: будет ему там непригоже у тебя быти, а здесь ему у нас хотя и непригоже будет быти на болшом месте, ино наше жалование ему иное будет, а улусы у него люди 5; а сын мой Бахтыяр-мырза в головах и иные мырзы нам о нем бьют челом, чтобы яз его у тебя просил, и ты моего прошения инако не учинишь, молвят, почтив его, в мое холопство пошлешь.

И ты бы се мое, брата своего царя, прошение принял: как сего ярлыка слово до тебя дойдет, пожаловав, из пойманья взяв, да к себе бы еси приведчи, его дрежал; а которой к тебе наш посол приедет с твоим боярином с Васильем, и ты б его с тем послом к нам отпустил»⁵¹⁵.

Речь идёт о крымском карачибекке из рода Ширин Утеше б. Бегеше, который находился в Московском государстве в «пойманье» (заключении); возможно, над ним нависла угроза смертной казни. Его статус в Крыму был чрезвычайно высок: принадлежность к главнейшему в то время роду племенной знати Ширин, его положение в структуре этой знати – карачибек (он находился в Крыму «на болшом месте») делали заботу о его судьбе уделом высшей политической элиты ханства – ширинского мирзы Бахтияра б. Довлетека, многих других мирз. Хан спрашивал, держа в уме своё положение в позднезолотоордынской иерархии (более высокое по сравнению с великим князем): «А хотя бы и так согрешил, отчего ему умереть?», призывая московского правителя отпустить князя в Крым. Не исключено, что в дальнейшем так оно и произошло.

Даже агрессивные действия со стороны представителей вышестоящей стороны могли прощаться нижестоящей стороной. Причиной тому была иерархичность отношений.

Отпуск Москвой крымской знати происходил постоянно: калга султан Ахмед б. Менгли-Гирей писал Михаилу Тучкову в 1515 г.: «Да слышал (приехав нам сказал Чюра толмач), что деи брат мой князь великий, которые наши люди попали его людем в руки, всех тех пожаловал, к нам послал. И царю то, да и нам, велми за честь стало»⁵¹⁶.

Москва проявляла недвусмысленную осведомлённость о самых разных нюансах татарской политики на всём позднезолотоордынском пространстве. То, насколько хорошо она знала татарский политический мир изнутри, иногда просто поражает своей детальностью. К примеру, в материалах несостоявшегося посольства от Ивана III к хану Менгли-Гирею б. Хаджи-Гирею от февраля 1503 г. первый предлагал такие советы крымскому хану по поводу потенциальной ситуации, при которой большеордынский хан Шейх-Ахмед б. Ахмед со своими братьями и военными силами союзной ему на тот момент Ногайской Орды начнёт кочевать на крымской стороне Волги, и Менгли-Гирей будет вынужден их «пасти» (т. е. держать от них постоянную оборону, и не сможет вследствие этого выдвинуться в поход на Литву, о чём просил московский правитель: «...и ты, господине, пошли которого своего сына на Литовскую землю, да и с ним князей своих урочных, которых пригож; да тех, господине, ордынских людей всех пошли с ним, что еси их с Ордою (Большой Ордой. – Б. Р.) взял; и хоти ведь, господине, Шиг-Ахмет

⁵¹⁵ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 73.

⁵¹⁶ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 253.

царь на тебя и пойдет, ино, гоподине, от тех людей от ординских тебе коромолы тогды не чаяти. А что тамо возмут в Литовской земле, ино им повадно, и они от тебя не отстанут»⁵¹⁷.

Великий князь предлагал хану послать на Литву тех большеордынцев (на тот момент уже «крымцев»), которые перешли к нему на службу после политической ликвидации Большой Орды в 1502 г., сменив сюзерена с Шейх-Ахмеда на Менгли-Гирея. Однако они могли и вновь перекинуться к Шейх-Ахмеду, оказавшись удача вновь на его стороне. Чтобы исключить такие нежелательные и для Крыма, и для Москвы колебания бывших подданных Большой Орды, великий князь предлагал их нейтрализовать, заняв походом на Литву. Восстановление Великого Улуса с его исконными правителями в лице потомков Кучук-Мухаммеда в таком случае было бы почти исключено, а Москва также достигала и своей локальной цели – вечного «воевания Литвы» чужими руками.

Данный пассаж, помимо всего прочего, демонстрирует нам и ошибочность суждений о предопределённости падения Большой Орды всем ходом политической истории Дешт-и-Кипчака XV в., и неадекватность встречающегося иногда мнения о последнем хане Улуса как о «жалком наследнике прежнего величия предков». Как видим, современникам тех событий он представлялся вполне реальной и достаточно грозной силой, способной взять реванш. В начале XVI в., в отличие от более позднего периода, никто не знал, какая ветвь единой династии потомков Джучи, крымская или сарайская, в итоге овладеет общеордынским тронном.

Показывая отличное знание внутренней политической иерархии Ногайской Орды, Иван IV писал бию Дин-Ахмеду б. Исмаилу в 1576 г. (при разборе дела о «бесчестье» над российскими посланцами в Ногайскую Орду): «А пишет к нам, чтоб нам его, Тинбая, в своем жалованье ровно держати с тобою (бием. – Б. Р.), с Тинехматом князем, и с Урусом (нураддин в Ногайской Орде на тот момент. – Б. Р.), а его, Урмагметя, с Урусом ровно держати... Хотя б Тинбаи мирза и Урмагмет мирза и не такое бесчестье делали над нашими послы, и им было пригоже ли быти в равне с тобою и с Урусом? В Нагаиской Орде князь да нурадын начальные люди во всех мирзах. Непригоже некоторому мирзе с ними равну быти. Нам ваше отечество издавна известно (выделено мной. – Б. Р.)... А с тобою и с Урусом и вперед равняти их не пригоже»⁵¹⁸.

Вновь обнаруживая хорошее владение политической ситуацией в Ногайской Орде, в качестве ответа на запросы Дин-Ахмеда относительно возвращения обратно в Ногайскую Орду ранее отъехавших в Москву Эля б. Юсуфа, Айдара б. Кутума и его брата Али б. Кутума, в 1576 г. Иван IV писал: «А что еси к нам писал о Эл мирзе Исупове, и Эл мирзу к вам отпустить непригож. Толко его к вам отпустить, и вам в вашей Орде за прежние ваши недружбы будет к убытку. А не одна о том к вам писали. А что еси к нам писал о Аидар мирзе да о Али мирзе Кутумовых, чтоб их к вам отпустить, и те мирзы и их казаки нам служат и нашим жалованьем они устроены, и вам отдати их непригож. И преж того о них к вам отказывано, и тебе о тех мирзах писати вперед непригож»⁵¹⁹.

Некоторые лица были «невозвращенцами» – они были нужны московскому правителю самому.

Москва не просто хорошо знала татарский мир изнутри, она активно участвовала в нём в том числе и «виртуально», домысливая и дорисовывая за реальных игроков их действия, подсказывая им мысли, ласкающие уши обеих сторон.

К примеру, для оправдания уже совершённых нежелательных действий своих потенциальных союзников Москва придумывала хитроумные формулы: «а того мы довелись до полна, что то дело ссталось не от тебя, стало то дело от лихих людей», говорили послы

⁵¹⁷ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 462.

⁵¹⁸ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). – М., 2003. – С. 37, 38.

⁵¹⁹ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). – М., 2003. – С. 31.

князя от имени Василия III молодому крымскому хану Мухаммед-Гирею б. Менгли-Гирею в 1515 г., «объясняя» его походы на московские «украины», происходившие при его отце. Конечно же, он был не виноват, всего лишь дезориентирован по молодости лет «лихими людьми», – подсказывала ему Москва возможную легитимацию своих действий: «...слушаючи лихих людей, (хан Менгли-Гирей. – Б. Р.) учал тебя наводить на то много, чтобы ты пошел на нашу Украину, и ты с у отца от тех дел много отговаривал (выделено мной. – Б. Р.), чтобы тебе с нами свое дружбы не порушити, да не могл еси у отца у своего от того отговорити, и ты не своею волею ходил на наши Украины»⁵²⁰.

В сказочной картине, заботливо нарисованной Москвой, оказывалось, что юный будущий хан не только не желал идти на московские «украины», но ещё и упрасивал своего отца, хана Менгли-Гирея, не посылать его в эти походы (видимо, московское око было воистину всевидящим, раз могло «разглядеть» такие нюансы). Однако молодой Мухаммед-Гирей не смог отговорить алчного до наживы отца, что, естественно, не является его виной. Он сделал всё, что было в его силах. Виновником ситуации был его покойный отец (с мёртвых, как известно, спросить нечего). Некоторые писатели-фантасты могли бы позавидовать лицам московского дипломатического ведомства, сочинявшим данные истории. Остаётся только надеяться, что вознаграждение за их титанический труд оправдывало вложенные ими усилия.

Многие моменты дипломатической переписки Москвы с татарским миром позволяют говорить о некоторых существенных показателях включённости Московского государства в степную политику, иногда малозаметных, но при этом достаточно характерных для отношений «Москва – позднесолотоордынские государства». Для начала я приведу вновь отдельные свидетельства источников, чуть ниже постараюсь выйти на более широкие обобщения.

Тексты буквально пестрят информацией о бесконечных консультациях между первыми лицами татарских государств и Москвы по самым различным вопросам. Важное место среди этих вопросов, особенно для периода Средних веков, занимали проблемы сватовства, т. е. обустройства семейной жизни своих детей. Через институт брака средневековые правители «привязывали» к своей политике лидеров близлежащих, нужных им территорий. Согласно дипломатической переписке, московский великий князь выступает как советчик глав татарских государств в «делах сердечных».

Так, к примеру, в посольстве от Ивана III казанскому хану Мухаммед-Эмину б. Ибрагиму от 1489 г. великий князь не рекомендует хану выдавать сейчас замуж его (хана) сестру за сына ногайского мирзы Ямгурчи б. Ваккаса, мирзу Алача, так как великий князь «изымал» «Ямгурчеева... человека Тувача» ради «дела» Мухамед-Амина, и «непригоже тебе в ту пору своей сестры давати»⁵²¹, – убеждал хана Иван III.

В посольстве к Ивану III от брата Ямгурчи, ногайского бия Мусы б. Ваккаса от 1490 г., посол сообщает, что ранее казанский хан Мухаммед-Эмин б. Ибрагим присылал к Мусе своего человека о возможности женитьбы Мухаммед-Эмина на его дочери; с тех пор прошло два года, но дело не сдвинулось с мёртвой точки. Муса вновь послал своего человека к Мухаммед-Эмину, однако дополнительно, в качестве «усилительной» меры, он призывает применить «административный ресурс» и московского великого князя: «а ведает государь мой, что ты Махмет-Аминю царю и отец, и брат, и друг. И государь мой покладывает то дело о сватовстве на тебе (выделено мной. – Б. Р.), и послал к тебе меня, своего человека, с тем: велишь ты моему государю дочь дати за Махмет-Аминя царя, и он даст; а не велишь дати, и он не даст»⁵²².

⁵²⁰ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 198.

⁵²¹ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. – М., 1984. – С. 26.

⁵²² Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. – М., 1984. – С. 28–29.

Московский правитель был связан со степной элитой различными связями «образного родства». Связи также желали установить некоторые ближайшие родственники татарских правителей, непосредственно не задействованные в политической игре, а именно их жёны, дети и т. д. (имеются в виду родственники, не участвовавшие в активной политике).

В числе прочего переписка Ивана III с ногайскими мирзами за 1490 г. содержит и письмо от жены мирзы Ямгурчи б. Ваккаса (её имя неизвестно) к жене Ивана III, о принятии между ними «братства»: «с тобою мне братство приняти лзе ли?», спрашивала супруга ногайского правителя⁵²³. Правда тут же вскрывались причины этой просьбы о «братстве» (точнее было бы сказать «сестринстве», но источники такого термина «образного родства» не знают): «Челом бьём о том, будет твое жалование, меня сestroю себе учинишь. Мое челобитье то стоит: там моих двое детей в полон достались; коли мя сestroю назовешь, великому князю гораздо учнешь печяловатися, то ты ведаешь»⁵²⁴.

Часто в письмах встречаются и «дружеские» запросы сторон. В посольстве от крымского хана Менгли-Гирея б. Хаджи-Гирея к Ивану III от января 1493 г. его сын – султан Мухаммед-Гирей, в будущем также крымский хан, как само собой разумеющееся просил великого князя: «Сего году ординских (Большой Орды. – Б. Р.) татар коли потоптали есмя, мелкой доспех истеряли есмя. У тебя у брата у своего мелкого доспеху просити послал есми»⁵²⁵.

Какие-то неявные, вскользь проговариваемые намёки на «дружбу», общность интересов и намерений, единство системы, в рамках которой функционируют обе стороны, постоянно проступают в дипломатических текстах. Касаясь инцидента с посольством от молдавского правителя к Ивану, в составе которого были и московские люди (когда оно было сначала ограблено «черкасцами», затем же «полон» у Черкасов был отбит людьми Менгли-Гирея, которые в дальнейшем не отдали русским опознанного ими имущества), великий князь просил хана отдать москвичам их «кони и рухлядь и с телегами» и прибавлял: «занже люди наши вопчие, мои люди тои (так в тексте источника, необходимо читать «твои». – Б. Р.) люди, а твои люди мои люди (выделено мной. – Б. Р.), и твои бы люди нашими людьми не корыстовались»⁵²⁶.

Иногда московский правитель выступал в роли почти что степного арбитра, внешнего судьи для татарской элиты. Московский посол М. Колупаев, отправленный в декабре 1562 г. в Ногайскую Орду, должен был говорить бию Исмаилу б. Мусе о беглых мирзах Якшисаате б. Мамае, Ислам-Гази и Мухаммед-Куле: «Присылали к нам бити челом беглые мурзы Якшисат мурза, Ислам Газы мурза, Магметкул мурза о том, чтобы нам их с тобою помирити. И ты бы себе о том помыслил, как их тебе у себя держати. И как пригоже, и ты бы по тому их и пожаловал. А к ним есмя писали, чтобы они вместе с нашим человеком послали к тебе бити челом своего человека. А нам ся кажет, то тебе прибыльнее, чтобы они были в твоей воле в твоих руках, а не в чужей земле, или бы были у нас. Ино уже им тебе некоторые недружбы довести нельзя, а из чужой земли что захотят, то умышляют. А будет за чем чему сстатися нельзя; и ты бы о том нам ведомо учинил»⁵²⁷.

Важным маркером размытости границ между татарским миром и Москвой служила пропагандируемая последней стороной веротерпимость. В дипломатической переписке с Ногайской Ордой в 1563 г. появляется даже её признание: «Да и то слово молвят: вера деи вере – не друг. Христианской деи государь мусульманов того для изводит. А у нас в книгах крестьянских писано, николи не велено силою приводити к нашей вере, но хто какову веру захочет, тот такову веру и верует. А тому Бог судитель в будущии век, хто верует право или не право, а

⁵²³ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. – М., 1984. – С. 35.

⁵²⁴ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. – М., 1984. – С. 35.

⁵²⁵ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 178.

⁵²⁶ Сборник РИО. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 202.

⁵²⁷ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. – Кн. 6. – Л. 119об. – 120.

человеком того судить не дано. А и у нас в нашей земле много мусульманского закону людей нам служит, а живут по своему закону»⁵²⁸.

Москва всегда старалась заверить в уважении к конфессиям в захваченных государствах. Казань и Астрахань взяли «не для того, что мусульманского роду веру изводя, которые нам измены делали, над теми их неправды потому и стало, а которые мусульмане нам правдою служат, и мы по их правде их жалует великим жалованием, и от веры их не отводим»⁵²⁹.

Русский посол И. П. Новосильцев, посланный в Османскую империю 1577 г., заявлял в своей речи к турецкому паше: «...восе у государя нашего в его государстве Саинбулат-царь, Кайбула-царевич, Ибак-царевич и многие мирзы нагайские, и за Саин-булатом-царём город Касимов и к нему многие города, а за Кайбулою-царевичем город Юрьев, а за Ибаком-царевичем место великое Суражек, а за нагайскими мирзами город Романов, и в тех городех мусульманские веры люди по своему обычаю и мизгити и кишени держат, и государь их ничем от их веры не нудит и мольбищ их не рушит – всякой иноземец в своей вере живет»⁵³⁰.

Неудивительно, что столь тесный контакт с татарским миром логично приводил к тому, что как татарская сторона, так и сама Москва пытались определить место московского правителя и самой Московии в политической иерархии единого для обеих этих сторон позднезолотоордынского мира, мира *Rax Mongolica*. Не исключено, что в некоторые хронологические отрезки позднезолотоордынского периода, а именно в моменты фактического усиления Москвы и активного её вмешательства в дела соседних татарских ханств, степная элита воспринимала статус московского правителя как равный статусу «улугбека» («беклербека») в политической системе Степи. В глазах степной знати это придавало столь необходимую этой знати дополнительную основательность некоторым претензиям Москвы, таким, например, как определение порядка престолонаследия в некоторых татарских ханствах. Такая легитимация была нужна для того, чтобы как-то объяснить и оправдать в собственных глазах тот факт, что бывший ордынский данник и «холоп» распоряжается джучидскими престолами по своему усмотрению.

К примеру, московский правитель в течение последней четверти XV – 1-й половины XVI в. пытался сам устанавливать порядок престолонаследия в Казанском ханстве. В этом стремлении он весьма эффективно претендовал на традиционную прерогативу карачибек («князей») Степи. Продолжающийся успех Москвы в этой области косвенно доказывает, что многие в Степи вынужденно принимали её претензии на эту традиционную прерогативу степной аристократии. Более того, легитимируя в дипломатической переписке для представителей Степи свою роль в вопросе престолонаследия в Казани, Москва часто употребляла такие выражения, как « посадить хана » или « сделать хана », стараясь таким образом объяснять свои поступки созвучными степной политической практике терминами⁵³¹.

При этом сама Москва хотела видеть своё положение в позднезолотоордынской системе несколько иначе. Суммируя все данные источников, можно сказать, что её амбиции в этом вопросе существенно опережали реальные политические возможности.

В 1537 г. бий Ногайской Орды Саид-Ахмед б. Муса, статус которого в татарской традиции был условно равен статусу московского великого князя, требовал от Ивана IV признания себя « государем и братом »⁵³². Хотя « братом » он быть бы мог (по крайней мере, в татарском понимании властной иерархии), потому что этот термин в средневековых текстах означал как

⁵²⁸ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. – Кн. 6. – Л. 184об. – 185.

⁵²⁹ РГАДА. – Ф. 123. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 94 об. (Цит. по: Филюшкин А. И. Религиозный фактор в русской внешней политике XVI века: Ксенофобия, толерантность или прагматизм? // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. – Wiesbaden, 2010. – Vol. 76. – С. 173).

⁵³⁰ Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: статейные списки. – М.; Л., 1954. – С. 77.

⁵³¹ Kennedy С. *The Juchids of Muscovy*. – L. 218.

⁵³² Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – Махачкала, 1995. – С. 193.

раз равенство статусов, но быть «государем» (правителем-сюзереном) он вряд ли мог быть даже в «татарской» версии (Крым, скорее всего, никогда бы этого не признал). От требования Саид-Ахмеда московский правитель отказался: «И нам государь един Бог, а братья нам – турецкой салтан и иные цари»⁵³³, – заявил московский посланец.

С одной стороны, это манифестация независимости Москвы. С другой, этот пассаж свидетельствует о качественных изменениях, произошедших в представлениях Московии о своём месте в позднезолотоордынском мире. Отныне в своих глазах московские великие князья считали себя равными царям, причём заявлялось равенство аж турецким султанам, вес и значение которых в мусульманском мире были очень высоки. Московская политическая мысль выходила из золотоордынского понятийного поля и пыталась оперировать более «общими» категориями⁵³⁴.

Пытаясь (пока ещё безуспешно) откеститься от своего «неприглядного» прошлого, Москва возражала указанию в договорных документах определённого количества материальных благ, которые должны были посылаться ей Крымскому ханству (т. к. это обозначало эти блага именно как «выход», дань). В 1533 г. московскому посланнику Сулешеву запрещалось давать «правду» (заверения), если крымский хан потребует «поминков» «уроком» (в определённом конкретном количестве). Если же это требование будет озвучено без «урока», такую «правду» давать разрешалось⁵³⁵.

Итак, обзорный анализ «проговорков» дипломатических текстов подводит нас к осторожному выводу, что в своей политике по отношению к татарскому миру Москва обнаруживала относительную политическую непредвзятость (другой вопрос – «была ли она искренней?», предварительный ответ на него – «нет»: в период с начала XV в. и до середины XVI в. у русских попросту не хватало военной мощи, чтобы противостоять татарам. Они прекрасно понимали, что отдельные эпизоды агрессии с их стороны повлекут за собой ответные действия, и что в целом в военном отношении они проигрывают миру Степи. Постоянное чувство тревоги из-за какого-либо усилившегося наследника Орды сильно влияло на политику московских князей, заставляя их действовать с оглядкой на Степь. Поэтому-то московские правители «дружили» с Ордой – выбор у них был небольшой).

При этом в отношениях Москвы светило практическое, вынужденное безразличие к идеям конфессиональной и этнической исключительности при устойчивой тенденции к альянсам и мирным отношениям с «погаными»⁵³⁶. При этом отношения с собственными ближайшими родственниками (Юрий Дмитриевич, Дмитрий Шемяка в ходе гражданской войны 2-й четверти XV в.) и другими сородичами (Новгород, Тверь, Псков), а также братьями-христианами (Польша-Литва)⁵³⁷ зачастую бывали весьма напряжёнными, а то и просто агрессивно-враждебными.

Противники данного взгляда могут привести как аргумент летописные тексты, отличающиеся ярко выраженным негативным отношением к татарам, Орде и позднезолотоордынскому миру. В этом вопросе летописные известия входят в полное противоречие с данными дипломатических источников, которые, замечу, являются единственными документальными текстами по отношениям с татарским миром. Разгадка кроется в ответе на вопрос: кто писал данные тексты? Эдвард Кинан отмечал, что дипломаты и духовенство представляли две разные

⁵³³ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – Махачкала, 1995. – С. 194.

⁵³⁴ Моисеев М. В. Взаимоотношения России и Ногайской Орды (1489–1563 годы): дисс... канд. ист. наук. – Москва, 2007. – С. 125.

⁵³⁵ РГАДА. – Ф. 123. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 35.

⁵³⁶ Keenan E. Muscovy and Kazan, 1445–1552: a study in steppe politics / Ph.D. dissertation by Edward Louis Keenan, Jr. – Harvard, 1965. – L. 380.

⁵³⁷ Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. – P. 447.

группы московского общества, имевшими разные практические цели. Соответственно, радикально разнятся по содержанию и тексты, оставленные этими группами.

Летописи, являющиеся продуктом духовенства, имели идеологическую функцию. Поэтому при создании летописных текстов целью православных цензоров «было вырвать с корнем любое благосклонное отношение к татарам или их традициям, и любой признак ностальгии по, или интерес к, традициям Золотой Орды»⁵³⁸. Энергия и бдительность духовенства были гарантом того, что эта цель будет достигнута.

Как пример непредвзятого, практического отношения к представителям других культур и религий можно привести свидетельства Афанасия Никитина, который в 1468–1474 гг. совершил путешествие по территориям современных Ирана (Персии), Индии и Турции (Османской империи) и составил знаменитое описание этого путешествия в книге «Хождение за три моря»⁵³⁹. В 1475 г. его рукопись оказалась у московского дьяка Василия Момырёва, и текст её был внесён в Летописный свод 1489 г., продублирован в Софийской II и Львовской летописях. Также записки Никитина сохранились в Троицком сборнике XV в. Текст, вошедший в летопись, был подвергнут сокращению; более полный, но при этом сильнее отредактированный составителем текст имеется в Троицком сборнике.

По сути, выдающееся значение его рассказа, в отличие от огромного количества средневековой русской литературы, касающейся татар, в полном отсутствии предвзятости, а также почтения в отношении к православному взгляду на отношения с «погаными». Его рассказ прошёл много редакций, которые показывают нам разницу между взглядами тех, кто, как сам Никитин, находился под влиянием тесных и практических контактов с татарской культурой, и тех, кто по причине предвзятости предавал анафеме пророка Мухаммеда, его деятельность и всех его последователей. Редакторские правки, наблюдаемые в последних версиях текста Никитина, имели целью вырвать с корнем те взгляды и мысли Никитина, которые не соотносились с православием и были терпимыми по отношению к «поганым»⁵⁴⁰.

Суммируя вышеприведённые мысли, можно отметить, что Москва заимствовала из татарской практики (административной, налоговой, дипломатической), но не заимствовала из татарской культуры (в узком смысле – литературы, науки, философии), тесно связанной в XV–XVI вв. с исламом. Культура Улуса Джучи была монополией мусульманских религиозных учреждений. Образование, наука и книжность, создание и интерпретация юридических и духовных традиций были в руках духовенства и людей, взращенных ими, и были глубоко отмечены их конфессиональными ограничениями. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем в Московском государстве, где духовная культура была исключительно во власти православного духовенства, не менее ограниченного в мировоззрении, чем их исламские коллеги⁵⁴¹. Возможно, именно из-за ценностных установок церковных ревнителей богословской чистоты заимствования из культурной сферы средневекового татарского мира стали невозможными.

При этом много мелких деталей даже летописных текстов, не говоря уже о дипломатической переписке, говорят нам о реальном положении дел в отношениях с татарским миром. Двор Елены Глинской, согласно летописному описанию приёма касимовского хана Шах-Али б. Шейх-Аулияра в 1535 г., имел сильный татарский элемент: трое из шести женщин, составлявших свиту великой княгини, были татарками. Когда же пятилетний Иван (будущий Грозный. –

⁵³⁸ Keenan E. Muscovy and Kazan, 1445–1552: a study in steppe politics / Ph. D. dissertation by Edward Louis Keenan, Jr. – Harvard, 1965. – L. 359; Ostrowski D. Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589. – Cambridge, 1998. – P. 133–248.

⁵³⁹ Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг. – 2-е изд. – М.: JL, 1958.

⁵⁴⁰ Keenan E. Muscovy and Kazan, 1445–1552: a study in steppe politics / Ph. D. dissertation by Edward Louis Keenan, Jr. – Harvard, 1965. – L. 373–374.

⁵⁴¹ Keenan E. Muscovy and Kazan, 1445–1552: a study in steppe politics / Ph. D. dissertation by Edward Louis Keenan, Jr. – Harvard, 1965. – L. 352, 364.

Б. Р.) был представлен Шах-Али, он, любезно приветствовав хана по-татарски, сказал: «Табуг салам»⁵⁴². То, что это посоветовали молодому великому князю старшие товарищи его двора, так же как и то, что это было послушно занесено в официальный протокол, явно показывает отношение московского великокняжеского двора к татарским традициям⁵⁴³.

Приведу одно свидетельство переписки с Крымом, которое, на мой взгляд, суммирует весь контекст отношений Москвы и позднезолотоордынского мира. Сахиб-Гирей I б. Менгли-Гирей, являвшийся казанским (1521–1524 гг.), а затем, в течение весьма длительного и сложного для взаимоотношений Москвы и татарских ханств периода – крымским ханом (1532–1551 гг.), являлся грозным противником московского правителя в вопросе влияния на Степь. Это не мешало ему, впрочем, называть московского великого князя «дядей»⁵⁴⁴.

При этом, будучи ещё юношей, в 1510–1512 гг. он ездил вместе со своей мачехой, женой крымского хана Менгли-Гирея б. Хаджи-Гирея Нур-Султан, в Москву посетить сыновей ханши в Москве и Казани⁵⁴⁵. Как позже он заявлял Василию III, «мы твою хлеб-соль едали»⁵⁴⁶.

Позже, в своём письме Ивану IV, хан Сахиб-Гирей вспоминает свою поездку в Московию: «А отца твоего Василия князя яз сам видел, и на коленах у него сиживал, хлеб и сол его едал, а меня он любил (выделено мной. – Б. Р.)»⁵⁴⁷.

Несмотря на это, крымский хан стал откровенным и весьма напористым противником Москвы в зрелом возрасте. В 1538 г. он с неприсущей дипломатам откровенностью писал Ивану IV, угрожая походом на его землю: «... яз к тебе недружбу свою объявлю, и мне ни от коле страху нет... пойду на твою землю и государство твое возму, а ты и захочеш мне лихо чинити, на мою тебе землю не ити»⁵⁴⁸. «Любовь» и «недружба» тесно соседствовали в отношениях между Москвой и Степью на всём протяжении периода XV–XVI вв.

Однако элементы неравноправия и соседствующий с этим неравноправием антагонизм между Москвой и татарскими государствами в XV–XVI вв. присутствовали. Этому вопросу посвящено немало работ, и поэтому я не буду подробно приводить все его составляющие (наиболее ярко взаимное неприятие демонстрируют постоянные военные конфликты между сторонами). Однако я приведу принципиальные, на мой взгляд, моменты, позволяющие предметно взглянуть на суть этих взаимоотношений.

Важнейший показатель неравности сторон в этих отношениях – дань (называвшаяся в указанный период по-разному, что не меняет её сути – это потоки материальных благ, текущие только в одном направлении), выплачиваемая московской стороной татарской стороне, в лице многих наследников бывшей Золотой Орды.

По этому вопросу не прекращаются научные дискуссии. «Дань» или «добровольные дары», «жалованье» Москвы? Здесь имеются две позиции.

Наиболее ярко и отчётливо вторую (условно можно назвать её «добровольной») позицию обозначила московская исследовательница А. Л. Хорошкевич (по поводу взаимоотношений с Крымским ханством, которое после 1502 г. являлось основным наследником Улуса Джучи): «В русско-крымских отношениях с самого начала ни о каких формах данничества не было и речи. Экономические отношения этих государств складывались на совершенно иной основе, нежели русско-ордынские. Полуравноправные (выделено мной. – Б. Р.) договоры 1474

⁵⁴² ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 29. – С. 23.

⁵⁴³ Keenan E. Muscovy and Kazan, 1445–1552: a study in steppe politics / Ph. D. dissertation by Edward Louis Keenan, Jr. – Harvard, 1965. – L. 388.

⁵⁴⁴ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 166, 308.

⁵⁴⁵ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. – М., 1991. – С. 83.

⁵⁴⁶ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 308.

⁵⁴⁷ РГАДА. – Ф. 123. – Оп. 1. – Кн. 9. – Л. 33.

⁵⁴⁸ РГАДА. – Ф. 123. – Оп. 1. – Кн. 8. – Л. 489 об. – 490 (Цит. по: Флоря Б. Н. Две грамоты хана Сахиб-Гирея // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. – М., 2001. – Вып. 10. – С. 238).

и 1480 гг. Менгли-Гирея с Иваном III были фундаментом нового типа отношений. Упорное стремление Великого княжества Литовского придать отношениям Руси с Крымом характер холопьем, даннической зависимости от «вольного человека» или «вольного царя» – крымского хана – было безнадёжной попыткой повернуть историю в то русло, по которому связи Руси и Крыма до того и не протекали»⁵⁴⁹. «Ни выход, ни ясак... в пользу Крыма с основных территорий Московского княжества, как и Русского государства, не шли»⁵⁵⁰.

Мне эта точка зрения кажется неубедительной. Поясню почему.

О том, что разнообразные поминки выполняли прежнюю функцию дани, говорит нам не только сопоставление объёмов так называемых подарков, шедших как в Москву, так и из Москвы (если в Москву иногда приходила из Крыма по просьбе великого князя какая-нибудь единичная вещь, о которой в переписке просил московский правитель для себя лично, то из Москвы в татарские государства, особенно в Крым, шли обозы, доверху наполненные различными материальными благами – сукном, мехами, «пансырями», и т. д.), но и тот факт, что запросы (по сути, требования) о получении материальных ценностей шли только из татарского мира в Москву, но никогда не наоборот. Ни в одном из писем к татарским правителям ни один московский великий князь не требовал прислать «столько-то и столько-то» добра по спискам, добавляя, что в случае невыполнения требований, его стоит «ждать на украинах» весной или летом. Это позволяла себе только татарская сторона, памятуя как о своей ещё сохраняющейся военной мощи, так и о том, кто являлся (и является до сих пор) сюзереном в этих двусторонних отношениях.

Другое дело, как пыталась представить свою роль в этих материальных отношениях московская сторона. Не меняя их сути (на это до определённого момента у неё попросту не хватало военных сил), она пыталась «сохранить лицо» даже в самых, казалось бы, неподходящих для этого ситуациях. Замечательно, что в официальной корреспонденции между Москвой и Степью термин «буляк» (тат.) (рус. «поминок», или, в современном значении, «подарок») в основном вытеснил к концу XV в. термин «чыгыш» (тат.) (рус. «выход»), предположительно из-за «неуважительности» последнего относительно политического суверенитета московского правителя.

При этом в случаях надвигающейся татарской военной угрозы или при необходимости срочной военной помощи от татарских государств, даже сами московские правители не прочь были возвратиться именно к этой, казалось бы, унижающей их достоинство терминологии, уходящей корнями во времена, когда монгольское доминирование в Восточной Европе было неоспоримо. Иногда унижительный вопрос дани (в этих случаях обозначаемой именно этим термином) поднимался и во внутривосточной риторике, как правило, теми авторами, которые стремились побудить своих сородичей к отпору опасным и нарушающим покой степным соседям⁵⁵¹.

То, что «поминки» продолжали выполнять роль прежнего «выхода», подтверждает тот факт, что термин «выход» продолжал использоваться во внутренних договорах между русскими князьями вплоть до конца 1550-х гг.⁵⁵² Восточные источники также оперировали терминами «улул хазине» (большая казна) и «вергу» (выход) (крымско-московская переписка до 1670 г.)⁵⁵³.

⁵⁴⁹ Хорошкевич А. Л. Русь и Крым после падения ордынского ига: динамика трибуртарных отношений // Отечественная история. – 1999. – № 2. – С. 70–71.

⁵⁵⁰ Там же. – С. 76.

⁵⁵¹ Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. – P. 445.

⁵⁵² См., к примеру: СГГД. – М., 1813. – Т. 1. – С. 461.

⁵⁵³ Inalcik H. Power relationships between Russia, the Crimea and the Ottoman empire as reflected in titlature // *Passé turco-tatar, présent soviétique: études offertes à Alexandre Bennigsen*. – Louvain ; Paris, 1986. – P. 208–211. См., например, также: РГАДА. – Ф. 123. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 39об., 44об.

В то время как Москва предпочитала рассматривать жалование и поминки как вознаграждение за лояльность и службу царю, степные соседи Московии ожидали, что жалование будет являться той выплатой, которая производится вне зависимости от каких-либо условий, а поминки продолжением традиционной дани и других разнообразных выплат, ранее производимых Москвой в Орду⁵⁵⁴.

Читаем, к примеру, наказ Василия III послу в Крым В. Морозову от 1509 г.: «А нечто имут у Василья которой пошлины просити, и ему в пошлину никому ничего не давати, опроче того, что с ним к кому послано от великого князя в поминках, или что к кому от себя даст за его добро, а не в пошлину (выделено мной. – Б. Р.), а в пошлину ему однолично ни царевичем, ни князем, ни царевым людем, ни царевичевым никому ничего не дати, опроче того, что нечто имут силно имати»⁵⁵⁵.

Чтобы не быть голословным, приведу данные источников в подтверждение такого видения явления. Они отрывочны, но весьма показательны. Особенно показательна переписка с Крымом, как с основным наследником Улуса Джучи после 1502 г. Крымские ханы, по крайней мере, формально, считали Московское государство своим данником, который должен высылать им «выход» («чыгыш», дань) в установленный Крымом срок, а также испрашивать официальные ярлыки, подтверждающие *de jure* владения московских великих князей. Также они относились и к другому своему северному соседу – Короне Польской (Польше-Литве)⁵⁵⁶.

О том, что татарской стороной московские выплаты рассматривались как незыблемые, не зависящие ни от каких, даже враждебных действий сторон, красноречиво говорит нам следующая цитата из донесения московского посланника в Крым И. Мамонова от 1516 г. Он передавал великому князю слова князя Аппака, «союзника» московского правителя: «При твоём (И. Мамонова. – Б. Р.) приезде нашол меня Алп царевич (сын хана Мухаммед-Гирея I б. Менгли-Гирея. – Б. Р.), а учал мне бранити: гораздо ты царю отцу нашему служишь и великому князю, да не все же гораздо делаешь; яз великому князю не служил, и князь великий мне поминков не послал твоими думами, и ты б и то великому князю здумал, чтоб и отцу нашему царю князь великий не прислал ничего (выделено мной. – Б. Р.), за то, что отец наш великого князя украине учинил, и мне было отца своего не слушати ли, с ним мне было не пойти ли?»⁵⁵⁷.

Ситуация была проста – за то, что султан Алп б. Мухаммед-Гирей не поддерживал «московскую» партию в Крыму, и по приказу хана (и вместе с ним) ходил на пограничные земли князя «войной», московский правитель не прислал ему «поминков», что выглядело со стороны Москвы вполне логичным, если воспринимать «поминки» как жалование за службу. Однако это не выглядело логичным со стороны Крыма, который воспринимал те же поминки как только по форме изменившуюся дань, которую ему должны безо всяких условий, как гарантию глобального «незавоевания». Алп недоумевал – если быть последовательным, тогда следовало бы и самого «царя» (крымского хана) оставить без этих поминков: «и ты б и то великому князю здумал, чтоб и отцу нашему царю князь великий не прислал ничего», ведь именно по его приказу Алп ходил на великокняжеские «украины».

Однако хану поминки присланы были, несмотря на то, что Москва осознавала, откуда исходили эти действия. Поминки хану были присланы именно в силу того, что перед лицом своего сюзерена, каковым стал после политического уничтожения Большой Орды крымский хан, Москва не смела заявлять о своих новоприобретённых амбициях отказа от «дани» и стыдливой замене этой дани «поминками». Для хана были безразличны нюансы различения этих московских терминов, которыми Москва пыталась обмануть некоторых своих внешнеполити-

⁵⁵⁴ Khodarkovsky M. *Russia's steppe frontier: the making of a colonial empire, 1500–1800*. – Bloomington, 2002. – P. 65. См. о дани-поминках и их взаимном восприятии сторонами также в кн.: Kołodziejczyk D. Указ. соч. – С. 445–449.

⁵⁵⁵ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 61.

⁵⁵⁶ Kołodziejczyk D. Указ. соч. – С. 445.

⁵⁵⁷ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 289.

ческих коллег. Дань для него была субстанцией вне каких-либо понятийных категорий. Она в его понимании должна была платиться ему всегда, как бы она ни называлась. Москва же позволяла себе играть смысловым наполнением термина только с некоторыми лицами, в число которых не входил правитель основного наследника Улуса Джучи.

Вырисовывается неоднозначная позиция Москвы, вполне ею продуманная и осознанная. В понимании Москвы, для Алпа материальные выплаты со стороны Москвы («поминки», «дань») были «поминками», жалованием за «службу» великому князю, которую Алп не совершил (потому и не получил эти выплаты). Для хана же Мухаммед-Гирея I (в понимании той же Москвы!) эти выплаты все так же, как и во времена единого Улуса Джучи, были «выходом», данью, подтверждением чего был факт выплаты этих материальных средств хану вне зависимости от временно враждебных действий самого хана в отношении Москвы (лично вместе с сыновьями ходил на московские «украины»). Московская позиция в трактовке ситуации явно показывает нам политическую переходность периода XV–XVI вв. Стоит только добавить, что в приведённом пассаже термин «служить» является явно вольным (московским) переводом какого-то татарского слова, значение которого нам недоступно по причине отсутствия татарского оригинала.

О том, что Крым учитывал примерную общую сумму «поминок» при планировании своего внутреннего «бюджета», и «виртуально» закладывал эту сумму в бюджет, считая только своим правом распоряжаться всей этой суммой единолично, без «списков» Москвы, ярко свидетельствует грамота хана Мухаммед-Гирея I Василию III «о поминках» от 1516 г.: «Слово наше то. Во отца нашего лета, коли был отец наш здоров, уланом и князем по местом добрые поминки посылал еси, и ныне отец наш царь на Божию волю пошёл.

Сам гораздо знаешь, отца нашего все избные и надобные любовники и верные и добрые слуги все мои ся учинили, а опричь тех еще старые мои избные и надворные добрые слуги, и уланы, и князи и мирзы, да еще опричь тех Ординского юрта, да и Ногайского уланы, и князи, и мирзы и добрые люди мои холопи и слуги слава Богу.

А ныне к нам посол твой Иван Григорьев сын Мамонов пришел, и поминки твое жалование издавали есмя, и иным ся достало, а иным ся недостало. Иным еси не послал, молвя, не стало их, а иным еси не послал, сказываешь, в дефтере у тебя не писано, и которых хотя не стало будет, и мы теми месты детей их или братью их жалуем, или хто их роду будет, и мы тех жалуем теми месты, да и поминки тех им даем: так бы еси ведаю, брат мой, и без ущерба посылал, сею дорогою многим людям не прислал еси, и нам много о том от них доуки ссталось. А и посол твой Иван Григорьев сын Мамонов в том много доуки видел.

И мы того дея, чтобы межи нас с тобою дружбы прибывало и братства, в неволю есмя взяв у посла твоего у Ивана у Мамонова, иному шубу, иному однорятку дали, а многим еще уланам, и князем, и мирзам и добрым людям недостало. И яз брат твой царь из своей казны тем подавал, чтобы нам с тобою дружбы и братства свыше было; а что есмя которые поминки у посла твоего у Ивана у Мамонова вимали и кому давали, и тех людей имяна в сем дефтере писаны, и после бы сего по местом без ущерба посылал бы еси... И после сего вперед чтобы еси всем тем свое жалование посылал по тому, как в сем списку писано без ущерба (выделено мной. – Б. Р.)»⁵⁵⁸.

Начав повествование с того, что количество его подданных увеличилось за счёт выходцев из Ногайской Орды и людей недавно политически уничтоженной Большой Орды, хан перешёл к предъявлению претензий. Основная их суть – Москва присылала «жалование» определённым лицам по своим спискам, куда включала только тех, кто ей «служил», считая эти материальные средства оплатой услуг этих лиц Москве.

⁵⁵⁸ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 298–299.

Крым же в лице хана напоминал, что это традиционный «выход», распоряжаться которым может только сам хан, как главный распределитель благ в Крыму («мы тех жалует теми месты, да и поминки тех им даем»). Неудовлетворённый тем, что некоторым своим подданным поминок «недостало», хан сам приступил к перераспределению, изъяв, согласно своему видению «выхода», материальные блага у посла И. Мамонова насильно («в неволю есмь взяв»). Более того, т. к. даже в этом случае благ для раздачи хватило не всем, хан как бы «занял» денег у самого себя для великого князя, раздав часть своего добра «за великого князя» («из своей казны тем подавал»). Московский правитель, согласно позиции хана, должен был возместить данный «заем» следующим траншем «выхода/поминок/жалованья». Финалом грамоты было прямое указание: «после сего вперед чтобы еси всем тем свое жалованье посылал по тому, как в сем списке писано без ущерба».

А вот как реагировала на данные указания Москва (наказ послу И. Челищеву от ноября 1517 – января 1518 г.): «А нечто учнет царь (Мухаммед-Гирей I. – Б. Р.) говорити: дайте мне на том правду, что ко мне брату моему великому князю вперед посылати поминок столко и столко, а учнет именем говорити сколько посылати, и Василью и Илье (представителям посольства великого князя. – Б. Р.) однолично на том правды не дати (выделено мной. – Б. Р.), а отговариватися Илье по великого князя наказу»⁵⁵⁹.

Если хан требовал, то лица уровнем ниже для получения даров пускали в ход демагогические приёмы, взывая ко всему, что только может прийти в голову, например, к выдуманному «виртуальному» родству (грамота Василию III от жены мирзы Бахтияра (род Ширин) царевны Кутлу («Кутлу-салтан»; дочь хана Менгли-Гирея) от ноября 1517 г.): «Ведомо б было тебе дяде моему великому князю Василью слово то: брата твоего Ахмат-Гирей-салтанову сыну Геммет-Гирей-салтану дочь свою даем. А наше дите твое дитя. И на весне, ож Бог помилует, здоровы будем, свадьбу хотим чинити, и телеги нам синим и черленным покрыти надо. И ныне у тебя у дяди нашего прошение наше то: свой еси нам дядя, и мы сестре твоей синяго да черленово сукна просим, и сам пожалуешь, в помощь пришлешь, ты ведаешь (выделено мной. – Б. Р.)»⁵⁶⁰.

Если по мнению крымской стороны «поминок» присылали недостаточно, их могли забрать силой или проявить неуважение к послам. В отчёте московского посланника в Крым В. Сулешева (1533 г.) говорится о реакции султана Сафа-Гирея б. Фетих-Гирея на московский «поминок» в виде одного соболя. Сначала Сафа-Гирей забрал у московского посланника двух его человек и двух лошадей. После жалобы посланника хану все было возвращено, но лошади при перегоне померли. Соболя же Сафа-Гирей вначале забрал, но потом вернул, сказав: «а приказал – за то мне великому князю дружити не за что». Тагалды (князь?), служивший передаточным звеном между московским посланником и Сафа-Гиреем, забрал соболя себе и не вернул. При этом Сафа-Гирей, возможно, являлся одним из инициаторов недавнего похода на московскую территорию (участвовал в нём с Ислам-Гиреем б. Мухаммед-Гиреем): хан Сахиб-Гирей б. Менгли-Гирей указал его ответственным за поход⁵⁶¹.

Интересно, что даже Ногайская Орда, которую некоторые представители историографии считают чуть ли не «вечным холопом» московских правителей, полагала себя представителем стороны-сюзерена (что являлось в рамках правовых норм той эпохи вполне корректным), и также требовала своей доли «выхода». В обстановке наивысшей мощи Ногайской Орды 1530-х гг., ногайский бий Саид-Ахмед б. Муса писал Ивану IV в 1535 г.: «...и ты (Иван IV. – Б. Р.), кто тебя ежегод воевал (выделено мной. – Б. Р.), Магмед Гирею царю, что давал еси шестьдесят тысяч алтын, и ты то дай (мне – бию. – Б. Р.). Учнешь же спор или затейку чинити, отец наш

⁵⁵⁹ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 410.

⁵⁶⁰ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 401.

⁵⁶¹ РГАДА. – Ф. 123. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 66об.

праведной князь (имеется в виду Эдиге. – Б. Р.) к вам до Москвы дохаживал. А нас перед осенью туто же смотриги тебе надобе, Бог даст»⁵⁶².

Бий требовал себе той дани, которая платилась в Крым («шестьдесят тысяч алтын»), недвусмысленно замечая, что эти деньги платились несмотря на то, что Мухаммед-Гирей I «тобя ежегод воевал» (да и вследствие этого). Он также напоминал, что «отец наш праведной князь к вам до Москвы дохаживал», вспоминая поход Эдиге 1408 г., да и сам угрожал походом – «нас перед осенью... смотриги тебе надобе».

При этом в переговорах с представителями Ногайской Орды московский вельможа сообщал мирзам: «а не наймует вас государь наш, дружбу ему делайте»⁵⁶³, заявляя, что все оплаты со стороны Москвы – это не подкуп и не «зарплата» (и уж никак не «выход»), а всего лишь подарок в благодарность за дружбу.

Вот же как понимали «дружбу» с Москвой в Ногайской Орде: Саид-Ахмед писал великому князю и царю в августе 1536 г.: «...ты (московский правитель. – Б. Р.)... с нами прямым другом буди. А дружбе знамя то: пришли нам (выделено мной. – Б. Р.) две шубы собольи, девять шуб хрептовых белых, две шубы горностаины, две шубы куньи, две шубы лисьи, девять поставов сукна, да пансырь крепок с ыным полным доспехом, да с серебром; да з золотом седло и узду, да три шапки черны, да триста тысяч гвоздей, да девять шуб белых черевых, да розных цветов красок, да олифы»⁵⁶⁴.

Ногайская «дружба» была раскрашена в цвета материальных потоков из Москвы: шуб, сукна, военных доспехов, шапок, золотых седел, «розных цветов красок»: «Да всем царем казну свою даешь, и нам бы еси ныне сею дорогою дал девять горностаинных шуб, девять собольих шуб, девять шуб куньих, деветь шуб хрептовых белых, деветь шуб белых черевых, деветь пансырев, да деветь шеломов, да девять тягиляев, да девять шапок черных, да девять шуб лисьих, да деветь сукон ильских, да девять поставов сукна, да девять тысяч гвоздей, да деветь седл и с уздами, да ковш золот, да два ковша серебряны. Да то бы еси все сполна прислал – дружба то (выделено мной. – Б. Р.)»⁵⁶⁵, требовал бий ранее, в ноябре 1535 г. В 1558 г. бий Исмаил б. Муса предельно ясно изложил своё видение «дружбы» Ивану IV: «Всякои, хто кому друг, тот тово денгами промышляет»⁵⁶⁶. В унисон таким требованиям биев звучали слова кековата (знатного мирзы) в 1548–1549 гг. в грамоте от мирзы Ураз-Али б. Шейх-Мухаммеда («Уразлы») к Ивану говорилось: «Всяково человека есть, что изстари ведетца пошлина. И коли наша пошлина до нас не доидет, и мы после того розгневаемся» (выделено мной. – Б. Р.)⁵⁶⁷. Под «пошлиной» мирза имел в виду свою долю «выхода».

Москва же использовала свои познания о политической конъюнктуре позднесолотоордынского мира, его внутренней иерархии в своих целях, отсекая непомерные, по её мнению, требования некоторых наследников Улуса Джучи. В речи послу ногайского бия Саид-Ахмеда б. Мусы князю Кудояру в 1537 г. в ответ на требование бия посылать ему такие же «поминки», как и крымскому хану («царю»), со стороны Москвы звучало: «Ни из начала такое дело бывало, что царю посылаем каковы поминки, таковы бы и ему (бию. – Б. Р.) посылати, и иным мирзам, калгины и иные поминки и иным мирзам посылати. И мы царю урошных поминков не посылаем, коли нам подружат, а наших недругов воюют, толды им от нас и поминки ходят, ни князю и мирзам пригоже чюжих поминков просити»⁵⁶⁸.

⁵⁶² Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – Махачкала, 1995. – С. 130.

⁵⁶³ Там же. – С. 144.

⁵⁶⁴ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – Махачкала, 1995. – С. 156.

⁵⁶⁵ Там же. – С. 164–165.

⁵⁶⁶ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. – Казань, 2006. – С. 281.

⁵⁶⁷ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – Махачкала, 1995. – С. 311.

⁵⁶⁸ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – Махачкала, 1995. – С. 212–213.

То, как вольно в поздний период отношений стороны обыгрывали ситуации, касающиеся «выхода», как свободно они трактовали их в собственную пользу, ярко демонстрирует нижеописанная картина. В 1563–1564 гг. при переговорах между представителями Москвы и польского короля Сигизмунда Августа, представитель последней констатировал: «Перекопский царь государю нашему подданный, и государь наш его жалует, сукна и кони и гроши и всякую казну многую дает, подданой его, потому его и жалует, свою казну и посылает. – И бояре говорили: мы того не слышали, что Перекопский царь подданой государю вашему (выделено мной. – Б. Р.); разве государь ваш посылает к нему казну того для, подымая бесерменство на христьянство»⁵⁶⁹.

Выплачивая традиционную дань Крыму, польская сторона стремилась представить эти выплаты как жалование своему «подданному» – крымскому хану. Московские бояре справедливо отметили реальные причины этих выплат – создание материальных предпосылок для походов «на христьянство». Так обоюдно лукавили стороны друг перед другом.

Таким образом, приведённые данные источников позволяют расставить некоторые акценты.

Восприятие сторонами одного и того же явления – вещь субъективная, но факты свидетельствуют, что запросы (требования) материальных благ в Степи шли только в одном направлении (из татарского мира в Москву), а сами материальные блага – тоже только в одном, но противоположном (из Москвы в татарские государства). Татарские государства – наследники Улуса Джучи – воспринимали своего прежнего вассала, «русский улус», как донора, с которым нет нужды церемониться и проявлять чудеса дипломатии. Московия же пыталась представить ситуацию таким образом, что все поставляемые ей в Степь материальные блага являются благодарностью (соответственно, сугубо добровольной) за услуги, оказываемые ей теми или иными представителями кочевого мира. Читатель в состоянии сам сделать выводы, чья картина была ближе к реалиям.

Функционально же для Москвы (как и для Великого княжества Литовского) выплаты («поминки» или «дань») в числе прочего являлись зачастую более дешёвым средством предотвращения военных походов татарских отрядов, нежели возведение крепостей или содержание собственных войск. Грамота хана Сахиб-Гирея б. Менгли-Гирея, пришедшая в Москву в 1533 г., сообщает, что великий князь прислал как хану, так и калге (Ислам-Гирею б. Мухаммед-Гирею) девятные поминки («девят поминков»), против посылки которых столь рьяно ратовала всегда Москва («девятная пошлина» восходила своими корнями к временам расцвета Улуса Джучи и его отношений с русскими княжествами). Хан сообщает, что в списке, направленном Василию III из Крыма заранее, был запрос выслать поминки 120 персонам, а прислано было только 15 персонам. Со стороны хана следовало предупреждение: «И ты брат наш сю землю гораздо знаешь. Сее наше земли жите воиною (выделено мной. – Б. Р.)»⁵⁷⁰. Далее хан доходчиво разъясняет, что дешевле посылать поминки, нежели терпеть убытки от «полона» (плена) (по сведениям хана, 100 000 чел.)⁵⁷¹, и заключает: «И сколько к нам ни учнешь своих поминков и поклонов посылати, а против трехсот, или четырехсот голов полону ценою не будет» (идёт сопоставление уцербта от войны со стоимостью поминков)⁵⁷².

В грамоте Ивану IV (переведена 12 января 1546 г.) хан Сахиб-Гирей рассуждает по поводу потенциальной возможности мира с Москвой и зависимости этого мира от поминков: «И ты того (объёмы поминков, запрашиваемые Крымом. – Б. Р.) не даешь – малым даваньем хочешь миритись (малыми объёмами поминков. – Б. Р.). С нами тебе миритися и ратитца – то

⁵⁶⁹ Сборник РИО. – СПб., 1892. – Т. 71. – С. 264–265.

⁵⁷⁰ РГАДА. – Ф. 123. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 68.

⁵⁷¹ РГАДА. – Ф. 123. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 68об.

⁵⁷² РГАДА. – Ф. 123. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 69.

у тебя в своих руках. По нашей мысли дашь – и мы помиримся. А не похочешь дати – заратица похочешь (выделено мной. – Б. Р.)... Дотолле был ты (Иван IV. – Б. Р.) молод. А ныне ж у вразум фшел еси – которое тебе прибылнее и убыточнее»⁵⁷³.

Хан продолжил свою мысль: «И вперед учнешь к нам посылати гонцов – чтоб к нам ехал сын боярской. А вез бы тридевять поминков (выделено мной. – Б. Р.)... С нами миритися хочешь, а тридевяти поминков дати не хочешь»⁵⁷⁴.

Для татарских же правителей выплаты были дополнительными материальными благами, которые к тому же способствовали поддержке их внутреннего престижа среди собственной политической элиты⁵⁷⁵.

Из неравенства сторон вытекал и имевшийся между ними антагонизм, вызванный, с одной стороны, неуважением к прежде завоёванным (если мыслить шире – неуважением к слабому); с другой, нетерпимостью к тем, кто «без любви» стал доминирующим партнёром в отношениях на долгие столетия (если брать шире – имевший в своей основе страх перед более сильным актором политической сцены).

Как я уже говорил, главный показатель антагонизма – постоянные военные конфликты между сторонами. Эдвард Кинан вряд ли прав, говоря о том, что военные конфликты были скорее исключением из правил, не нарушая в целом мирного течения отношений⁵⁷⁶. Они именно нарушали его, причём постоянно, на протяжении всего изучаемого периода. Характерно, что именно в XV–XVI вв. отказ от борьбы с татарами начал восприниматься русскими как недостойный поступок, и вместе с этим новым восприятием подверглось «пересмотру и редакции» и поведение исторических персон – героев летописей⁵⁷⁷.

Дипломатические реалии татарского мира в отношениях с «неверными» очень выразительно были охарактеризованы последним верховным сеййидом Казанского ханства Кул-Шарифом (Шерефи Хаджитархани), на деле знавшим не только практику, но и теорию дипломатии. Он писал о связях Казанского ханства с Московским государством: «В соответствии с необходимостью эпохи, в целях обеспечения богатства и благополучия страны (Казанского ханства. – Б. Р.), спокойствия и безопасности народа, для обеспечения мира правители прекрасного города Казани прикидывались (выделено мной. – Б. Р.) друзьями, обменивались послами и государственными людьми (с Москвой. – Б. Р.)» и далее приводил двустишие:

«Спокойствие мира зиждется на понимании смысла этих двух слов:

Быть верным с друзьями и притворно равнодушным с врагами»⁵⁷⁸.

Также верховный сеййид счёл нужным привести поговорку по поводу соседства Казани с Московией: «Не будь рядом с плохим (выделено мной. – Б. Р.)».

Казанские ханы именно «прикидывались» друзьями Москве, но не являлись таковыми; русские-московиты были для них не кем иным, как «врагами», а само Московское государство – политический сосед – «плохим». Очень яркие и исчерпывающие характеристики. Безусловно, любой взгляд субъективен, а взгляд высшего духовного лица на отношения с «неверными» – субъективен намного сильнее; однако, как мне кажется, данный подход отражает политические реалии тех отношений вполне предметно. То же самое можно сказать об отношении к татарам со стороны русских; данная точка зрения нашла своё отражение в таких же субъективных, как и произведение сеййида, русских летописях.

⁵⁷³ РГАДА. – Ф. 123. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 31.

⁵⁷⁴ РГАДА. – Ф. 123. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 34об.

⁵⁷⁵ Kołodziejczyk D. Указ. соч. – С. 448.

⁵⁷⁶ Keenan E. Muscovy and Kazan: some introductory remarks on the patterns of steppe diplomacy // Slavic review. – 1967. – Vol. 26. – № 4. – P. 555–557.

⁵⁷⁷ Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI в.). – М., 2004. – С. 189.

⁵⁷⁸ Шерифи Хаджитархани. Зафер наме-и Вилайет-и Казан // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1995. – Май. – С. 83–92.

То, что эти тексты – продукт культуры духовенства, в данном случае не искажает сути политической ситуации, изложенной в них; она лишь показана в данных источниках в «концентрированном» виде, утрированно и гиперболизировано, но по сути верно. Тексты, составленные духовными лицами, дают суть, внутреннее содержание, «скелет» этих отношений; «мясо» же, «мышцы» этих отношений проявляются в светских текстах. Конечно же, это «мясо» всегда «мягче» «скелета». Но суть ситуации проглядывает и сквозь завесу светских источников.

«Единство и борьбу противоположностей» всей этой системы хорошо показывают отрывки из дипломатической переписки между Москвой и Ногайской Ордой от 1576 г. Узнав о «бесчестье» над русскими посланцами в Ногайскую Орду, Иван IV жаловался бию Дин-Ахмеду б. Исмаилу: «Тинбаи мирза нашего сына боярского Офонася Бартенева, а сын твои Урмагмед мирза нашего сына боярского Бориса Навалкина, которые к ним были посланы от нас с нашим жалованьем в послех, безчестили и грабили, и пошлину девять имали (выделено мной. – Б. Р.), и людем своим пошлину имати велели, чего при тебе и при отце твоём Исмаиле князе не бывало»⁵⁷⁹.

Ситуация была ясна и проста: московских посланцев «обесчестили» (особое возмущение, разумеется, вызвала попытка взять «девятную пошлину», восходящую своими корнями ко временам расцвета Улуса Джучи и его отношений с Русью. Усматривая причины такого отношения, московский правитель писал: «А будет за то над нашими послы безчестье такое чинили они, что у вас в Нагаиской Орде в то время был нашего недруга крымского царя посол?».

При этом, как ни в чём не бывало, данные ногайские мирзы прислали в Москву своих послов, как будто ничего негативного (для Москвы) в этой ситуации не было: «к нам и послов своих прислали с вашими (бия Дин-Ахмеда. – Б. Р.) послы вместе». «А им было за свои вины непригож послов своих к нам прислати, и они послов своих прислали», – сетовала Москва.

Сообщая ногайскому правителю, что «нам было над их послы пригож по тому ж учинити безчестье, как они над нашими послы безчестье учинили», как бы угрожая в воздух, Москва предпочла иной вариант поведения с ногаями: «мы учинили по государски, как нам пригоже быти в правде и в терпенье (sic!), поставя с очей на очи съ их послы своих послов перед твоими и перед Урусовыми послы». Формально заявив, что «вам ведомо гараздо, что мы в пошлину никому ничего не даем, ни посылаем и не выпрашиваем ничего (выделено мной. – Б. Р.)», а также что «ныне есмь х Тинбаю мирзе и к Урмагмед мирзе потому и своих детей боярских послати не хотели», Москва все же, пококотничав в играх с политическими статусами, «х Тинбаю и к сыну твоему Урмагмедю своих детей боярских с своим жалованьем послали», правда, «для сохранения лица» заявив, что «хотим их изправленья перед собою еще посмотрити. И будет перед нами изправятца, а учнут с тобою (Дин-Ахмедом. – Б. Р.) быти в послушанье, и наше жалованье к ним по твоему прошенью об них вперед будет по прежнему»⁵⁸⁰.

Здесь можно наблюдать явные нормы тех времён, когда татарская сторона была, безусловно, выше московской, и могла позволить себе, «обесчестив» московских послов, как ни в чём не бывало требовать нового «жалованья» (согласно русской терминологии) или «пошлины» (согласно татарской терминологии). И хотя к 1576 г. эти реалии, после падения двух татарских юртов, уже практически канули в лету, даже Ногайская Орда, статус правителей которой в татарском мире всегда был ниже Чингисидов, могла себе позволить, безо всяких для себя последствий, бесцеремонное обращение с посланниками Москвы, которая, хотя уже и набрала военной мощи, опасалась открыто заявлять в позднезолотоордынском мире свои новоприобретённые политические претензии.

Московский правитель, возможно, хотел поступить иначе, но не отважился, удовлетворившись угрозами. И так было почти всегда на протяжении изучаемого периода.

⁵⁷⁹ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). – М., 2003. – С. 36.

⁵⁸⁰ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). – М., 2003. – С. 37–38.

В 1536 г. московский представитель в Ногайской Орде сообщал своему хозяину, что дружественные ему ногайские информаторы говорили ему «в тай» о разговорах между бием и его приближённым «Ясаналеем». «Ясаналей» якобы говорил бию: «А коли бы де и тобя (бия Саид-Ахмеда б. Мусу. – Б. Р.) князь велики не блюлся, ино де и гости твои на Москве грабили и, идучи, на украине воевали. А князь велики де и их не унял и посла твоего Кудояра и мирзиных послов отпустил (выделено мной. – Б. Р.)»⁵⁸¹.

Ногайские представители действовали дерзко по отношению к Москве – их послы в Москве «грабили» «и, идучи, на украине воевали»; одним словом, двукратно произвели недружественные Москве действия. Однако Московия не осмелилась на ответные действия – их не «уняли», и даже посол Кудояр, которого можно было в отместку за всё это задержать в Москве, как это иногда делалось, свободно уехал в Ногайскую Орду. Причину этого приближённый ногайского бия видел вполне трезво: великий князь «блюлся» (боялся, опасался) ногайского правителя. Видимо, прежде всего в военном плане.

Правда, в менее благоприятные для татарских государств времена, иногда Москва могла себе позволить вести себя иначе: в 1551 г. «нагаиские... послы... идучи с Москвы, дорогою грабили (выделено мной. – Б. Р.). А пришед на украину, царя и великого князя воевод, которые их провожали до украины, переграбили ж... И царь и великий князь за то, что они воевод переграбили... велел нагаиских послов сходить, да как их соидут, и царь и великий князь тут их велел побити (убить. – Б. Р.), а иных переграбити»⁵⁸².

Наиболее ярко неравноправие сторон проявлялось через соотношение статусов правителей. Ниже я не ставлю своей задачей детальный сравнительный анализ иерархического положения московского великого князя в позднезолотоордынской системе. Я всего лишь хочу схематично обозначить своё видение этого положения, исходя из совокупности источниковых данных, бывших мне доступными, и штрихами цитат из дипломатической переписки подтвердить это.

Как известно, в системе, к которой Московское (Владимирское) великое княжество принадлежало на протяжении трёхсот лет, единственным обладателем харизмы правителя была династия Чингисидов. Московский правитель к ней не принадлежал и потому имел ранг более низкий, чем ханы Крыма, Астрахани и Казани. И если по отношению к астраханским и казанским ханам нижестоящий статус московского правителя был скорее формальным, нежели фактическим, то по отношению к ханам Большой Орды, после 1502 г. – к ханам Крымского ханства этот подчинённый статус как *de jure*, так и *de facto* просматривается достаточно долгое время.

Как демонстрирует Дариуш Колодзейчик, одним из показателей этого были документально зафиксированные факты «дарения» крымскими ханами спорных пограничных городов как литовским, так и московским великим князьям как ханским вассалам⁵⁸³. Несмотря на «виртуальность» таких «дарений», сам факт принятия этих документов как литовскими, так и московскими правителями позволяет говорить об известной иерархичности политической элиты средневековой Центральной Евразии. Роберт Кроски отмечал, что московский великий князь обращался к крымскому хану с «челобитьем», а не с «поклоном», что формально подчёркивало много более подчинённую позицию⁵⁸⁴. На аналогичные моменты указывал Леонид Юзефович, давая объяснения данным фактам⁵⁸⁵.

⁵⁸¹ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – Махачкала, 1995. – С. 154.

⁵⁸² Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. – Казань, 2006. – С. 51.

⁵⁸³ Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. – P. 276–277.

⁵⁸⁴ Croskey R. The diplomatic forms of Ivan III's relationship with the Crimean Khan // *Slavic Review*. – 1984. – Vol. 43. – № 2. – P. 257–269.

⁵⁸⁵ Юзефович Л. А. Путь посла: русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. – СПб., 2007. – С. 23–31.

Даже в 1578 г. Иван IV старался получить у крымского хана Даулет-Гирея формальное одобрение своих прав на «всю Русь» и на Ливонию, и поэтому соответствующие главы были включены в русский проект нового московско-крымского договора⁵⁸⁶.

Ступенькой ниже ханов-Чингисидов располагались беклербеки при хане, или улугбеки, или амир ал-умара – «князи князей» русских источников (наиболее известные из них – Мамай и Эдиге б. Балтычак); они были одними из нескольких (часто четырёх) карачибекон – «князей» русских источников⁵⁸⁷. Иногда статус московского великого князя приравнивают к статусу имперского (золотоордынского) беклербека – первого из карачибекон – «князю князей», или «великому князю». Однако это сравнение исходит, скорее всего, только из схожести терминов, обозначавших их должности (калька «улугбек» («улу бий») = «князь князей» = «великий князь»).

Точнее было бы предположить, что статус московского великого князя в поздnezолотоордынской политической системе условно равен статусу ногайского бия (который формально почти всегда являлся беклербеком при каком-либо марионеточном хане в Ногайской Орде). Однако в данной схеме упускается из виду такой крайне принципиальный для того времени факт, как монгольское завоевание Руси в 1237–1241 гг. С учётом того, что предки ногайского правителя являлись представителями стороны-сюзерена в отношениях Орды и Руси, ногайский бий, скорее всего, стоял всё же выше правителя Московского государства.

Итак, главы любого наследника Улуса Джучи, включая Ногайскую Орду, в политической иерархии поздnezолотоордынского мира стояли выше московского правителя (по крайней мере, в понимании представителей татарского мира). Москва чётко осознавала это, но иногда пыталась представить дело иначе. Однако именно вышеприведённая трактовка поздnezолотоордынской политической структуры «витают туманом» во всей дипломатической документации периода. Наиболее ярко, естественно, это проявлялось в отношениях с Крымом, как с основным наследником Улуса Джучи после 1502 г. Это проявляется в неявной форме, «в проговорах», вскользь, так как и для Московии, и для татарского мира это было столь очевидно, что заявлять об этом значило бы примерно то же самое, что сейчас постоянно повторять таблицу умножения.

Московский посланник И. Мамонов передавал своему правителю слова крымского князя Аппака в 1516 г.: «А на Литовскую землю на се лето царю (крымскому хану. – Б. Р.) рати своей не послати того деля, что князь великий (московский великий князь. – Б. Р.) на сю весну царю рати не дал на Асторокань, а царю велит рать послати на Литовскую землю, ино князь великий боле, или царь боле? (выделено мной. – Б. Р.)»⁵⁸⁸, такой риторический вопрос задавал послу крымский представитель. Вопрос был именно риторическим для обеих сторон, поэтому этот аргумент и применил Аппак.

В грамоте от ногайского бия Саид-Ахмеда б. Мусы, озвученной Ивану IV в августе 1534 г., ногайский князь употреблял в послании к московскому правителю термин «слово» («сюзем»), характерный, во-первых, для обращений Чингисидов, во-вторых, употребляемый в переписке от вышестоящего к нижестоящему⁵⁸⁹.

Таких примеров, свидетельствующих о второстепенном положении Московии и её правителя в сфере татарской политики, можно привести множество.

⁵⁸⁶ Kołodziejczyk D. Указ. соч. – С. 277.

⁵⁸⁷ Подробнее о беклербеках см.: Трепавлов В. В. Беклербек в структуре монгольской и тюркской государственности // Золотоордынское обозрение = Golden Horde Review. – 2014. – № 2 (4). – С. 21–34.

⁵⁸⁸ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 287.

⁵⁸⁹ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – Махачкала, 1995. – С. 92. См. кн.: Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. – Казань, 1979. – С. 186–205.

Итак, многие данные говорят о том, что Московское государство являлось одной из активных сторон, вовлечённых в сложную систему межгосударственных отношений, складывавшуюся в Восточной Европе начиная со 2-й половины XV в.

В XV–XVI вв. между государствами-наследниками Золотой Орды сохранялись довольно тесные связи, иногда даже затрудняющие определение степени их суверенности. Московия была одним из государств, боровшихся за доминирование на территории Джучидской империи⁵⁹⁰. Многогранные взаимосвязи между всеми участниками позднезолотоордынской политической сцены опять-таки «флёр» проступают во всей дипломатической переписке периода. Приведу некоторые яркие примеры.

В 1549 г. Ногаская Орда, наиболее значительная из соседей Казани, недовольная политической хана, предложила Москве совместную военную акцию, в результате которой Казань была бы захвачена, хан заменён на вассала московского царя Шах-Али б. Шейх-Аулияра (который ранее уже был ханом) и ногайского князя в качестве первого казанского карачибека⁵⁹¹. Москва согласилась, но план провалился. В грамоте Ивану IV от казанского беглеца «Абдулы Бакшея», временно находившего «в Нагаех» в 1548–1549 гг., говорилось о мыслях, которые в то время озвучивала часть казанской знати крымской ориентации, оставшаяся в Казани («которые с крымцы в одиначестве Булатовы княжие дети да Расовы дети»): «Шигалей деи царь из Новгорода побежал назад, а вы деи Нагаи одни о себе нас хотите воевати. Что деи нам доспеете? И Шигалей деи царь один без Нагаи с русскою ратью не может же нам ничево доспети»⁵⁹².

Описывая ситуацию перед окончательным захватом столицы Казанского ханства, точнее один из её этапов, когда хан Шах-Али, не дойдя до конечного пункта своего похода, повернул назад, а союзные Москве ногайцы решили сами, без хана, брать город, казанцы отмечали, указывая на взаимозависимость всех действующих сил: «ногаи» без хана и, главное, без его московской военной поддержки, ничего не могли сделать Казани, но и хан только лишь с собственным касимовским и московским войсками, но без военной поддержки ногайских отрядов, не представлял угрозы для города. Все антиказанские силы находились в одной упряжке и зависели друг от друга.

Возможно, вспоминая именно этот случай, дети ногайского бия Юсуфа б. Мусы мирзы Юнус и Али в начале 1550-х гг. напоминали Ивану IV: «О себе мы Казань воевали, не взяли. И ты воевал, да не взял же»⁵⁹³. Потеря Казани (и то же может быть сказано об Астрахани) бы никогда не случилась, если бы не сотрудничество с Москвой и попустительство, по очень прозаичным причинам собственных выгод, со стороны других татарских участников позднезолотоордынской политической сцены⁵⁹⁴.

Наиболее ярко, образно и выпукло, на мой взгляд, все взаимосвязи того времени проявляются в приключениях «пансыря» (защитный военный доспех), который изначально принадлежал ногайскому бию Исмаилу б. Мусе, потом был подарен Исмаилом находившемуся тогда в Ногайской Орде будущему последнему хану Казани Ядгар-Мухаммеду б. Касиму, затем был схвачен вместе со своим тогдашним владельцем в русский плен при захвате Казани, «обретался» в Московском государстве и, возможно, вновь «переехал» в Ногайскую Орду после просьбы Исмаила, замкнув круг.

⁵⁹⁰ Исхаков Д. М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. – Казань, 2009. – С. 6.

⁵⁹¹ См.: Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – Махачкала, 1995. – С. 234–327.

⁵⁹² Там же. – С. 321.

⁵⁹³ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. – Казань, 2006. – С. 61.

⁵⁹⁴ Keenan E. Muscovy and Kazan: some introductory remarks on the patterns of steppe diplomacy // *Slavic review*. – 1967. – Vol. 26. – № 4. – P. 549.

В грамоте Исмаила Ивану IV от 1556 г. ногайский правитель писал: «А что у меня пансырь взяли в войне, то и ты сам ведаешь. И ты ко мне пришли пансырь тот, что на Едигере царе взяли (во время взятия Казани. – Б. Р.). А тот был пансырь мои (выделено мной. – Б. Р.)»⁵⁹⁵.

Подобно этому «пансырю», перемещались в позднезолотоордынском пространстве и люди, сплетая свои судьбы и судьбы своих государств в причудливую паутину, распутать которую зачастую попросту невозможно. Да в этом и нет необходимости.

Все государства, входившие в своё время на тех или иных условиях в Улус Джучи, включая Московию, сохраняли на протяжении XV–XVI вв. теснейшие взаимосвязи, особенно в сфере реальной, фактической политики. Формальные статусы правителей, выплаты материальных средств из одного государства в другие, военные конфликты, конфессиональная разница сторон – все эти факторы меркли перед лицом фактических условий, в которых приходилось жить. Эти условия определяли вынужденное, но очень тесное сотрудничество. Если происходило усиление одной из сторон, то она могла пожертвовать этой «дружбой», однако когда сил на какую-либо акцию не хватало, что случалось гораздо чаще, любая сторона начинала искать фактической поддержки у соседней, и обычно её находила. Брак по расчёту был нормой позднезолотоордынского мира.

---

⁵⁹⁵ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. – Казань, 2006. – С. 216, 253.

Подводя итоги

Первыми Чингисидами, которые провели около трёх лет (1407–1410 гг.) на территории Московского великого княжества, стали сыновья хана Тохтамыш б. Туй-Ходжи, который с 1380 г. до своей смерти в 1404 (1406) г. был политически активен во всём Дешт-и-Кипчаке. Когда эмир Эдиге б. Балтычак преуспел в посадении своего марионеточного Джучида на сарайском троне в 1407 г., Тохтамышевичи бежали из Степи в «земли Руси». Источники хранят молчание, где находились Джучиды в течение этих трёх лет. Вероятно, они воспринимали своё пребывание в Московии как кратковременное, планируя вернуться домой.

Основная часть ордынской «эмиграции» 1-й половины XV в. в московскую территорию была связана с именем бывшего сарайского хана Улуг-Мухаммеда б. Ичкеле-Хасана. Благодаря двум крупным военным победам над Василием II (Белев 1437 г. и Суздаль 1445 г.), представители татарской высшей знати получили в правление земли на территории московского правителя. Результатом суздальского поражения Василия стало образование Касимовского ханства – между Василием II и Улуг-Мухаммедом возник новый вид соглашения, в соответствии с которым окружение хана обосновалось в Московии для длительного пребывания. К 1473 г. при сыне Василия, Иване III, ожидался уже постоянный приток Джучидов в московские земли.

Период 1400–1473 гг. можно обозначить как первый этап сотрудничества Джучидов и Москвы. Его характерной особенностью было то, что приезды и оседания Чингисидов были инициативой Орды, и юрты им либо не выделялись (как Тохтамышевичам), либо выделялись по требованию ордынского сюзерена как результат определённых «провинностей» московской стороны (как Касиму б. Улуг-Мухаммеду).

В 1470–1490-е гг. Москва начала уже преднамеренно завлекать к себе потомков Чингис-хана, переживавших не лучшие времена в Степи: она поняла, что из неудач своих недавних оппонентов можно извлечь политические выгоды. По всей видимости, в это время Москва уже пришла к мысли о возможности добровольного (со стороны московского правителя) пожалования данных лиц русскими городами, выдаваемыми как средство содержания Чингисидов. Но в этот период данная практика ещё не получила широкого распространения. При этом великий князь старался заполучить к себе лиц, политический статус которых в Степи был очень высок: часто это были представители Крымского ханства и Большой Орды. Однако зависимый от московского правителя статус их зачастую не устраивал.

Позже, в 1500–1540-е гг., выходцы из Большой Орды были достаточно долго представлены в политической системе Московского государства. Характерно, что осесть в Московии и жить под опекой великого князя были готовы лишь Джучиды, выехавшие в Москву уже в преддверии ликвидации Большой Орды. Они уже не были свидетелями даже остатков прежней славы Улуса Джучи и не являлись фактическими правителями юрта.

К последнему десятилетию XV в. правители Степи стали воспринимать русское княжество как источник материальных благ. Теперь речь стала вестись о территориальных пожалованиях, которые ожидали Джучидов по приезду в Московию. К 1490-м гг. как Москва, так и татарские государства стали осознанно воспринимать русские города как «точки взаимосвязи» Московского государства и Степи, как то, что одни намеренно предлагают как «способ оплаты» предоставляемых услуг, а другие – как изменившуюся разновидность дани, которую им должны. В дипломатических источниках эти выделяемые эмигрантам из Степи территории обычно обозначались двумя терминами: «юрт» и «место».

К первым десятилетиям XVI в. Московское государство стало широко известно среди элиты позднезолотоордынского мира как источник таких «удельных» юртов, а великий князь московский как лицо, уполномоченное выделять их. К середине XVI в. царь и великий князь

вполне вжился в роль «юртодателя» и отчётливо представлял себе ту целевую группу татарского мира, которой предназначались данные города.

Падение двух татарских государств – Казани и Астрахани – разделило историю московско-позднезолотоордынских связей на две части. Ещё до этого происходило постепенное изменение этих отношений. Первой точкой отсчёта этих изменений можно считать 1530-е гг. В это время в Касимовском ханстве происходит внедрение «параллельной», подчиняющейся Москве администрации. Вторая точка изменений – сама аннексия татарских юртов в 1552–1556 гг. Третья – 1567 г. – назначение властью и волей Москвы хана в Касимове.

После захвата Казани и Астрахани поток Джучидов в Московию не уменьшился: теперь они стали воспринимать эту территорию как место постоянного проживания, более удобное в сравнении с родиной. Москва же решила распространить свои дипломатические успехи на новые горизонты: ещё сильно было в военном отношении Крымское ханство, и говорить с ним с позиции силы было рискованно.

С конца 1560-х гг. требование «уступки» Астрахани стало главной темой русско-крымских отношений. Мысли посадить в Астрахани младших Гиреев под русским верховенством время от времени возникали и у Ивана Грозного. В Москве реально учитывали возможность перехода Нижнего Поволжья под формальный крымский контроль: Иван желал превратить Астрахань в некое подобие Касимовского ханства.

Когда в результате очередного династического конфликта в Крыму летом 1584 г. в Северном Кавказе оказались три брата – хан Саадет-Гирей и султаны калга Мурад-Гирей и Сафа-Гирей, дети хана Мухаммед-Гирея II, изгнанные их дядей Ислам-Гиреем II, в Москве начал зреть коварный план. После долгих и сложных переговоров летом 1586 г. султан Мурад-Гирей въехал в Астрахань в качестве брата законного крымского хана Саадет-Гирея и одновременно Чингисиды, призванного объединить «под рукой московского царя» ногайских мирз. В Астрахани вельможи московского правителя всячески опекали царевича, не позволяя ему действовать самостоятельно.

В этом плане важна эволюция статуса Астрахани в московском понимании: из столицы независимого Чингисидского государства она превратилась в город, которым можно «жаловаться» того, кого Москва сочтёт необходимым, как это делали в период 1490–1590-х гг. с городами, расположенными в центральных уездах России (Кашира, Звенигород, Юрьев-Польский, Серпухов и др.). Более того, вскоре данную, уже опробованную модель политической эволюции Москва применила в отношении целого государства, а именно в отношении Сибирского юрта, бывшего ещё независимым.

Начиная с 1570-х гг. Москва пыталась показать явное превосходство великого князя и царя перед последним сибирским ханом Кучумом б. Мургазой б. Ибрагимом (Ибаком). По мнению московского правителя, к 1590-м гг. Сибирь более не являлась юртом Кучума, но, скорее, была владением Московии. Это явно прослеживается из переписки между последним сибирским ханом и московским царём Фёдором. К этому моменту Москва приобрела реальную силу, чтобы «сделать» его ханом в его бывшем юрте.

Предлагая Кучуму сделать его ханом в Сибирском юрте, Фёдор назначал Джучида на ханство, как он полагал, в пределах своего собственного владения. Не захватив окончательно Сибирское ханство «саблюю», он уже мыслил Сибирь как свою. То, что вначале осторожно проделали со статусом Касимовского ханства, развили в случае с Астраханью, получило своё логическое завершение на примере Сибирского ханства. Полноценный, бывший ещё формально независимым татарский юрт, ханство, в понимании Москвы превратился в её собственность.

Восприятие великокняжеской администрацией статуса московских «юртов», т. е. владений, расположенных на территории Московского великого княжества-государства и принадлежавших высшей элите позднезолотоордынского мира, прошло за период XV–XVI вв. длительную эволюцию. От полунезависимых татарских государств под опекой Москвы они

превращались в средство материального содержания выезжих Чингисидов, а позже в московские «юрты» эволюционировали уже целые ханства, ставшие разменными монетами московского внешнеполитического ведомства: в течение двух веков между Москвой и татарским миром происходили драматические изменения. Некоторые современники в Степи оценивали головокружительное восхождение московского правящего дома как свидетельство того, что фортуна поменяла своё направление, что пришёл век новой династии: «В наших деи в бусурманских книгах пишется, что те лета пришли, что русского царя Ивана лета пришли, рука ево над бусурманы высока»⁵⁹⁶, передавал в 1551 г. московский посол прямую цитату ногайского информатора.

Список городов и дворцовых волостей, жалуемых выезжей татарской элите, достаточно обширен. Вот только некоторые из них: Касимов, Романов, Кашира, Звенигород, Юрьев-Польский, Серпухов, Сурожицк, Хотунь, «Андреев Городок Каменный», Новгород на Оке. Многие из этих городов и их уездов в разное время являлись уделами различных представителей высшей московской прослойки. Этот факт недвусмысленно обозначает нам то положение, которое занимали татарские выходцы в структуре знати Московского государства. В этом свете возведение Иваном Грозным в 1575 г. бывшего касимовского хана Саин-Булата (в крещении – Симеон Бекбулатович) в ранг «великого князя всея Руси», как и некоторые другие действия Москвы во 2-й половине XVI в., уже не кажутся столь «загадочными» и «необъяснимыми», как это представлялось российским имперским историкам.

Вероятно, как материальное, так и правовое положение татарской элиты в пожалованных городах менялось на протяжении всего изучаемого периода, и во многом зависело от общего контекста московско-позднезолотоордынских отношений (в «татарском вопросе» влияние внешнеполитических факторов имело главенствующее значение даже в сугубо внутриполитических, казалось бы, делах). Татарский правитель владел территорией условно, хотя в некоторых случаях и очень продолжительно. В целом положение татарской знати в Московском государстве было отнюдь не однозначным. Изображать её представителей как беспрекословных «слуг» великого князя некорректно. Правильнее говорить об отношениях «подчинения» московскому князю, когда один из двух партнёров добровольно соглашался подчиниться другому.

Немаловажное значение во взаимоотношениях татарских государств и северо-восточных русских княжеств играл географический фактор: Москва вовлекалась в позднезолотоордынский мир в том числе и через свои приграничные зоны. Ярким примером таких территорий стало образовавшееся в 1-й половине XV в. Касимовское ханство, или «Мещерский юрт». Этот татарский анклав, как и другие подобные места, стал составной частью степной системы «юртов-уделов», точкой взаимосвязи татарского политического мира и Московии. При этом Мещера была моделью, на основе которой строились схемы взаимодействия между другими татарскими анклавами в Московском государстве и внешним татарским миром. Существование таких анклавов повлияло и на положение московского правителя в позднезолотоордынском политическом пространстве.

Поэтому достаточно трудно полностью разделить политические культуры средневековых татарских государств и Москвы. Московская политическая история XV–XVI вв. была органически включена в позднезолотоордынскую.

Важнейшими событиями, заложившими и в дальнейшем изменившими принципы отношений между татарским миром и Москвой, были факты монгольского завоевания большинства русских княжеств ханом Бату в 1237–1241 гг. и московского завоевания Казанского и Астраханского ханств в 1552–1556 гг. Захват «саблю» в средневековом мире считался обоснованным и достаточным правом на владение. Поэтому можно утверждать, что сначала доми-

⁵⁹⁶ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. – Казань, 2006. – С. 57.

нирующим партнёром в отношениях между татарами и Москвой стала Орда и затем её наследные ханства, а приблизительно начиная с XVII в. эта роль постепенно переходит к Московии, хотя этот поворот не был однозначным.

За время почти шестивековых (XIII–XVIII вв.) отношений с татарским миром Москва стала одним из членов этой системы, органически впитав многие её принципы, особенно касающиеся внешней политики. Приняв ситуацию такой, какая есть, московские правители стали активно сотрудничать с татарским миром в XV–XVI вв., учась и набираясь у него опыта. Татары же стали использовать своего «младшего брата» в ситуациях, когда им нужна была помощь. Однако шлейф от событий 1-й половины XIII в., а также религиозная разница сторон не позволяли им в полной мере принять и понять друг друга. Все акторы этой сцены прекрасно помнили, кто есть кто в этих связях. Сотрудничество и противостояние тесно соседствовали в отношениях между Степью и Москвой на протяжении всего изучаемого периода.

В целом же можно заметить, что составляющие Золотую Орду компоненты были слишком сложны для длительного сосуществования вместе. К середине XV в. политическое тело этой империи одряхлело, но внутреннее содержание готово было продолжать свой путь. Высшая знать этого прежде мощного средневекового государства в поисках лучшей жизни стала переселяться в соседние страны, в том числе в Московское великое княжество. На первых порах данный процесс не был добровольным для правителей Москвы, но вскоре и они стали эксплуатировать его с выгодой для себя: в XVI в. Московия уже обладала как финансовыми средствами, так и землями, необходимыми, чтобы «поднять истому» (обеспечить содержание) выходцев из нестабильного татарского мира.

Политическая обстановка сложилась таким образом, что вместо того, чтобы освобождать себя от «татарского ига», великие князья были готовы сотнями принимать выезжих знатных татар на свою территорию. Посредством этого процесса московские правители стали настолько сильно включены в политическую систему Степи, что превзошли в этом своих предков, проводивших зачастую большую часть жизни, курсируя между ханской ставкой и своими владениями.

Таким образом, ещё до середины XVI в., до аннексии Казани и Астрахани, у Москвы уже была своя имперская составляющая, позволяющая её правителям, не принадлежавшим к династии Чингис-хана по крови, участвовать в борьбе за ордынское наследство на равных со своими татарскими конкурентами.

Между государствами – наследниками Улуса Джучи в XV–XVI вв. сохранялись довольно тесные связи, иногда даже затрудняющие определение степени их суверенности. «Среди борющихся за доминирование на территории Джучидской империи государств равноправной стороной выступало и постепенно усиливавшееся Московское великое княжество», – отмечал Д. М. Исхаков⁵⁹⁷. Действительно, Москва была не сторонним участником событий, происходивших в Степи. Она участвовала в позднезолотоордынской «высокой политике» конца XV–XVI вв. на равных с татарскими государствами. Этому способствовали её давняя включённость в систему Улуса Джучи («русский улус»), личные связи между татарскими и русскими правителями, а также амбиции её властителей. Последний фактор имел особое значение.

Будучи когда-то завоёваны войсками сына Джучи – Бату, и другими Чингисидами, потеряв независимость и в результате этого спустившись на вторую ступень властной иерархии Дешт-и-Кипчака, московские правители не могли забыть и простить завоевателям данного факта. Поэтому они всячески старались «дружить» с представителями сюзерена – династией Чингис-хана, вначале приглашая их к себе «на опочив», затем «поднимая их истому» территориальными пожалованиями и используя их как своих кандидатов в позднезолотоордынской

⁵⁹⁷ Исхаков Д. М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. – Казань, 2009. – С. 6.

политике, а в конце данного процесса, в начале и в 1-й половине XVII в., просто выставляя их на тронных приёмах как красивое украшение московского двора.

Формально не обладая правами на наследство Улуса Джучи из-за «нецарского» происхождения, в явной форме московские правители не претендовали на равное соревнование с наследниками Золотой Орды за главенство над другими, однако постепенно набирались дипломатической хитрости и копили военные силы. В итоге борьба за полное овладение наследием Чингис-хана, бесконечно ведома между собой татарскими государствами, закончилась победой третьей силы – Московии, захватившей в 1552–1556 гг. одно за другим Казанское и Астраханское ханства, а в дальнейшем, в конце XVI в., включившего Сибирь в свои владения.

На мой взгляд, Москва была «своим», внутренним игроком позднезолотоордынской политической сцены. Она являлась специфической, но всё же одной из позднезолотоордынских политий. Отличаясь от других своих татарских соратников-соперников как традициями государственного устройства и управления, так и религией и культурой, наконец, правящей династией, кое-что всё же роднило её с татарскими государствами-наследниками Золотой Орды.

Полагаю, что это действия – то реальное участие в борьбе за ордынское наследие, которое на уровне внешнеполитической деятельности она реализовывала наравне со своими татарскими конкурентами. Это реальное участие предполагало как военные акции, так и дипломатические манёвры, которыми она искусно владела. Поэтому на уровне реального участия в борьбе за наследие великой империи Москву можно признать одним из позднезолотоордынских государств. На формальном же уровне этого не хотели признавать ни сами татарские ханства, ни Москва. Этому мешали как минимум два важнейших момента – принадлежность правящих династий к совершенно иному роду, нежели род наследников Чингис-хана, и факт монгольского завоевания Северо-Восточной Руси. Последний факт выводил Москву из ряда равных татарским наследникам Улуса Джучи. Татарский мир не мог принять в свои ряды покорённых и, соответственно, стоящих на ступеньку ниже их самих, Москва же с определённого времени не желала признавать факт завоевания и искала обоснование своей возросшей мощи в нетатарской политической культуре.

Статус Москвы в изучаемом нами политическом пространстве в XV–XVI вв. менялся. В течение этих двух веков между ней и татарскими государствами-наследниками Золотой Орды происходили драматические изменения: всего лишь четыре поколения разделяют мольбы Василия II к Улуг-Мухаммеду о пощаде и приказной тон ярлыка Фёдора к сибирскому хану Кучуму. К концу XVI в. Московское государство установило господство над большей частью территории Дешт-и-Кипчака. Именно Москва – «приёмная дочь» Золотой Орды – одержала победу в весьма продолжительной схватке за ордынское наследие.

Поэтому, думаю, трудно отрицать мысль, что история взаимоотношений Москвы с татарским миром – это неотъемлемая часть истории России. Процесс становления российской государственности был весьма многогранным и сложным, и исключать из него «татарский фактор» несправедливо.

Список сокращений

1. ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук.
2. АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией.
3. АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства.
4. ВКЛ – Великое княжество Литовское.
5. ГАРО – Государственный архив Рязанской области.
6. ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
7. ИТУАК – Известия Таврической учёной архивной комиссии.
8. ООИД – Одесское общество истории и древностей.
9. ПДРВ – Продолжение древней российской вивлиофики.
10. ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
11. РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
12. РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией.
13. Сборник РИО – Сборник императорского Русского исторического общества.
14. СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел.
15. ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

Приложения

Приложение 1. Хронология основных событий

1237–1241 – завоевание «саблюю» большинство княжеств Северо-Восточной и Южной Руси ханом Бату б. Джучи.

1391 и 1395–1396 – разгром Тамерланом (Тимур б. Тарагай) Золотой Орды.

1-я половина XV в. – дезинтеграция Улуса Джучи (Золотой Орды); появление на территории формирующегося Московского государства специальных татарских владений.

1407 – прибытие первых Джучидов в Московское княжество в поисках политического убежища (Джелал ад-Дин и Керим-Берди, сыновья Тохтамышша).

1408 – поход Эдиге на Московскую Русь с целью пленения сыновей Тохтамышша.

[1407–1411] – пребывание сыновей Тохтамышша Джелал ад-Дина и Керим-Берди в Московском княжестве.

1437 – очередной переворот в Золотой Орде: сарайский хан Улуг-Мухаммед б. Ичкеле-Хасан лишён престола Кучук-Мухаммедом б. Тимуром.

4–5 декабря 1437 – Белевская битва между русскими войсками и силами хана Улуг-Мухаммеда: русские бежали с поля сражения; татары «побиша руси много».

[1437–1438] – образование Казанского ханства Улуг-Мухаммедом.

1439 – начало походов Улуг-Мухаммеда на русские земли.

конец 1443 – битва у р. Листань. Поражение отрядов султана Мустафы б. Улуг-Мухаммеда в битве с русскими силами. Смерть Мустафы.

7 июля 1445 – Суздальская битва сыновей Улуг-Мухаммеда – Махмуда и Касима, с Василием II. Разгром русских войск. Пленение Василия и его князей.

7 июля – 1 октября 1445 – пленение Василия II и его проживание у Улуг-Мухаммеда.

октябрь 1445 – освобождение Василия II. Выкуп Улуг-Мухаммеду за «отпуск» великого князя.

[1445] – образование Касимовского ханства как одно из условий освобождения Василия II.

1445–1453 – участие султанов Касима и Якуба в междоусобице на территории Московского княжества на стороне Василия II.

[1466–1468] – правление хана Нур-Даулета б. Хаджи-Гирея в Крымском ханстве.

1467 – смерть казанского хана Халила б. Махмуда. Год претензий Касима на казанский престол.

1471 – «с поля» в Москву выехал султан Муртаза б. Мустафа.

1473 – султан Муртаза б. Мустафа был пожалован «Новгородом на Оце с многими волостями».

[1475] – большеордынский султан Джанибек б. Махмуд изъявил желание к московскому великому князю на «постояй».

[1476–1477] – правление Джанибека б. Махмуда в Крымском ханстве.

1479 – прибытие хана Нур-Даулета в Московию.

1481–1553 – данные русских договорных грамот о «выходе» (дани) в Касимов со стороны Московского и Рязанского великих княжеств.

середина 1480-х гг. – в Казани начинается активная борьба за ханский престол.

[1486] – в Касимовском ханстве смена представителей династии потомков Улуг-Мухаммеда на представителей крымской династии Гиреев.

1487 – казанский хан Мухаммед-Амин б. Ибрагим бежит в Москву.

1487 – казанский хан Мухаммед-Амин б. Ибрагим вновь становится ханом в Казани при поддержке московских войск. В представлении Москвы с 1487 г. казанские ханы превратились в вассалов московских великих князей и могли всходить на престол только с их согласия.

1487–1490 – участие касимовского хана Нур-Даулета в походах против «Ахматовых детей» (Большой Орды).

1490–1501 – участие касимовского султана Сатылгана б. Нур-Даулета в походах против Большой Орды.

1490–1492 – попытки Москвы заманить к себе крымских представителей Уз-Тимура (Издемир) б. Хаджи-Гирея и Девлеша б. Даулет-Яра б. Хаджи-Гирея.

1491 – первое документально зафиксированное обращение к московскому великому князю как к распределителю «юртов» (русских городов в управление татарам).

1491–1492 – Уз-Тимур (Издемир) б. Хаджи-Гирей и Девлеш б. Даулет-Яр б. Хаджи-Гирей «пьют и едят с русаки», в дальнейшем «поженились в Литве, а отведены с украины далече вглубь». Усилия московского правителя по их «рекрутированию» провалились.

январь 1493 – крымский султан казанского происхождения Абд ал-Латиф б. Ибрагим вместе с послом И. Колычевым прибыл в Москву. По прибытии он был пожалован городом Звенигородом со всеми причитающимися ему доходами.

1497 – Мухаммед-Амин бежал в Москву с женой и верными ему князьями. Иван III передал ему в управление города Серпухов, Хотунь и Каширу «со всеми пошлинами». В Казани московские представители «царем учинили... Абдыл-Летифа царевича». Великий князь присоил себе функцию ханской инвеституры – он стал «создателем ханов».

1497–1502 – Абд ал-Латиф – хан Казанского ханства.

1501 (или 1502) – султан Шейх-Аулияр б. Бахтияр прибывает в Московию вместе со своим кузеном Юсуфом б. Якубом.

[1502] – Шейх-Аулияр начал владеть Сурожигом.

1502 – «разгром Большой Орды» крымским ханом Менгли-Гиреем б. Хаджи-Гиреем.

1502–1504 (или 1505) – Абд ал-Латиф содержится под стражей («нютство») в Белоозере.

1504 – контакты Москвы с бывшим ханом Большой Орды Шейх-Ахмедом б. Ахмедом по поводу переезда в Москву из Великого княжества Литовского.

1505–1518 – Мухаммед-Амин – хан Казанского ханства.

1506 – у Шейх-Аулияра родился сын Шах-Али (Шигалей).

1508 – султан Аккурт запрашивает у великого князя «юрт» – Касимов или «Андреев Городок каменный».

1508 – официальное «прощение» Абд ал-Латифа великим князем. Шертная грамота хана Москве.

1510–1512 – будущий крымский и казанский хан Сахиб-Гирей I б. Менгли-Гирей, будучи ещё мальчиком, едет вместе с мачехой, женой крымского хана Менгли-Гирея б. Хаджи-Гирея Нур-Султан, в Москву для посещения сыновей ханши в Москве и Казани. Как он позже заявлял Василию III, «мы твою хлеб-соль едали».

1512 – Абд ал-Латиф вновь заключён под стражу («за пристава»).

[1512] – в Касимовском ханстве смена представителей крымской династии Гиреев на представителей большеордынской (астраханской) династии потомков Ахмеда.

1512–1516 – протесты Крыма против смены династии в Касимове.

1512 – крымский род Ширин начал войну против Московского правителя, двинувшись в поход на Мещеру из-за смены династии Касимовского ханства на большеордынскую. Причина похода – «за то что нынеча на Мещере наш недруг».

[1514–1521] – правление Джанибека б. Махмуда в Астраханском ханстве.

1515 – крымский султан Ахмед б. Менгли-Гирей рассматривает возможность своего переезда в Московию.

1516 – начало междоусобицы в Крыму. Против действующего хана Мухаммед-Гирея I б. Менгли-Гирея выступил его родной брат Ахмед.

1516 – султан Шейх-Аулияр и его люди покинули Сурожик и поселились в Мещерском Городке (Касимове).

19 ноября 1517 – «Абдыл Летифа царя в живых не стало». Хану было около 42 лет.

18 декабря 1518 – смерть Мухаммед-Амина. Хану было не более 50 лет.

1518 – Ахмеду б. Менгли-Гирею Москвой выдана «опасная грамота» для того, чтобы «приехати к нам доброволно без всякие зацепки».

1517 – крымский хан Мухаммед-Гирей I б. Мегли-Гирей в письме к Василию III напоминает, что Мещера является его собственностью – «из старины тот юрт наш».

зима 1518/19 – убийство Ахмеда б. Менгли-Гирея султаном Алп-Гиреем б. Мухаммед-Гиреем.

1521 – Шах-Али получил в кормление Каширу и Серпухов.

октябрь 1524 – крымский хан Саадет-Гирей б. Менгли-Гирей задумывает устранить своего конкурента за ханский трон Ислам-Гирея б. Мухаммед-Гирея. Ислам бежит «на поле».

1527–1528 – правление Шейх-Ахмеда б. Ахмеда в Астраханском ханстве.

1530-е – начало ввода московским правителем «параллельной» (подчиняющейся Москве) администрации в Касимовском ханстве.

1530 – Василий III предлагает Ислам-Гирею переехать в Московию.

1531–1532 – правление Ислам-Гирея в Астраханском ханстве.

1532 – воцарение Ислам-Гирея в Крымском ханстве.

сентябрь 1532 – Шах-Али вновь даны в управление Кашира и Серпухов «со всеми пошлинами».

1537 – убийство Ислам-Гирея беклербеком из рода Мангыт Баки б. Хасаном б. Мансуром б. Тимуром.

октябрь 1537 – лето 1539 – правление Дервиш-Али б. Шейх-Хайдара б. Шейх-Ахмеда в Астраханском ханстве при поддержке ногаев.

1546–1552 – участие касимовского и казанского хана Шах-Али с касимовскими войсками в «казанских походах» Москвы.

конец 1547 – начало 1549, январь – февраль 1550 – участие Шах-Али в «казанских походах» Москвы совместно с астраханским Чингисидом султаном Ядгаром б. Касимом, в дальнейшем последним казанским ханом.

зима 1548–1549 – хан Дервиш-Али б. Шейх-Хайдар б. Шейх-Ахмед прибыл в Москву из Астрахани.

январь 1549 – Дервиш-Али отбывает в Ногайскую Орду, где он пребывает более двух лет. Он начинает поиск поддержки для новых претензий на астраханский трон.

1550 – Ядгар б. Касим покинул Московию (прожив там восемь лет) и прибыл в один из ногайских лагерей.

16 октября 1551 – Дервиш-Али прибывает в Касимов. На следующий день он отпущен в Москву.

январь 1552 – Дервиш-Али получает Звенигород.

март 1552 – Ядгар б. Касим избирается казанским ханом.

май 1552 – прибытие в Москву Абдаллаха б. Аккубека б. Муртазы («Кайбулла»). Ему передан Юрьев Польский.

1552 – участие Шах-Али и касимовского войска в захвате Казани.

2 октября 1552 – падение столицы Казанского ханства под ударами армии Ивана Грозного.

1553 – хана Ядгара б. Касима обращают в христианство (Симеон Касаевич). Он поселен в Звенигороде.

1554–1556 – второе правление Дервиш-Али б. Шейх-Хайдара б. Шейх-Ахмеда в Астраханском ханстве.

1556 – установление в Астрахани прямого правления русского воеводы. Конец независимости Астраханского ханства.

1552–1556 – военные захваты Иваном IV татарских государств – Казанского и Астраханского ханств. Изменение векторов развития позднезолотоордынского мира.

5 июня 1558 – ногайский мирза Юнус б. Юсуф прибывает в Москву.

24 октября 1564 – ногайские мирзы Ибрагим б. Юсуф и Эль б. Юсуф прибывают в Москву.

осень 1564 – летопись датирует приезд «из Нагай» Айдара б. Кутума б. Шейх-Мухаммеда с отрядом в 50 человек.

между октябрем 1564 и июлем 1565 – Иван IV жалует в «удел» ногайскому мирзе Элю б. Юсуфу город Романов на Волге.

1564–1656 – город Романов является ногайским анклавом.

1567 – назначение властью и волей Москвы хана в Касимовском ханстве.

1568 – Иван IV просит крымского хана отпустить одного из своих сыновей на «мусульманский юрт» в Касимов.

1570–1590-е – дипломатическое «превращение» Москвой Сибири из юрта Кучума б. Муртазы в московское владение.

лето 1584 – на Северный Кавказ бежали три брата: хан Саадет-Гирей и султаны калга Мурад-Гирей и Сафа-Гирей (дети хана Мухаммед-Гирея II).

лето 1586 – султана Мурад-Гирея со своим двором отпускают в Астрахань, на условии того, что «быти им под государевою рукою в ево государеве жалованье и воле, и жити под Астараханью, и во всем государю лиха не хотети, и стояти против государевых недругов».

20 августа 1598 г. – Московский правитель нанёс решающее поражение сибирскому хану Кучуму б. Муртазе.

1700 – Москва официально отказывается выплачивать дань в Крымское ханство.

Приложение 2. Персоналии

«Абдула Бакшей», казанский беглец «в Нагаех» в 1548–1549 гг.

«Азбердей, Мишереванов сын», бек (князь) ордынского султана (царевича) Мустафы, убитого в 1443 г. у р. Листань. Согласно Никоновской летописи, в 1443 г. Азбердея «яли и иных многих Татар поимали».

«Алказый», казанский бек (князь). Среди князей-сторонников казанского хана Али б. Ибрагима («Ильхам»), захваченного в 1487 г. Иваном III, были Ширины Бегиш и его сын Утеш, которые укрылись у хана Ибрагима б. Махмудека («Ибак»). Иван III просил хана Ибрагима: «а тех бы наших беглецов, Алказыа, да Кайсым Сеитя, да Бегиша, да Утеша с товарищи, да и Тувачева брата, и сына Тувачева, и зятя, и иных людей, которые с ними были, велели казнити». В 1492 г. князья находились у ногайского мурзы Мусы. Иван III просил их перейти к нему на службу; послам было поручено «Алказыю да Бегишу, да сыну его Утешу, да Каисым Сеитю» передать: «Государь наш, великий князь, велел вам говорити: приказывали есте ко мне с моим человеком с Тулушом, чтобы вам ехати ко мне. И вы бы к нам поехали, а мы вас жаловати хотим».

«Асанак мирза», ногайский мирза.

«Ашманов сын Курбан-Алий», подданный крымского хана. Около 1516 г. он был «...в Мещере в Бостанове селе».

Абд ал-Латиф бин Ибрагим (ок. 1475 – 19 ноября 1517 г.) («Сатика», «Абдылетиф»), казанский хан (1497–1502), сын хана Ибрагима и Нур-Султан. Проживал в Казани, Крыму и Москве; владел московскими юртами.

Абд ар-Рахман бин Абд ал-Керим, астраханский хан (1533 – не ранее конца октября 1537; вторично – лето 1539–1543 (?))

Абдаллах бин Аккубек бин Муртаза (Кайбулла), султан (царевич), сын астраханского хана Аккубека. Правнук Ахмеда, последнего хана Золотой Орды. Владел городом Юрьев-Польский. Умер в 1570 г., похоронен в Касимове в текие Шах-Али.

Абу-л-Хайр бин Кучум (после крещения Андрей Кучумович; род. ок. 1575), сибирский султан (царевич), сын сибирского хана Кучума. 1 августа 1591 г. был взят в плен в бою близ озера Чили-Куль воеводой В. Кольцовым-Мосальским. В 1597 г. Абу-л-Хайр обратился к отцу Кучуму, потерявшему свои владения и находившемуся в то время где-то в Бухаре, с просьбой покориться русскому царю. С грамотой Абу-л-Хайра отправлена была и царская грамота, в которой Кучуму предлагалось даже управление Сибирью в качестве русского присяжника. В 1599 г. Абу-л-Хайр был отвезён в Москву, где был крещён.

Агиш («Агыш»), крымский бек (князь).

Адар-Газы, слуга крымского султана (царевича) Геммета.

Айдар (род Кунграт), бек (князь), зять хана Улуг-Мухаммеда. В 1437 г. Кучук-Мухаммеду удалось вытеснить Улуг-Мухаммеда за пределы степной зоны Дешт-и-Кипчака. Князь Айдар, являвшийся представителем рода Кунграт (зять Улуг-Мухаммеда), увёл три своих тумена на левый берег Волги, покинув Улуг-Мухаммеда.

Айдар бин Кутум бин Шейх-Мухаммед, ногайский мирза. Осенью 1564 г. летопись датирует приезд «из Нагай» в Москву Айдара б. Кутума б. Шейх-Мухаммеда с отрядом в 50 человек.

Айдар бин Хаджи-Гирей, крымский хан (ок. 1456(?), 1466(?), 1476 г.(?)). Осенью 1479 г. вместе с братом Нур-Даулетом прибыл в Московское княжество. Весной 1480 г. посажен в «заточень» в Вологду. Приглашал сына Данияла и свою жену в Москву (безрезультатно).

Ак-Даулет бин Аккурт, султан (царевич) шибанидской линии Западной Сибири. В августе 1508 г. просил для своего отца Казань, Касимов или «Андреев Городок Каменный».

Аккубек бин Муртаза, астраханский хан (лето 1532–1533; 1545–1546).

Аккурт бин Сайидек, султан (царевич) шибанидской линии Западной Сибири, двоюродный брат тюменских правителей Ибака, Мамука и Агалака. Для него в августе 1508 г. в Москве призывали отдать Казань, Касимов или «Андреев Городок Каменный».

Ак-Мухаммед бин Юнус бин Юсуф, ногайский мирза. После смерти отца в 1561 г. остался служить в Москве. Позже уехал в Малую Ногайскую Орду.

Алакум, слуга крымского султана (царевича) Геммета.

Алач бин Ямгурчи бин Ваккас, ногайский мирза.

Александр Казимирович (Ягеллончик) (1461–1506), великий князь литовский (с 1492-го) и король польский (с 1501-го).

Али бин Ибрагим («Ильгам», «Алегам») (ок. 1450-х – ок. 1490-х), казанский хан (1479 – конец 1484 – начало 1485, вторая половина 1485–1486, 1487). Старший сын и преемник хана Ибрагима от первой жены Фатимы. Родной брат Мелик-Тагира и Худай-Кула. Сводный брат казанских ханов Мухаммед-Амина и Абд ал-Латифа, рождённых второй женой отца – Нур-Султан.

Али бин Кутум бин Шейх-Мухаммед, ногайский мирза. Осенью 1564 г. летопись датирует приезд «из Нагай» в Москву Айдара б. Кутума б. Шейх-Мухаммеда с отрядом в 50 человек. Возможно, его сопровождал брат Али.

Али бин Юсуф, ногайский мирза. «Воевал» Казань перед её захватом в 1552 г.

Али (Али Бек), казанский бек (князь). Перед занятием Казани Улуг-Мухаммедом правил в городе.

Алп бин Мухаммед-Гирей, крымский султан (царевич). Сын хана Мухаммед-Гирея I (1515–1523). Убил своего дядю, султана Ахмеда (брат Мухаммед-Гирея I), зимой 1518/19 гг.

Андреев Останя, представитель московского посольства в Крымском ханстве.

Андрей Васильевич Большой (1446–1493), удельный князь углицкий (1462–1492).

Андрей Иванович (1490–1537), удельный князь старицкий (1519–1537).

Аппак, крымский бек (князь). Был «другом» Москвы при хане Мухаммед-Гирее I.

Арслан бин Хаджи-Мухаммед, ногайский мирза.

Арсланай бин Дивей, карачибек из рода Мангыт.

Арслан-Али бин Абдаллах, султан (царевич), сын астраханского султана (царевича) Абдаллаха.

Ахмед (Ахмат) бин Кучук-Мухаммед (?–6 января 1481), хан Большой Орды (1465–1481 гг.).

Ахмед бин Менгли-Гирей (Ахмед-Гирей), крымский султан (царевич), калга (1515–1519), сын крымского хана Менли-Гирея и младший брат хана Мухаммед-Гирея I.

«Баибагаш», ногайский посол.

«Бекбулат» (Кам-Булат), астраханский царевич, внук хана Большой Орды Ахмеда, отец Симеона Бекбулатовича.

«Бихчюра», ногайский посол.

«Булатовы княжие дети», дети казанского карачибека Булата из рода Ширин – часть казанской знати крымской ориентации.

Бабаджан бин Ураз-Али («Бобеизян»), ногайский мирза.

Бай бин Эль бин Юсуф, ногайский мирза.

Байкул, московский гонец в Крым (казак).

Баки бин Хасан бин Мансур бин Тимур, беклербек («князь») из рода Мангыт. В 1537 г. убил бывшего крымского хана Ислам-Гирея I.

Барай, ногайский мирза.

Бартенев Афанасий, сын боярский, посол в Ногайскую Орду.

Басенок Фёдор Васильевич, воевода Василия II Тёмного.

Бату («Батый») бин Джучи (ок. 1209–1255/1256), монгольский полководец и государственный деятель, сын Джучи, внук Чингис-хана. После смерти отца в 1227 г. стал правителем Улуса Джучи, после смерти деда в том же году был признан старшим среди чингисидов второго поколения. Решением курултая 1235 г. Бату было поручено завоевание территорий на северо-западе, включавших будущий «Русский улус» – княжества Северо-Восточной Руси, в том числе Московское княжество.

Бахадур-Гирей бин Мухаммед-Гирей, крымский калга (1519–1523), астраханский хан (1523), старший сын и наследник крымского хана Мухаммед-Гирея I. Убит в 1523 г. вместе со своим отцом Мухаммед-Гиреем I.

Бахтияр бин Довлетек, крымский мирза из рода Ширин.

Бегиш (Бигиш), крымский бек (князь) из рода Ширин. Около 1509 г. находился в Москве в «поиманье» (заключении).

Беззубцов Константин, воевода Василия II Тёмного.

Беклемишев Никита, московский дворянин, дьяк на службе у Ивана III.

Белек-Булат бин Хаджи-Мухаммед, сторожевой нуратдин Ногайской Орды.

Бердедат бин Худайдат, ордынский султан (царевич).

Берю, крымский улан.

Бий-Мухаммед бин Юнус бин Юсуф, ногайский мирза. Служил в Москве.

Бир-Даулет бин Нур-Даулет (ум. 1480), крымский султан (царевич).

Борис Васильевич (1449–1494), удельный князь волоцкий (1462–1494).

Бра-Газы бин Саид-Ахмед, ногайский мирза.

Будали бин Абдаллах бин Аккубек (1558–1583), астраханский султан (царевич).

Бурнаш-Гирей бин Менгли-Гирей (Бурнаш), крымский султан (царевич).

Бурнаш, крымский бек (князь).

Бучка-Гирей бин Саадет-Гирей, крымский султан (царевич).

Бучкак бин Ахмед бин Менгли-Гирей, крымский султан (царевич).

Василий I (30 декабря 1371 – 27 февраля 1425), великий князь московский и владимирский с 1389 г.

Василий II (10 марта 1415 – 27 марта 1462), великий князь московский с 1425 г. Получил прозвище из-за того, что в 1446 г. Дмитрий Шемяка выколол князю Василию II глаза в отместку за ослеплённого сыном Василия I Василия Косого.

Василий III (25 марта 1479 – 3 декабря 1533), великий князь владимирский и московский (1505–1533), отец Ивана IV Грозного (согласно официальной версии).

Василий Ярославич (ум. 1483), удельный князь Серпуховско-Боровский, Дмитровский и Звенигородский.

Витовт (около 1350 – 27 октября 1430), литовский великий князь с 1397 г. Один из наиболее известных правителей Великого княжества Литовского, ещё при жизни прозванный «Великим».

Владимир Андреевич (1353–1410), князь серпуховской и боровской.

Владимир Андреевич (1533–1569), князь старицкий.

Гази бин Урак (? – убит в марте 1576), ногайский мирза. Основатель Малой Ногайской Орды, внук ногайского бия Саид-Ахмеда бин Мусы («Шейдяка»). Родовая ветвь, к которой принадлежал Гази бин Урак, в 1530-е гг. оказалась оттеснена от власти.

Гази-Гирей II бин Даулет-Гирей, крымский хан (1588–1596, 1596–1607), в 1596 г. его правление ненадолго прерывалось воцарением Фетих-Гирея I. Сын крымского хана Даулет-Гирея, брат и преемник Ислам-Гирея II.

Геммет бин Ахмед бин Менгли-Гирей, крымский султан (царевич).

Герберштейн, Сигизмунд фон (23 августа 1486 – 28 марта 1566), барон, посол императора Священной Римской империи. Писатель и историк. Наибольшую известность приобрёл

за свои обширные труды о географии, истории и внутреннем устройстве Московского государства.

Глинская Елена Васильевна (ок. 1508 – 4 апреля 1538), московская великая княгиня. Вторая жена Василия III, мать Ивана Грозного, регентша на время малолетства.

Гойгель Г., посланник Священной Римской империи.

Голохвастов Б. Я., посол Василия III в Османскую империю.

Голтяев Андрей Фёдорович, князь.

«Девлетсалтана», «жонка», нагаянка.

Даниял бин Айдар бин Хаджи-Гирей, крымский султан (царевич). Его отец, бывший крымский хан Айдар, пребывавший в Московии, звал его присоединиться к нему.

Данияр бин Касим бин Улуг-Мухаммед, касимовский султан (1469–1486).

Даулет-Гирей бин Мубарек-Гирей (1512–1577), крымский хан (1551–1577).

Даулет-Яр бин Хаджи-Гирей, крымский султан (царевич).

Девлеш бин Даулет-Яр бин Хаджи-Гирей, крымский султан (царевич). Его приглашал к себе московский правитель.

Дервиш-Али бин Шейх-Хайдар бин Шейх-Ахмед, астраханский хан (октябрь 1537 – лето 1539; 1554–1556).

Джанай бин Нур-Даулет, касимовский султан (1506–1512).

Джан-Али бин Шейх-Аулияр, касимовский султан (1519–1532) и казанский хан (1532–1535). Убит в Казани 25 сентября 1535 г.

Джанибек (Зенебек) бин Махмуд, астраханский хан (1514 – лето 1521).

Джелал ад-Дин бин Тохтамыш, золотоордынский хан (1412–1413). Один из самых влиятельных сыновей Тохтамыша. В русских летописях известен под именем «Зелени-Салтана Тохтамышевича».

Джучи бин Чингис-хан (ок. 1184 – ок. 1227), старший сын Чингис-хана. Полководец, участвовавший в завоевании Средней Азии, командовавший самостоятельным отрядом в низовьях Сырдарьи. Наследственные земли его потомков – Улус Джучи (с 1224) в западной части Монгольской империи – в русской историографии известны как «Золотая Орда».

Дин-Ахмед бин Исмаил («Тинехмат») (ум. 1578), ногайский бий (1563–1578). Зять второй жены Ивана Грозного, второй сын и преемник бия Исмаила.

Динбай бин Исмаил («Тинбай»), ногайский мирза. Около 1576 г. совершил «бесчестье» над российскими послами в Ногайскую Орду.

Дмитрий Юрьевич (Красный) (1421(?)–1440), князь углицкий, бежецкий и галицкий.

Дмитрий Юрьевич (Шемяка) (начало XV в. – 17 июля 1453), великий князь московский, князь углицкий и галицкий.

Довлетек бин Эминек, крымский мирза.

«Елаир (Джалаир. – Б. Р.) Каибуллин княжов меншов брат Кошаидар».

Елена Ивановна (19 мая 1476 – 20 января 1513), королева польская, дочь Ивана III и Софии Палеолог. С 1495 г. жена великого князя литовского Александра Ягеллончика, с 1501 г. также королева польская.

Ермак (1532(?) – 6 (16) августа 1585), казачий атаман. Исторический завоеватель Сибири для Московского государства.

Заболоцкий Константин, боярин, московский посол в Крымском ханстве.

Замыцкий Константин, московский вельможа на службе у Ивана III и Василия III.

Захария Гуил Гурсис (Гуйгерис) («Захарья»), представитель генуэзского аристократического рода де Гизольфи.

Ибрагим (Ибак) бин Аккубек, астраханский султан (царевич). Прибыл в Московское государство в конце 1558 г.

Ибрагим бин Махмуд («Махмутек») (ум. 1479), казанский хан (1467–1479). Младший брат и преемник хана Халилия, сын хана Махмуда. Занял трон после смерти хана Халилия.

Ибрагим бин Махмудек («Ибак») (ум. 1495), тюменский хан (не позднее 1469–1495) из династии Шибанидов.

Ибрагим бин Юсуф бин Муса, ногайский мирза, правитель Романова. (1564/65–1570).

Иван III (22 января 1440 – 27 октября 1505), московский великий князь (1462–1505).

Иван IV (25 августа 1530 – 18 (28) марта 1584), московский великий князь (с 1533) и царь (с 1547; с перерывом в 1575–1576).

Иван Владимирович (Иван Пронский) (ум. ок. 1430), князь пронский и рязанский.

Иван Фёдорович (ум. 1456), рязанский великий князь (1427–1456).

Иванов Митя (Дмитрий Иванович Александров), «человек» посла в Крымском ханстве И. Мамонова.

«Иванча», «человек» Ивана III в Крымском ханстве.

Ислам-Гази, ногайский мирза.

Ислам-Гирей I бин Мухаммед-Гирей (ум. 1537), крымский хан (1532). Сын крымского хана Мухаммед-Гирея I. Крымский калга (1526–1528, 1532–1535). Вёл длительную борьбу за ханский престол со своими дядями Саадет-Гиреем и Сахиб-Гиреем.

Ислам-Гирей II бин Даулет-Гирей (? – 1588), крымский хан (1584–1588).

Исмаил бин Муса (ум. декабрь 1563), ногайский бий (1555 – декабрь 1563).

Ихмут-мурза, бек (князь) ордынского султана (царевича) Мустафы, убитого в 1443 г. у р. Листань.

«Казы-Мансырь», крымский выходец в Касимове, представитель рода Ширин. Около 1509 г. сменил сюзерена с крымского хана на касимовского султана Джаная.

«Каракиз Хозягулов сын», «паробок» ногайского бия Исмаила в Касимове.

«Каракыз», «жонка», нагаянка.

«Князь Ширинской Бахмет Усеинов сын».

«Козелей, Баичурин аталыков сын», ногайский представитель рода Кат.

«Кутлубулат, князь Городецкий», касимовский и казанский вельможа. Отмечается в Казани в 1533 г.

«Кутлу-салтан», дочь крымского хана Менгли-Гирея.

Кадыр Али-бек бин Хошум-бек Джалаир (1530–1605), историк при дворе сибирского и касимовского ханов.

Казимир IV (Ягеллончик) (30 ноября 1427 – 7 июня 1492), великий князь литовский (с 1440) и король польский (с 1447).

Канбар бин Мамалай, большеордынский мирза из рода Мангыт. С 1505 г. активно участвовал в военных стычках на стороне московского великого князя.

Касим (Кайсым), казанский сейид. Являлся сторонником казанского хана Али б. Ибрагима («Ильхам»), схваченного в 1487 г. Иваном III.

Касим бин Улуг-Мухаммед, касимовский султан (1445–1469).

Керим-Берди бин Тохтамыш, золотоордынский хан (1413). Керим-Берди был сыном Тохтамыша и братом Джелал ад-Дина. В 1412 г. Керим-Берди, по русским летописным источникам, убил Джелал ад-Дина и занял ханский трон в Золотой Орде. Власть Керим-Берди была непрочной, т. к. сразу же после этого хан вступил в конфликт со своим братом Кепеком, также претендовавшим на сарайский престол.

Клеопина-Кутузова Мария, жена Ядгара бин Касима (последний казанский хан).

Кобяков Небольса, гонец Василия III.

Колупаев Михаил, московский посланник в Ногайскую Орду.

Колычев Иван, вельможа на службе Василия III.

Контарини Амброджо (1429–1499), знатный венецианец, был проездом в Московии.

Кочкар бин Мамыш, крымский мирза из рода Седжеут. В 1517 г. «ходил войною» на приграничные московские территории.

Кочман бин Чомаш, ногайский мирза.

Кубенский М. И., князь, боярин.

Кудаш, крымский мирза из рода Ширин. В 1517 г. «ходил войною» на приграничные московские территории.

Кудояр, бек (князь), ногайский посол.

Кудояр, «человек» крымского хана Ислам-Гирея бин Мухаммед-Гирея.

Кутуш, посол хана Менгли-Гирея.

Кучук-Мухаммед бин Тимур (?–1459) (Кичи-Махмет, Кичи-Мухаммед), золотоордынский хан (1437–1459). Внук хана Тимура-Кутлу.

Кучум бин Муртаза (ум. 1600), сибирский хан (1563–1598). Из династии Шибанидов, внук Ибака, тюменского хана, убившего хана Ахмеда в 1481 г.

Лжедмитрий I (ум. 17 мая 1606), московский правитель (1605–1606). По устоявшемуся в историографии мнению – самозванец, выдававший себя за чудом спасшегося младшего сына Ивана Грозного – царевича Дмитрия. Первый из трёх самозванцев, именовавших себя сыном Ивана Грозного, претендовавших на престол.

Лобан-Колычев Иван, окольный Ивана III.

«Мавкин сын Умар мырза», крымский аристократ.

«Магмедша князь», бек (князь) из рода Кыпчак, крымский дипломат, посол.

«Малый Бердеи улан», ордынский улан.

Мальцов Семён, московский посол в Ногайской Орде.

Мамай (ок. 1335–1380), золотоордынский беклербек. С 1361 по 1380 г., в период «Великой замятни», от имени марионеточных ханов из династии Батуидов управлял западной частью (временами также столицей) Золотой Орды.

Мамонов Иван Григорьевич (ум. 1516), московский посол в Крымское ханство. Сын боярский, постельничий, Рюрикович в 19-м колене, младший из троих сыновей окольного Г. А. Нетшина-Мамона (Дмитриева Мамона), служил Ивану III и Василию III, причём у Василия был приближённым лицом.

Мамук бин Махмудек (ум. 1497), казанский хан (1496–1497), Джучид шибанидской ветви. Младший брат Ибака.

Мангуш, представитель казанский знати.

Мардан, бек (князь) из рода Аргын.

Махмуд (Мамат-салтан, Мам'уд) бин Ак-Суфи, золотоордынский султан (царевич).

Махмуд бин Улуг-Мухаммед (Мамотяк) (ум. 1465), казанский хан (1465–1465).

Махмуд бин Юсуф («Маметеи»), ногайский мирза.

Менгли-Гирей бин Хаджи-Гирей (1445–1515), крымский хан (1467, 1469–1475, 1478–1515).

Мин-Булат, золотоордынский «даруга московский».

Михаил Андреевич (ум. 1486), удельный князь верейский, белозерский и вышгородский.

Михаил Фёдорович Романов (1596–1645), московский царь (1613–1645).

Момырёв Василий, московский дьяк.

Морозов Василий Григорьевич, московский вельможа.

Мстиславский Ф. М., князь.

Мунмыш, князь.

Мурад-Гирей бин Мухаммед-Гирей II (ум. 1591), крымский султан (царевич) и нураддин (1584). Москва использовала Мурад-Гирея в качестве своего кандидата на крымский ханский престол. Фёдор Иванович разрешил Мураду проживать в Астрахани, а его братья Саадет и Сафа-Гирей поселились в Большой Ногайской Орде и кочевали вместе с ногаями под Астра-

ханью. Умер при неясных обстоятельствах. Русские летописи обвиняют в его смерти крымцев, подославших к нему людей с отравой. Крымцы со своей стороны обвиняли в том же русских.

Муртаза бин Ахмед (даты рождения и смерти неизвестны), большеордынский хан (с 1481(?)). Старший сын хана Ахмеда бин Кучук-Мухаммеда.

Муртаза бин Мустафа бин Улуг-Мухаммед, султан (царевич). В 1471 г. выехал в Москву «с поля». В 1473 г. султан Муртаза бин Мустафа получил «Новгород на Оце с многими волостями».

Муртаза-Али бин Абдаллах (Михаил Кайбуллович) (ум. ок. 1575), астраханский султан (царевич). Брат касимовского правителя Мустафы-Али. Перешёл на русскую службу в 1552 г. Владдел Звенигородом после царя Симеона Касаевича казанского, скорее всего, с 1569 г.

Муса бин Ваккас, ногайский бий.

Мустафа бин Тотай бин Саид-Ахмед («Мустофа»), ногайский мирза.

Мустафа бин Улуг-Мухаммед (ум. 1443), казанский султан (царевич). Погиб в сражении с московскими войсками, рязанцами и мордвой под Переяславлем-Рязанским; при этом «... резашася крепко».

Мустафа-Али бин Абдаллах, астраханский султан (царевич) и касимовский хан (1584 или 1585–1590).

Мухаммед бин Мустафа («Маамед», «Магамед»), султан (царевич).

Мухаммед-Амин бин Ибрагим («Багай», в русских летописях «Магмед-Аминь») (1469 – декабрь 1518), казанский хан (1484–1485, 1487–1496, 1502–1518). Мухаммед-Амин не оставил после себя сыновей. С его смертью на казанском престоле пресеклась династия потомков хана Улуг-Мухаммеда.

Мухаммед-Гирей I бин Менгли-Гирей (1465–1523), крымский калга и хан (1515–1523). Старший из восьми сыновей Менгли-Гирея, стремился восстановить Золотую Орду периода её расцвета. Взял Астрахань, реализуя эти цели (1523). Однако удержать её ему не удалось – он был убит ногами вместе со своим сыном Бахадур-Гиреем в этом городе в 1523 г. Согласно как крымским, так и московским источникам, имел пристрастие к алкоголю.

Мухаммед-Кул, ногайский мирза.

Мухаммед-Мурад бин Ураз-Мухаммед бин Ондан, сын касимовского царя.

Мухаммед-Шейх бин Мустафа («Мамишек»), султан (царевич).

Навалкин Борис, сын боярский, посол в Ногайскую Орду.

Науруз бин Эдиге, золотоордынский беклербек. Участвовал в напряжённой политической борьбе за власть в бывшей Золотой Орде, развернувшейся после убийства своего отца Эдиге.

Немоевский Станислав, доверенный гонец шведской королевы.

Никитин Афанасий (ум. 1475(?)), путешественник, писатель, тверской купец.

Новосильцев И. П., московский посол в Османскую империю.

Нур-Даулет бин Хаджи-Гирей (ум. 1503), крымский (1466–1467, 1467–1469, 1475–1476), позже касимовский хан (1486–1490).

Нур-Султан (ум. 1519), ногайская княжна, супруга казанских ханов Халиля, затем – Ибрагима, затем – крымского хана Менгли-Гирея. Дочь золотоордынского беклербека Тимура. Хаджи (совершила паломничество в Мекку). Выступала в роли своеобразного посредника и миротворца между Казанью, Москвой и Крымом. Вела личную переписку с Иваном III.

Оболенский Василий, князь.

Олег Иванович (ум. 1402), великий князь рязанский (1350–1402 с перерывом).

Палецкий Иван, князь.

Палецкий Фёдор, князь.

Печеви Ибрагим, османский историк-хронист.

Пивов Роман, опричник Ивана IV.

- Пулад бин Ураз-Али, ногайский мирза.
«Расовы дети», дети казанского карачибека Бибарса Растова из рода Мангыт – представители казанской знати восточной ориентации.
Ромодановский Василий, московский посол в Крым.
«Смендияр», ногайский посол.
Саадет-Гирей I бин Менгли-Гирей (1492–1538), крымский хан (1524–1532).
Саадет-Гирей II бин Мухаммед-Гирей (?-1587), крымский хан (1584).
Саид-Ахмед бин Муса («Шейдяк») (ум. после 1551), ногайский бий (по разным источникам в 1521–1549, 1532–1549 или 1542–1549).
Саин-Булат бин Абдаллах, астраханский султан (царевич).
Саин-Булат бин Бекбулат (ум. 5 января 1616) (в крещении Симеон Бекбулатович), касимовский хан (1567 или 1570–1573). Вместе с отцом перешёл на службу к Ивану Грозному. Участвовал в войне с Ливонией в 1570-х гг. В годы опричнины Иван именовал Симеона «великим князем всея Руси» (1575–1576). С 1576 г. – великий князь Тверской.
Сатылган бин Нур-Даулет (ум. около конца 1506), касимовский султан (царевич) (1490–1506). Занял трон ещё при жизни отца.
Сафа-Гирей бин Фетих-Гирей (1510–1549), крымский султан (царевич), казанский хан (1524–1531, 1535–1546, июль 1546 – март 1549).
Сафа-Гирей бин Мухаммед-Гирей II (ум. 1591), крымский калга (1584) и нураддин (1588–1591).
Сахиб-Гирей I бин Менгли-Гирей (1501–1551), казанский (1521–1524) и крымский хан (1532–1551).
Сеид-Ахмед бин Ахмед (даты рождения и смерти неизвестны), большеордынский хан. Один из (со)правителей Большой Орды (последняя четверть XV в.). Внук Кучук-Мухаммеда.
Семён (Семеней, Саин), ногайский мирза из рода Катай («Китай»).
Сигизмунд I Старый (Сигизмунд Казимирович) (1467–1548), великий князь литовский (с 1506-го) и король польский (с 1506-го).
Сигизмунд II Август (1520–1572), великий князь литовский (с 1529-го) и король польский (с 1530-го).
Совин П., московский посол в Ногайской Орде.
«Суунчей», «слуга» крымского хана Менгли-Гирея.
Сулеш, крымский бек (князь).
Султан-Гази бин Хаджи-Мухаммед бин Муса, ногайский мирза.
«Сырпьяк», крымский посол.
Сююш бин Эль бин Юсуф бин Муса, ногайский мирза, правитель Романова (1611–1656).
«Тувач», «человек» ногайского бия Ямгурчи.
Таваккул бин Тимур (Тевекель, Тювикель), большеордынский беклербек. Один из представителей аристократии Мангытов конца XV – начала XVI в. Сын Тимура, внук Мансура и правнук Эдиге, беклербек Большой Орды при сыновьях хана Ахмеда.
Текина (Тегине), эмир правого крыла Золотой Орды из рода Ширин в 1-й половине XV в.
Телеш, крымский мирза из рода Мангыт.
Теникеев Абдул, ногайский мирза.
Тимур бин Тарагай (Тамерлан) (1336–1405), среднеазиатский тюркский полководец и завоеватель, сыгравший существенную роль в истории Средней, Южной и Западной Азии, а также Кавказа, Поволжья и Руси. Полководец, основатель империи Тимуридов (1370) со столицей в Самарканде. Великий эмир империи Тимуридов (1370–1405).
Тимур бин Ураз-Али («Темир»), ногайский мирза.
Тит, князь козельский.
Токузак бин Агиш, крымский мирза из рода Ширин.

Тохтамыш бин Бахадур, астраханский султан (царевич). Прибыл в Москву между 1556 и 1557 гг.

Тохтамыш бин Туй-Ходжа (ум. 1404 (1406(?)), золотоордынский хан (1380–1395), хан Тюменского ханства (1400–1404 (1406(?)).

Тохтар бин Ураз-Али, ногайский мирза. В 1561 г. прибыл в Москву.

Туга-Тимур бин Джучи, тринадцатый сын Джучи. Потомки Туга-Тимура, ханы из династии Туга-Тимуридов наряду с Шибанидами сыграли ключевую роль в «Великой замятне» и последовавшем за ней распаде Золотой Орды.

Тучков Михаил, посланник в Крымское ханство.

Удем, крымский бек (князь) из рода Мангыт.

Узбек бин Тогрул (ок. 1283–1341), золотоордынский хан (1313–1341). Правление Узбека стало временем наивысшего могущества Золотой Орды. В русских летописях известен как Алабуга, Азбьяк, Озбьяк.

Уз-Тимур (Издемир) бин Хаджи-Гирей, крымский султан (царевич). Уз-Тимур был младшим братом Менгли-Гирея. Его завлекал к себе московский правитель.

Улуг-Мухаммед бин Ичкеле-Хасан (1405–1445), золотоордынский хан (1419–1423, 1426–1427, с 1428, 1428–1432), фактический правитель в Крымском (1437) и Казанском ханствах (1438–1445).

Ураз-Али (Уразлы) бин Шейх-Мухаммед, ногайский мирза (кековат).

Ураз-Берди, ногайский мирза.

Ураз-Мухаммед бин Дин-Ахмед (ум. 1598), ногайский бий (1590–1598).

Ураз-Мухаммед бин Ондан (ум. 1610), касимовский хан (1600–1610).

Урак бин Алчагир, ногайский мирза. Один из сыновей бия Ногайской Орды Алчагира, сын сестры крымского хана Менгли-Гирея. Отец Гази, основателя Малой Ногайской Орды.

Урус бин Исмаил (ум. 1590), ногайский бий (1578–1590).

Утемиш-Хаджи бин Маулана Мухаммед Досты (XVI в.), шейбанидский историк. Автор трактата «Тарих-и Дост-султан» («История Дост-султана»), написанного в 1550 г. Утемиш-Хаджи происходил из влиятельной семьи, служившей хану Ильбарсу. На службе у хана Ильбарса начиналась и карьера Утемиш-Хаджи. Предки же Утемиш-Хаджи служили хану Ядгару.

Утеш бин Бегиш, крымский карачибек из рода Ширин. Среди князей – сторонников казанского хана Али б. Ибрагима («Ильхам»), оказавшегося в плену в 1487 г. у Ивана III, были Ширины Бегиш и его сын Утеш, которые ушли к хану Ибрагиму б. Махмудека («Ибак»). В 1492 г. князья находились у ногайского мирзы Мусы. Иван III просил их перейти к нему на службу. Видимо, Утеш снова вернулся в Казань, но опять «изменил» московскому правителю и в этот раз был захвачен и доставлен в Московию.

Фатима, жена хана Шах-Али бин Шейх-Аулияра.

Фёдор I Иванович (1557–1598), московский царь (1584–1598).

Фёдор Олгович (ум. 1427), великий князь рязанский (1402–1427).

«Худаи Батышев брат Азий Утемиш», ногайский подданный.

Хаджи-Ахмед бин Ахмед («Коджак», «Хозяк»), большеордынский султан (царевич) и калга (конец XV – начало XVI в.).

«Хозяк-сеит» («Хозяка»), верховный сеййид Большой Орды (конец XV – начало XVI в.).

Хаджи-Гирей бин Гыяс-эд-Дин (около 1397–1466), первый хан Крымского ханства (1441–1466).

Хаджике («Азика») (Хаджи-Ахмед бин Дин-Суфи), золотоордынский и крымский беклербек. Один из представителей аристократии мангытов конца XV – начала XVI в. Внук Мансура и правнук Эдиге, беклербек Большой Орды при сыновьях хана Ахмеда, позднее беклербек в Крымском ханстве.

Хаджи-Мухаммед бин Муса («Кошум»), ногайский мирза, первый нураддин Ногайской Орды.

Хан бин Касый, ногайский мирза.

Хаспулат-Гирей бин Девлет-Гирей («Касбулат»), крымский султан (царевич).

Челищев Илья, московский вельможа в Крымском ханстве.

Чин бин Эль бин Юсуф, ногайский мирза.

Чингис-хан (ок. 1155 или 1162 – 25 августа 1227), основатель и первый великий хан Монгольской империи.

Чюра, толмач (переводчик).

Шах-Али бин Шейх-Аулияр («Шигалей») (1505 – 22 апреля 1567), касимовский (1516–1519, 1535–1546, 1546–1551, 1552–1567) и казанский хан (1519–1521, июнь-июль 1546, 1551–1552).

Шах-Али бин Ак-Даулет бин Аккурт, султан (царевич) из династии Шибанидов.

Шейх-Аулияр бин Бахтияр, большеордынский султан (царевич), касимовский правитель (1512–1516).

Шейх-Ахмед бин Ахмед (? – ок. 1528 г.), последний хан Большой Орды (1481(?)) (с перерывами) – 1502 г.). Формально последний правитель Улуса Джучи, в политической зависимости от которого находились московские правители.

Шейх-Мамай бин Муса («Ших-Мамай»), ногайский бий.

Шерефи Хаджитархани (Кул-Шариф) (ум. 1552), последний верховный сейид Казанского ханства. Имам, религиозный деятель, поэт, возглавивший оборону одной из частей Казани в октябре 1552 г. против войск Ивана Грозного. Погиб при штурме вместе со своими сподвижниками. В его честь названа мечеть Кул-Шариф, построенная в 1996–2005 гг. в Казанском Кремле на месте разрушенной исторической мечети.

Шибан бин Джучи, внук Чингис-хана, четвёртый или пятый сын Джучи, основатель династии Шибанидов.

Ширин-бек, крымская княжна из рода Ширин, жена хана Саадет-Гирея.

Шуйский Василий Юрьевич (ум. 1448(?)), князь суздальский.

Шуйский Фёдор Юрьевич (ум. 1476), князь шуйский и суздальский (1446–1447).

Щелкалов Андрей, московский дьяк.

Эдиге бин Балтычак (Идигей, Идиге, Идику) (1352–1419), золотоордынский беклербек (конец XIV – начало XV в.). Основатель династии, возглавившей Ногайскую Орду. Его прямыми потомками по мужской линии были российские князья Урусовы и Юсуповы.

Эль бин Юсуф, ногайский мирза, правитель Романова (1570–1611).

Юнус бин Юсуф (ум. 1561), ногайский мирза. 5 июня 1558 г. прибыл в Москву. Иван IV «...учинил его на государстве, на княжении ногайском, на отца его юрте и на его по старине». Юнус скончался в Москве 10 мая 1561 г.

Юрий Дмитриевич (1374–1434), московский великий князь (1433–1434), дядя Василия II.

Юсуф бин Ахмед, крымский султан (царевич).

Юсуф бин Муса (ум. 1554), ногайский нураддин (1530–1540-е) и бий (1549–1554).

Юсуф бин Якуб, кузен султана Шейх-Аулияра б. Бахтияра.

«Янгуват абыз».

«Янтемир», ногайский посол.

«Ярлагамыш».

«Ясаналей», приближённый ногайского бия Саид-Ахмеда б. Мусы.

«Яфар Бердей», «человек» большеордынского султана (царевича) Джанибека бин Махмуда.

Ядгар бин Касим (Симеон Касаевич) («Едигер») (1522–1565), астраханский султан (царевич), последний казанский хан (март-октябрь 1552-го).

Якуб бин Улуг-Мухаммед, золотоордынский султан (царевич).

Якшисаат бин Мамай, ногайский мирза.

Ямгурчи бин Бирдибек, астраханский хан (1546–1550; 1551–1554).

Ямгурчи бин Ваккас, ногайский бий (примерно 1502–1504).

Ян-Мамет Джанаев, ногайский мирза.

Япанчи бин Ямгурчи, крымский султан (царевич).

Приложение 3. Выдержки из документов⁵⁹⁸

1. Список с «крепкой» грамоты, изначально посланной крымскому хану Менгли-Гирею б. Хаджи-Гирею, и далее переписанной для его сына Мухаммед-Гирея б. Менгли-Гирея, если он «похочет» подобную грамоту для себя (1515).

«А се таков список послан с Иваном (посол боярин И. Мамонов. – Б. Р.), какова грамота была великого князя у Менгли-Гирея царя запаса для, нечто Магмед Кирей царь похочет таковы грамоты у великого князя у Василья.

Дай Господи тебе лиха не было брату моему Магмед Кирею царю, а нечто ти ся сстанет, каково дело о юрте отца твоего царя дело будет, а пришлешь ко мне к великому князю Василью к брату своему собою почен в головах от меня от великого князя, от детей моих и от братья и от великих князей и от добрых бояр тебе царю и брату и твоей братье и твоим детем и великим князем и добрым слугам никакова ми вам лиха не учинити, доброволно приедешь, доброволно куды хочешь пойти пойдешь, а нам тебя не держати, а колко сила моя имет печаловатимися царева отца твоего места досягати, надеясь на Бога печаль свою учиню; другу друг, а недругу недруг буду, и oprичь сех слов инако не учиню по той правде, как есми тебе по своей вере молвил и крест целовал; так молвя из своих уст сю крепкую грамоту с золотою своею печатью дал есми»⁵⁹⁹.

2. «Опасная» грамота крымскому султану Ахмеду (Ахмед-Гирей) б. Менгли-Гирею (декабрь, 1518). Послана с послом боярином князем Ю. Дмитриевичем Пронским.

«От великого князя Василья Ивановича всея Руси брату моему Ахмату-Гирею царевичю. Приказывал еси к нам, да и в грамоте в своей к нам писал: нечто будет тебе тамо в своей земле не мочно быти, и ты хочешь к нам ехати в нашу землю, и ты б брат наш к нам поехал в нашу землю безо всякого опасу, а мы тебе брату своему в своей земле место дадим и дружбу свою и добро свое к тебе к брату своему и к твоим царицам и к твоему сыну к Гемметю царевичю и ко всем твоим детем хотим держати. А которые твои люди к нам с тобою приедут в нашу землю, и мы твоих людей жаловати хотим (выделено мной. – Б. Р.). А приехати тебе к нам в нашу землю и с своими царицами и с своим сыном с Гемметем царевичем и с своими детми и со всеми с своими людьми доброволно безо всякого опасу. А от меня от брата твоего от великого князя Василья Ивановича всея Руси и от моей братья и от моих великих князей и от моих князей и от моих бояр и от всех наших людей тебе брату нашему Ахмату царевичю и твоим царицам и твоему сыну Гемметю царевичю и твоим детем и всем твоим людям лиха и нечти и силе никоторой никак не быти по сей нашей опасной грамоте; а будучи брат наш у нас в нашей земле, да похочешь итти от нас из земли вон, и тебе брату нашему Ахмату царевичю и твоим царицам и твоему сыну Гемметю царевичю и твоим детем и всем твоим людям итти от нас из земли доброволно безо всякие зацепки, а лиха и нечти и силе над тобою и над твоими царицами и над твоим сыном Гемметем царевичем и над твоими детми и над всеми твоими людьми также никоторой никак не быти по сей нашей опасной грамоте. А которые есмя свои слова в сей своей грамоте к тебе брату своему писали, и те слова инако никак не будут по нашем крепкому слову. А ся наша грамота тебе брату нашему и опасная писана на Москве лета 7027-го»⁶⁰⁰.

⁵⁹⁸ Выдержки из документов несут информативную функцию. Они не оформлялись в соответствии с общепринятыми правилами издания исторических источников.

⁵⁹⁹ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 220.

⁶⁰⁰ Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 600–601.

Имеются подобные грамоты Саадет-Гирею б. Менгли-Гирею и Геммет-Гирею б. Ахмед-Гирею (датированы мартом 1519-го⁶⁰¹ и 20 июня 1521 г.⁶⁰²), Юсуфу б. Ахмед-Гирею и Бучкаку б. Ахмед-Гирею (датирована мартом 1519 г.)⁶⁰³ (видимо, имелся общий шаблон для такого рода документов); однако эти грамоты различаются степенью подробности в непринципиальных моментах.

3. «Опасная» грамота астраханскому султану Тохтамышу б. Бахадуру (25 июля, 1556), находившемуся в Ногайской Орде. Послана с казаком «Баиберею» Тоишевым.

«Божиею милостию от царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии слово то Тахтамыш салтану. Присылал к нам бити челом брат наш Шигалеи царь, что ты ему в роду брат ближней и иново ему такова брата близка нет. И нам бы тебя взяти к себе и юртом устроить. И мы ныне послали к тебе своих казаков Баиберею Тоишева с товарищи с сею своею грамотою. А брат наш Шигалеи царь послал к тебе своих казаков Ярлагамыша Шаврукова с товарищи с своею грамотою. И ты б, Тахтамыш салтан, поехал к нам по сеи нашей грамоте. А мы тебя в своей земле юртом добрым устроим и в великой любви себе учиним. И почесть тебе у себя учиним свыше иных царевичев (выделено мной. – Б. Р.). А которое слово о любви молвили есмя, и то слово иноко не будет. Одноконечно бы еси к нам ехал безо всякого сумненья. А ся тебе наша грамота и опасная. Молвя, крепково для слова печать свою на утверженье к сеи грамоте приложил есми лета 7064-го июля месяца 25»⁶⁰⁴.

4. «Приезжая» грамота от ногайского мирзы Ибрагима б. Юсуфа к Ивану Грозному (11 сентября, 1563). Прислана из Астрахани:

«От Ибреима мирзы брату моему белому царю и великому князю. А слово, государь, мое то. Что есми приехав в твое царство, стою в нем сторожею и хочю тебе служить с своею братьею да и з своими детьми. И где государь, будет ко мне кавово твое слово, и яз рад твою службу служить. А мне Исмаил князь приказывал, чтоб яз к нему приехал. Да и Казый мирза ко мне приказывал же, чтобы яз к нему приехал. И яз государь без твоего приказы брата своего белого царя нигде не еду. И ты мне белый царь как повелишь к Исмаилу ли князю мне ехати или велишь х Казыю мирзе. И где мне ты повелишь, и яз там поеду. Или повелишь мне в своем царстве в Асторохани жити и своего государства беречи. И ты б государь мне свой приказ отписал. Или, государь, велишь мне к себе приехати, и яз х тебе приеду. И как, государь, ты мне прикажешь, и яз так учиню. А с сею есми грамотою послал х тебе к брату своему белому царю Анаул имилдеша и аталыка своего. Послана грамота с печатью»⁶⁰⁵.

⁶⁰¹ Малиновский А. Историческое и Дипломатическое собрание дел, происходивших между Российскими великими князьями и бывшими в Крыме Татарскими царями, с 1462 по 1533 год // Записки ООИД. – Одесса, 1863. – Т. 5. – С. 410.

⁶⁰² Сборник РИО. – СПб., 1895. – Т. 95. – С. 704–705; Малиновский А. Историческое и Дипломатическое собрание дел, происходивших между Российскими великими князьями и бывшими в Крыме Татарскими царями, с 1462 по 1533 год // Записки ООИД. – Одесса, 1863. – Т. 5. – С. 411.

⁶⁰³ Малиновский А. Историческое и Дипломатическое собрание дел, происходивших между Российскими великими князьями и бывшими в Крыме Татарскими царями, с 1462 по 1533 год // Записки ООИД. – Одесса, 1863. – Т. 5. – С. 410–411.

⁶⁰⁴ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. – Казань, 2006. – С. 214.

⁶⁰⁵ РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. – Кн. 6. – Л. 170–171.

Summary

Muscovite Rus' and the Tatar khanates during the XVth through XVIth centuries

This book is dedicated to the study of the mutual relations between Muscovy and the Later Golden Horde states that existed on the territory of Desht-i-Qipchaq (the Qipchaq Steppe, a part of East European steppe bounded roughly by the Oskol and Tobol rivers, the steppe/forest line, and the Caspian and the Aral seas) during the fifteenth through sixteenth centuries. As a part and later a successor of a huge empire, the Ulus of Juchi (also known as the Golden Horde), Muscovy adopted a number of its political and social institutions. One of the most striking examples in this respect is the institute of iurt widespread at steppe. The main goal of the book is to reveal the position of Muscovy within the system of the Later Golden Horde states. An additional goal is to revisit the role of Tatar khanates (also known as Later Golden Horde states) in the political history of Central Eurasia in the fifteenth and sixteenth centuries.

A full differentiation of Muscovite and Tatar political history of the fifteenth and sixteenth centuries between two separate parts seems rather incorrect. Muscovy had been an integral part of the Steppe world, politically and economically, since its very origin. It remained the same in the fifteenth and sixteenth centuries.

The most crucial points in the almost six-century-long (thirteenth to eighteenth) relations between Muscovy and the Tatars were the fact of the Mongol invasion of North, East and some South Rus' principalities between 1237 and 1241, and the fact of the Muscovite annexation of the Kazan and Astrakhan khanates between 1552 and 1556. According to this model, initially the Tatar side had been the dominant partner in these mutual relations; however, from the beginning of the seventeenth century this role gradually passed to Muscovy.

Markers of former dependent position of the Muscovite grand principality to the Golden Horde (the Ulus of Juchi) appear constantly in the course of contacts between Muscovy and Tatar khanates. But little by little, Muscovy began to claim a higher position in her relations with the Later Golden Horde states than it initially had. It used various ways to penetrate the system of the Tatar khanates. And finally, these efforts succeeded. By the end of the eighteenth century, with the conquest of the Crimean khanate in 1783, the Russian state had achieved ascendancy over much of Central Eurasia.

Сведения об авторе

Булат Раимович Рахимзянов (р. 1976) – историк (Казанский государственный университет, 1998), кандидат исторических наук (Казанский государственный университет, 2001), автор двух монографий: «Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории» (Казань, 2009) и «Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв.» (Санкт-Петербург, 2016).

Непродолжительное время работал в рекламном бизнесе (2001–2002). С 2003 по 2006 г. являлся ассистентом кафедры отечественной истории до XX в. исторического факультета Казанского государственного университета. В 2006/2007 академическом году проводил научное исследование в Гарвардском университете (США, г. Кембридж), а также в Санкт-Петербургском государственном университете. В мае 2011 г. работал в библиотеках Парижа (Франция), в мае 2012 г. – Майнца и Берлина (Германия). С 2008 г. – старший научный сотрудник Центра этнологического мониторинга, с 2010 – Отдела средневековой истории, с 2015 – Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова, с 2016 – Отдела новой истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Колумнист интернет-газеты «Реальное время».

Область научных интересов – средневековая история России, в особенности восточная политика Московского государства, имперская история России (национальные и религиозные аспекты), ислам в России, этническая история российских татар, татарская идентичность, история и память.

Автор работ по средневековой истории России, в частности по истории Золотой Орды, Касимовского ханства и в целом восточной политике Московского государства XV–XVI вв.

Участник многих научных и образовательных мероприятий. Выступал с докладами в Гарвардском университете, Санкт-Петербургском государственном университете, Высшей школе социальных наук (EHESS, Париж), университете Иоганна Гуттенберга в Майнце, Высшей школе экономики (Москва), Уральском федеральном университете, Венском университете.

Лауреат премии Республики Татарстан для государственной поддержки молодых учёных по направлению «История, язык и литература» (2004). Финалист программы Фулбрайт по обмену учёными (2006). Стипендиат Фонда Карнеги в области социальных и гуманитарных наук (2007). Победитель в номинации «Лучший молодой учёный 2009 г.», учреждённой Академией наук Республики Татарстан. Грантополучатель Международной ассоциации гуманитариев (2007–2008), Фонда Герды Хенкель (2010–2012), Франко-российского центра гуманитарных и общественных наук в Москве (2011), Российского фонда фундаментальных исследований (2016), Германского исторического института в Москве (2016).

Резюме

XV–XVI гасырларда Мәскәү Русе һәм татар ханлыҡлары

Бу китап XV–XVI гасырларда Мәскәү Русе һәм Көнчыгыш Европаның сәяси картасында булган татар ханлыҡлары арасындагы мөнәсәбәтләрне тикшерүгә бағышланган. Китапның төп максаты – Алтын Урдан соңғы дәүләтләр системасында Мәскәү Русенең урынын күрсәтү. Өстәмә бурыч булып татар ханлыҡларының Үзәк Евразия сәяси тарихындагы ролен яңача карап чыгу тора.

XV–XVI гасырларда Мәскәү һәм татар сәяси тарихын ике мөһим өлөшкә бүлү китап авторына уйдырма булып күренә. Иң баштагы чорлардан ук, сәяси күзлектән караганда да, шулай ук икътисади планда Мәскәү дәүләте Дала дөньясының аерылгысыз өлөшө булган. XV һәм XVI гасырлар дәвамында бу ситуация үзгәрмәгән.

Мәскәү дәүләте һәм татар ханлыҡлары арасындагы мөнәсәбәтләрнең принциптарын булдырган һәм соңрак үзгәрткән иң мөһим вакыйгалар булып 1237–1241 елларда Бату хан тарафыннан күпчелек рус кенәзлекләрен яулап алу һәм 1552–1556 елларда Мәскәү тарафыннан Казан һәм Әстерхан ханлыҡларын басып алу тора.

Башта татарлар белән Мәскәү арасындагы мөнәсәбәтләрдә өстенлек итүче партнёр булып Урда, аннары аның варислары булган ханлыҡлар тора, һәм чама белән XVII гасырдан башлап, бу роль акрынлап Мәскәүгә күчә, тик бу борылыш бертөрлөккә аңлатылмый.

Мәскәү татар дөньясы белән алты гасырлык диярлек мөнәсәбәтләр (XIII–XVIII гасырлар) вакытында бу системаның бер эгзасы булып китә, аның күп принциптарын, аеруча тышкы сәясәткә кагылышлыларын, табигый рәвештә үзенә сәндәрә. Әмма XIII гасырның беренче яртысындагы вакыйгалар барышы һәм яклар арасындагы конфессиональ аерма аларга бер-берсен тулы күләмдә аңларга һәм кабул итәргә мөмкинлек бирми.

Шуңа күрә Бөек Мәскәү кенәзлегенең Алтын Урдан гасырларга сузылган бәйлелеге Мәскәү дәүләте һәм татар ханлыҡлары арасындагы мөнәсәбәтләрдә даими сизелә. Мәскәү дәүләте акрынлап татар ханлыҡлары белән мөнәсәбәтләрдә баштагыга караганда югарырак урынга дөгвалый башлай. XVIII гасыр ахырына – 1783 елда, Крым ханлыгын басып алу белән Россия дәүләте Үзәк Евразиянең күпчелек өлөшөндә өстенлеккә ирешә.